

О Анна
ДУВАЛОВА

ЭЛИТА
ГОРСКЕЙРА

НЕВЫНОСИМЫЙ
ДАР

Annotation

Сложно быть принцессой, если в твоём прошлом маньяк, а будущее туманно. Об этом я думаю, стоя на улице в захолустном городке и изучая окно, разрушившее все надежды и отбросившее меня на несколько лет назад. Туда, где нет одаренной спортсменки и менталистки, которая умеет взрывать головы, как арбузы, а есть только маленькая, очень напуганная девочка, жизнь которой не будет прежней. ПЕРВАЯ ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)

- [Глава 26](#)
  - [Эпилог](#)
-

Глава 1

Сложно быть принцессой, если в твоём прошлом маньяк, а будущее туманно. Об этом я думаю, стоя на улице в захолустном городке и изучая окно, разрушившее все надежды и отбросившее меня на несколько лет назад. Туда, где нет одаренной спортсменки и менталистки, умеющей взрывать головы, как арбузы, а есть только маленькая, очень напуганная девочка, жизнь которой не будет прежней. Девочка, увидевшая в окне красивую куклу и совершившая ошибку, доверившись человеку, которого знала. Не очень верила, побаивалась, но не ожидала зла.

Дождь начинает капать неожиданно, но очень кстати. Он смешивается со слезами на моих щеках, скрывая слабость. Я не могу отвести взгляд или сойти с этого места.

— Подожди здесь, — бросает Дар и срывается к дому.

— Ты куда? — спрашиваю я безразлично.

— Мы должны выяснить, кто в этой квартире. Ясно, Каро? — уверенно говорит он, и с меня, словно слетает ледяная скорлупа. Мне было необходимо, чтобы кто-то в этой ситуации действовал увереннее, чем я.

— Ясно. — Я киваю и отправляюсь следом.

— Ты куда?

— Не думаешь же ты, что я останусь стоять здесь? Нет, Дар. Я должна видеть сама. Возможно, тогда прошлое меня отпустит.

Парень осторожно соглашается, и мы вдвоем направляемся в сторону дома. Меня трясет. Руки дрожат, и к горлу подкатывает тошнота. Тот же темный и обшарпанный подъезд. Кажется, ремонт не делали со дня постройки дома еще в прошлом веке. Три скрипучие деревянные ступени, коричневая дверь с облупившейся краской и запах... старости и нищеты.

— Если хочешь, можешь подождать снаружи, — предлагает Дар, но я отрицательно мотаю головой.

— Не хочу. Мне нужно видеть самой.

Мне все нужно делать самой. Такова уж моя натура. Поэтому обхожу парня. Замираю перед дверью и, сосчитав мысленно до трех,

стучу. Где-то в глубине души, ловлю себя на мысли, что не хочу, чтобы дверь открывалась. Но с той стороны предательски щелкает замок.

Дыхание перехватывает. Я реально забываю набрать в легкие воздуха, и голова начинает кружиться от недостатка кислорода. Я даже представить не могла, насколько страшно мне будет. Сначала в полумраке подъезда показывается светлая полоска из осторожно приоткрытой двери. Она скользит по пыльному полу и падает на носки моих ботинок. Я заморожено смотрю на нее, а она становится все шире. Поднять глаза вверх, чтобы взглянуть в лицо своему кошмару я не могу, пока не слышу нейтральный голос Дара.

— Здравствуйте...

Сердце пропускает удар. Вряд ли бы парень поздоровался с маньяком таким тоном.

— Здравствуйте.

Ему отвечает неуверенный девичий голос. Вскидываю глаза и вижу перед собой девушку или, вернее, молодую женщину. Старше меня где-то лет на пять. Очень худенькую, большеглазую с рыжими волосами, забранными в пучок на макушке. На ней растянутый светло-серый свитер и штаны, немного вытянутые на коленях. В руках ботинок. Другой все еще на ноге. Видимо, она только вернулась домой, возможно, с работы. Она совсем не похожа на мой кошмар. Абсолютно обычная жительница провинциального небогатого городка, которой приходится долго и тяжело трудиться, чтобы выживать. Жизнью такое существование назвать сложно, я прекрасно знаю, что такое жизнь здесь. Всего пять часов пути от Горскейра, а совсем другие реалии.

Мы смотрим друг на друга с одинаковым недоумением, и молчание затягивается, пока девушка не решает заговорить первой.

— А вы... — начинает она, но ее перебивают.

— Мамочка, а кто это? — Из комнаты выбегает девочка, лет пять, не больше. Такая же рыжая и голубоглазая и прижимается к ноге девушки.

— Милая, иди поиграй. Я сейчас...

Девчушка смотрит на нас во все глаза, как на диковинку, но кивает и снова скрывается в недрах квартиры.

— Простите... — Я сглатываю и пячусь. — Раньше эта квартира принадлежала...

— Да, у нее был другой хозяин. — Девушка кивает. — Он умер, а его вдова продала квартиру за такие смешные деньги, что у меня получилось ее купить. Это несказанная удача для нас с Молли. Сама вдова живет в доме напротив. Если у вас вопросы по поводу старого хозяина, наверное, лучше спросить у нее, я ничего не знаю. Знаю, он был не очень хорошим человеком... — Она замолкает. — Но я его совсем не знала, извините.

— Еще раз простите, — хрипло говорю я и начинаю отступать, но натыкаюсь спиной на Дара, который стоит на месте, как вкопанный.

— Мы хотели узнать по поводу куклы на окне... — уточняет он, и у меня сжимается желудок.

— А это... — Девушка передергивает плечами и тихо говорит: — Признаться, у меня от нее мурашки по коже, но она закреплена на подоконнике. И уже была закреплена, когда мы въехали в квартиру. Я хотела выкинуть, но кукла очень понравилась дочке, поэтому пришлось оставить... У Молли не так много игрушек. А что вы хотели?

— У меня в детстве была похожая... — выдавливаю из себя я, пытаюсь понять, что это все значит. Рыжеволосая хозяйка квартиры выглядит искренней. Не могу понять, кто закрепил куклу на подоконнике. — И я жила тут неподалеку. Поэтому кукла в окне... на миг мне показалась, что эта та самая кукла, которую я потеряла в детстве. Простите еще раз, — говорю я и утягиваю Дара за собой. Мне не хватает воздуха.

— Не понял, этот урод еще был женат? — восклицает парень возмущенно, но это точно не та тема, которую я хочу поддерживать. Точнее, даже не хочу. Это определенно не та тема, которую я могу поддерживать.

— Прошу тебя, не сейчас, — отвечаю я. — Поехали отсюда, быстрее. Мне плохо. Значит, он все же умер.

— Значит...

Дар не спорит со мной, подводит к магмобилю и открывает дверь. Я не привыкла, чтобы за мной ухаживали, но сейчас, кажется, не в состоянии сделать даже такую элементарную вещь, как самостоятельно попасть внутрь магмобиля. Сажусь в салон, прикрываю глаза и чувствую, что бьющая меня дрожь не отступает. Я даже не сразу замечаю, что Дар сам не садится. Поворачиваюсь и

вижу, что парень отходит от магмобиля в сторону дома, где на окне все еще стоит кукла, выделяющаяся черным силуэтом на свету.

— Ты куда? — спрашиваю его, приоткрыв окно.

— Сейчас вернусь, — отвечает он глухо и, не оборачиваясь, уходит. А мне хочется крикнуть ему вслед. «Не смей уходить, не оставляй меня тут одну, пожалуйста».

Но я сильнее этого. Сильнее неуверенности, страха и воспоминаний, которые в этом месте особенно сильны.

Закрываю наглухо окна и дверь и сжимаюсь на сиденье. Невольно, поворачиваю голову на дом, который стоит напротив. Во многих окнах свет. Взгляд останавливается на двух слева на третьем этаже. Не знаю, что я хочу там увидеть или не хочу. Свет только в одном. Вглядываюсь. Через почти прозрачные шторы с примитивным рисунком вижу кухонный гарнитур, стол и мелькнувшую женскую фигуру. Зажмуриваюсь и отворачиваюсь. От дома в сторону магмобиля идет Дар. В его руках эта злополучная кукла. Он, что, решил притащить ее сюда? К горлу подкатывает комок. Даже ради дела, я не готова ехать с ней в одном салоне.

Но парень останавливается и одним метким движением отправляет куклу в мусорный контейнер.

— Вот и все, — говорит он, усаживаясь в магмобиль. — Ее нет Каро. Его нет. Викса поймали. Все закончилось. Сейчас мы заедем куда-нибудь поесть, иначе я сдохну с голоду, и выдвинемся домой.

— Спасибо, — тихо говорю я и поворачиваюсь к парню. Сейчас он кажется взрослее и однозначно серьезнее. Тени под глазами, плотно сжатые губы. А ведь он устал. Мне почему-то даже не пришло это в голову, а нас ждет долгая дорога домой. Хочу ответить, но слова застревают в горле. Потому что почти перед нашим магмобилем дорогу переходит женщина. Высокая брюнетка в неновом бежевом плаще.

Увидев ее, я начинаю стекать по сидению куда-то вниз, но мы все равно встречаемся глазами, и в ее взгляде мелькает узнавание.

— Погнали, быстро! — командую я Дару. — Он снова смотрит на меня с недоумением, но слушается, не задавая вопросов. А женщина кидается наперерез магмобилью. Дар чудом успевает затормозить прямо перед ней, но нас мотает в салоне. Я ударяюсь коленями о

столик впереди. Парень шипит, схватившись за плечо. Снова поранился.

— Она, что, идиотка? — спрашивает он раздраженно, а женщина уже долбится к нам в окно с воплем:

— Каро!

— Хуже, — отвечаю я, внутренне смиряясь с неизбежным. — Она моя мать.

Не хочу ее видеть! Не хочу! Я бы сбежала отсюда, но я ее знаю. Это не работает. Она кинется под колеса. Но не отпустит, пока я не дам ей высказаться. Хоть этого ничего и не изменит, поэтому открываю окно.

— Каро, доченька! Ты все же приехала? Да? — В ее глазах надежда. — Приехала, но не решилась зайти? Так ведь? Так?

— Ты знаешь, что нет, — отвечаю я, как можно спокойнее, хотя меня трясет. — Я не приеду сюда по своей воле. И ты это прекрасно знаешь.

— Но... почему... ты же тут? — она растеряна. Она всегда немного растеряна, словно не понимает причины моего поведения. Хотя... почему «словно»? Она действительно не понимает, и от этого только сильнее больно.

— Да, я тут. Но приезжала я не к тебе. Мне надо было убедиться, что он мертв, — выдохнув, говорю. И этот диалог, пожалуй, самый длинный за последние пять лет. Все вопросы раньше с ней решал шэх.

— Но... но я ведь тебе писала. Ты не получила мое письмо?

— Я получила твое письмо, но ты определенно не тот человек, которому я могу верить. У меня были причины сомневаться в твоих словах.

— Ты же знаешь, как мне больно от твоих слов! — На глазах матери слезы, и я думаю, как выгляжу со стороны Дара. Наверное,

тварью. Мать многие жалеют, считают, что я слишком с ней жестока. Может быть, и так, но я не могу иначе. И не хочу, даже если я не права.

— Ты продала его квартиру? – не отвечаю на попытку давить на жалость. Мне нечего по этому поводу ей сказать. И совершенно неуместно сейчас сравнивать количество причиненной боли.

— Да-а... а не стоило?

— Мне все равно. Зачем ты оставила куклу на окне?

— Какую куклу? – В глазах матери удивление и немного страх. Она снова чувствует себя виноватой и снова не может понять в чем. Суется в попытке понять, но это бесполезно. Она просто не может. Такова ее натура.

— Куклу, которая стояла на окне... «мою» куклу, — говорю с нажимом, прекрасно понимая, как на нее действуют мои слова.

Мама бледнеет и мотает головой.

— Нет, Каро! Нет! Куклы не было, я продала пустую квартиру. Ее купила какая-то девушка. Я не знаю. Она, вроде бы, даже не местная. Я ее видела только на подписании документов.

— А когда показывала квартиру?

— Я общалась с риэлтором. И в квартире не было кукол, Каро. Правда! Тебе показалось!

— Мне ведь всегда все кажется мама, не так ли? – жестко отрезаю я, и она отшатывается от магмобиля, но зато замолкает. — Ты ведь не врешь мне?

— Нет! Что ты! Я продала квартиру два месяца назад. Получила задаток. Через две недели мы подписали документы, и десятого числа прошлого месяца девочка въехала сюда...

— И ты ни разу не видела на ее окне куклу? — тихо гну я свою линию.

— Каро... — Она опускает глаза. — Я не могла смотреть на те окна... я никогда не смотрела на них...

— Мало вероятно. Как можно не смотреть? — подает голос Дар, который до этого молчал.

— Поверь, она может. Прятать голову в песок и не видеть очевидных вещей, она умеет лучше всего. Не так ли мама?

— Ты жестока ко мне Каро... — Мама снова давит на жалость, не понимая, что со мной это не срабатывает.

— Да и ты не мать года, — отрезаю я. — И последний вопрос. У него были еще родственники?

— Нет... — отвечает она уверенно, а потом немного теряется. — Наверное, нет. Я не знаю. Там его не навещал никто.

— Или ты не знала?

— Или я не знала, — покорно соглашается она и смотрит на меня взглядом побитого олененка. В этом вся моя мать. — А теперь, когда все в прошлом, ты ведь простишь меня? Сейчас ведь точно все закончилось...

— Ты ошибаешься, мама, — говорю я. Мой ад вечен. А сейчас, мы спешим. Отойди, пожалуйста, с дороги. Никому не будет лучше, если ты попадешь под магмобиль.

Она, понутив голову, отступает, а Дар срывается с места. Ему даже команда от меня не нужна. И не задает вопросов, за что я ему благодарна.

Меня трясет. Этот день слишком длинный. Кошмарно-длинный. Я даже не смотрю, куда мы едем. Мимо проносятся дома, окраины

города, особенно неприветливые и унылые в сгущающихся сумерках, и когда Дар останавливается в незнакомом месте, не шевелюсь и даже не пытаюсь понять, где мы. Мне все равно. Накатывают дикая усталость и ступор.

— Давай, Каро, пошли... — зовет меня парень, открыв пассажирскую дверь. Но я не хочу. Мне лень шевелиться, я хочу в плед и смотреть на стену. Пледа нет, но я прекрасно смотрю в окно невидящим взглядом. Это почти одно и то же.

— Куда? — спрашиваю я, понимая, что Дар не намерен сдаваться.

— Пойдем, тебе срочно нужно чего-то алкогольного и сладкого. Ты бледная, того гляди отъедешь в обморок. На тебя, Кара Господня это непохоже. Нужно вернуть тебя в обычное состояние, когда ты невыносима и ядовита.

— Сладкое и алкогольное будет в одном бокале? — хмыкаю я, потихоньку выбираясь в реальность.

— Нет, лучше алкогольное в бокале, сладкое в тарелке. На мой взгляд, так эффективность будет выше.

— Я не пью алкоголь и не ем сладкое, — с горечью отвечаю я. Пожалуй, сейчас этот факт меня, и правда, расстраивает. — У меня же режим. Ты забыл?

— Как скучно ты живешь! — Он закатывает глаза, но не закрывает дверь и не отходит. Ждет, когда я прислушаюсь к гласу разума и выйду на улицу.

— Уверен? — хмыкаю я. — Наоборот, я живу в последнее время нескучно, и это меня напрягает. Я хочу обратно в скучную жизнь. Тренировки, куриная грудка, шпинатный смузи, учеба и снова тренировки. Потом соревнования, победа и опять смузи.

— Каро. Ты почти в ней. В своей скучной жизни. Да, сегодня был отвратительный день, но итог в целом, скорее, со знаком плюс.

— Считаешь? – Я внимательно смотрю на парня, который, закусив губу, изучает меня сквозь упавшую на глаза челку.

— Маньяк мертв. Викс в камере. Да, все закончилось, — подтверждает он.

— Почему мне так не кажется?

— Потому что в тебе нет алкоголя и торта, — припечатывает Дар уверенно, и это меня смешит.

— Хорошо. – Я улыбаюсь в первый раз за последние несколько дней, и выхожу из магмобиля.

— Мы где? – спрашиваю я, изучая подходящий прямо к дороге хвойный лес и виднеющиеся среди деревьев симпатичные домики.

— А демоны его знает. – Дар пожимает плечами. - На выезде из города есть какое-то место типа загородного отеля. Говорят, хорошая кухня. Предлагаю попробовать. Я почитал отзывы, пока ты изволила пребывать в ступоре.

— Прости... — Я невесело хмыкаю и опускаю глаза. — Просто... кукла, встреча с мамой... это выбило из колеи.

— Можешь не рассказывать мне, пока не напьешься, — разрешает парень беспечно.

— Ты повезешь меня домой пьяную? Вдруг я буду буяннить?

— Каро... — Дар очень внимательно на меня смотрит. – Я не повезу тебя домой. Уже вечер. Тебя трясет, тебе реально нужно расслабиться. Я думал, что хотя бы на время на обратной дороге поменяюсь с тобой местами. Но в таком состоянии тебе нельзя за

кристалл управления. После того, как я тебя напою и тем более будет нельзя. Не люблю это признавать, но я устал. Все же десять часов пути за сутки пока для меня чрезмерная нагрузка.

— Ты бы и не признал этого, — отмахиваюсь я, — если бы не считал, что мне лучше остаться сегодня где-то между нашей задницей мира и Горскейром.

— Обещаю себя вести хорошо, — говорит парень, взглянув на меня так, что окатывает кипятком.

— Мне наплевать, как ты будешь себя вести, — признаюсь я и смотрю на него в упор. — Главное, не бросай меня одну. Сейчас мне весь мир кажется той кладовкой, в которой нас с тобой тогда заперли.

— Не уверен, что сегодня смогу тебя успокоить Каро, как в тот раз, — признается Дар слишком серьезно, и я не знаю, как трактовать его слова. — Будем пытаться снять это состояние тортом и алкоголем.

— А можно мясом? — Я принимаю правила игры.

— И мясом можно. Если оно идет к тарту и алкоголю.

Глава 2

Не сопротивляюсь, когда Дар ведет меня в сторону расположенных между деревьями домиков. О чем-то говорит с охранником, заходит на пять минут внутрь административного здания и возвращается с ключами.

— Пошли. Хочешь сначала поесть или заселиться? Вещей у нас нет, поэтому без разницы.

— Заселиться, — немного подумав, отвечаю я. — Мне надо умыться.

Дар кивает и, приобняв за плечи, увлекает меня по вымощенной дорожке куда-то вглубь комплекса. Тут очень тихо. Кажется, совсем нет постояльцев. Возможно, потому, что будний день. Пахнет сосновым лесом и осенью.

Я слышу журчание реки и не ошибаюсь. Мы выходим на берег с симпатичной набережной, на которой стоят три небольших домика с панорамными окнами и видом на воду. Правый — наш. Он небольшой, по сути, обычный гостиничный номер. Широкая кровать, диван и журнальный столик. Панорамное окно и дверь. Вид на воду, открывающийся из самого домика и небольшой веранды, на ней два плетеных кресла, клетчатый плед, жаровня, на которой можно при желании приготовить мясо или просто погреться промозглым вечером у огня.

— Ну как тебе? — спрашивает Дар, который кидает куртку на спинку дивана и обводит взглядом наш номер.

— Пожалуй, это то, что мне сейчас надо, — вполне искренне отвечаю я и подхожу к окну. Мирно текущая вода, в которой отражается низкое осеннее небо. Капли начинающегося дождя на

стекле – все это заставляет выдохнуть и не думать о плохом. – А можно, мы никуда не пойдём отсюда?

— Ты не голодная?

— Не знаю, когда дурацкий день, я могу не есть... мне все равно.

— Я не могу не есть, — признается парень. – Не против, если я закажу сюда?

— Да, это будет лучшее решение. Прости, что приходится со мной возиться. И... — Я закусываю губу. – Спасибо тебе.

— Все нормально, Каро. У всех бывают дерьмовые периоды. Это не повод, чувствовать себя виноватой.

Дар уходит, видимо, добывать нам еду, а я остаюсь одна. Выдыхаю, и понимаю, не могу справиться. Переварить этот день. Мне действительно нужно еще что-то, что заставит переключиться. Кукла, мать, гнетущая атмосфера лечебницы. Возможно, Дар и прав, мне определенно нужно напиться, только вот я совершенно не уверена, что алкоголь поможет.

Скидываю одежду прямо в комнате и отправляюсь в душ. Отличное средство. Любое дерьмо можно с себя смыть.

Кроме ванной, которая кажется просто огромной, нахожу сауну, из нее тоже открывается панорамный вид на реку. Да и сама ванная расположена так, что можно лежать и смотреть на воду и падающие желтые листья редких лип, которые смотрятся среди вечнозеленых сосен яркими мазками.

Включаю воду, щедро выливаю пены и отправляюсь в сауну. Закрываю глаза, и на какое-то время отрешаюсь от мира. Мне нужны эти минуты одиночества в месте, которое, кажется, находится в другом мире.

Завтра мы вернемся в Горскейр, и там все будет иначе. Снова проблемы и страхи, даже если Лестрат докажет вину Викса, все равно я вряд ли смогу быстро выкинуть из головы случившееся, а страх, как известно, отравляет жизнь. И на кону соревнования. Важные и прибыльные в случае победы, а я и так пропустила слишком много тренировок. Больше, чем за весь прошлый год. Но это неважно. Сегодня неважно. Сегодня важно привести свои нервы хотя бы в относительную норму.

Выползаю из сауны, как вареная муха. Голова немного кружится, а сердце стучит, но все равно с наслаждением опускаюсь в пену, откидываю голову на подлокотник и прикрываю глаза, когда слышу, как открывается дверь.

— Ты охренел? — спрашиваю я, впрочем, даже не меняю позу и не открываю глаза. По шагам слышу, как Дар подходит ближе.

— Подумал, что тебе нужно выпить, — ровно отвечает он.

Лениво открываю глаза и действительно вижу в руках парня бокал. Дар пристально смотрит на меня, а я, несмотря на то, что пена закрывает меня до подбородка, испытываю неловкость. Пена не отменяет того факта, что под ней я голая.

— А если бы я была в ванне без пены? — интересуюсь у парня с вызовом.

— Ты считаешь, я не смог бы справиться с увиденным, или что? — с усмешкой парирует он. — Если бы ты так боялась, что я войду, закрыла бы дверь на сотню замков. Но ты этого не сделала.

— Я просто забыла, какой ты мудака.

— Твое вино, Каро!

Дар передает мне бокал и выходит. А я смотрю ему вслед и иррационально хочу, чтобы парень остался. Кажется, сегодня он мне

нужен больше, чем вино.

Выхожу из ванной в более или менее адекватном состоянии. После ухода Дара мне становится скучно, я допиваю вино и почти сразу же вылезаю из остывающей воды. У меня почти получилось перезагрузиться. Утопаю в мягком безразмерном халате, и меня практически не трясет. Это уже достижение. Еще бы избавиться от поганых мыслей.

Дар сидит в кресле. На столике перед парнем какие-то закуски, металлическое блюдо под крышкой, открытая бутылка игристого в ведерке со льдом, словно у нас свидание. Только свидания не для таких, как я или Дар. Для нас алкоголь — способ сбежать от проблем. Иногда не самый лучший.

— Как ты? — Парень, услышав мои шаги, отлипает от магфона, в котором зависал и внимательно смотрит на меня. От этого взгляда становится не по себе. Меня напрягает, что от любого взгляда Дара мне не по себе. Кажется, парню достаточно просто быть поблизости, чтобы меня начинало вести. Как он не замечает этого? Или просто делает вид?

— Лучше, — сухо отвечаю я. Кресло перед столиком одно. До дивана далековато, поэтому я устраиваюсь на мягком подлокотнике рядом с Даром. Парень дергается, порываясь встать.

— Садись, я возьму себе стул.

— Забей. — Я останавливаю его и тянусь за тонким слайсом сырокопченого мяса. — Боги, оказывается, я хочу есть! Удивительное открытие! Обычно на нервах от еды меня тошнит! И напиться. Сегодня моя очередь, — безапелляционно сообщаю я Дару.

— Как скажешь, — отвечает парень с усмешкой и наполняет бокал, невзначай задев мою руку своей. Мимолетное прикосновение действует, как удар тока. Залипаю на его губы и ловлю удивленный взгляд.

— Что? – Дар слегка хмурится, а мне становится неловко.

— Ничего. Ты составишь мне компанию? – Киваю в сторону игристого и второго пустого бокала.

Дар задумчиво пожимает плечами, смотрит на бутылку и отвечает:

— Как скажешь.

— Переживаешь, что одной бутылки не хватит, чтобы меня напоить? – усмехаюсь я.

— Не переживаю. – Он хмыкает. – Я взял две.

— Предусмотрительный. Но я почти не пью. Мне и одной, разделенной с тобой достаточно.

— Наверное, ты не согласишься, но я тоже почти не пью...

— А так и не скажешь... на вечеринке...

— Это был единичный случай, за который мне, пожалуй, даже немного стыдно. Не перед тобой, если что... — тихо уточняет он, останавливая взгляд на моих губах. И я вспыхиваю, вспоминая тот жадный, полный разрушительной страсти поцелуй. – Перед собой. Не люблю терять контроль.

— То есть то, что ты наговорил мне... — Я с горечью качаю головой и выпиваю бокал практически залпом.

— Каро, дело не совсем в тебе, — признается Дар и откидывается на спинку кресла, прикрывает глаза. Поворачиваюсь и изучаю росчерки теней от ресниц на его щеках, а парень продолжает, не подозревая, что я на него пялюсь. — У нас сложные отношения с Китом. Раньше многие девушки вообще не видели разницы. Не пытались запомнить. Я, он... какая, в сущности, разница? Одинаковые

же! Сейчас... он более предпочтительный вариант просто потому, что у него комплектация более полная...но... это ничего не меняет. — Дар открывает глаза и теперь смотрит на меня в упор, заставляя теряться. — Мне все равно не нравится, когда девушке без разницы, я или брат... я не могу за это извиняться.

— Вы совсем разные, — глухо отвечаю я. — И дело совершенно не в экзоскелете. Просто разные, но я тоже не буду просить прощения за тот вечер...

— Извинения — не наш конек? Да? — усмехается парень, подливая пенящуюся жидкость в мой бокал.

— Видимо, да, — соглашаюсь я, и бокалы с легким звоном встречаются. — За упрямство.

— За упрямство, — поддерживает Дар, и мы одновременно делаем глоток. Почему-то мне кажется, что и для меня, и для Дара это единственный способ сказать «прости». Есть еще один... но после него, боюсь, просто выпить вместе не поможет.

Меня отпускает. Руки уже не дрожат, а многие вещи, которые еще полчаса назад мешали нормально дышать и мыслить сейчас кажутся далекими и не такими пугающими. Их нет здесь, они в прошлом. А в настоящем — тишина, уют и Дар, который сидит так близко, что я ощущаю тепло его тела, прижимаясь бедром, иначе на подлокотнике не усидишь. Моя рука на спинке кресла и почти касается его плеч, я могу взъерошить его волосы или скользнуть пальцами по гладкой коже шеи или изящным спицам экзоскелета. Но, конечно, ничего этого не делаю. Хотя с каждым глотком игристого, границы дозволенного размываются, и рука все же соскальзывает со спинки кресла на плечи Дара. Парень едва заметно вздрагивает, но руку не убирает, а я наблюдаю за ним исподтишка.

Дар расслабленно тянет один бокал игристого, не забывая подливать мне. Напиться в планы парня сегодня точно не входит. Наверное, это правильно. Пьяный Дар... в нем все слишком, а мне хочется покоя и ни за что не отвечать. Впрочем, я не знаю, как алкоголь действует на меня. Я однозначно становлюсь более

болтливой. Возможно, все самое интересное ждет меня с утра. Но головная боль мне была бы обеспечена в любом случае. Если бы я не пила, то загонялась бы всеми неприятными событиями, которые произошли сегодня и вчера. Не хочу. Если уж мучиться завтра головной болью, то потому, что сегодня было хорошо, а не плохо.

— Что случилось между тобой и матерью? — спрашивает Дар, поднявшись из кресла, чтобы достать из холодильника вторую бутылку игристого. Одну мы все-таки выпили, и в голове у меня приятный туман и пузырьки. Пожалуй, концентрации алкоголя в моей крови теперь хватит, чтобы поговорить на очередную неприятную тему. Представления не имею, почему, но мне хочется рассказать Дару. Считаю, он вправе знать. Так вышло, что парень со мной в этой истории увяз слишком глубоко.

Дар возвращается на место и снова наполняет мой бокал. И берет свой недопитый. Я опять водружаю руку ему на плечи и подвигаюсь ближе, прижимаясь бедром к его торсу, вожусь, устраиваясь поудобнее и вынуждая Дара меня придержать, обнимая за талию, и начинаю рассказывать.

— Отец погиб, когда мне было три. Но и до этого они с матерью не жили. Я его не знала. Родни не было ни у него, ни у мамы — оба приютские. Не могу сказать, что мама меняла мужчин как перчатки. Нет. Пока я была совсем маленькая, ей было не до отношений, когда стала постарше, случились пару коротких, ничего не значащих романов, а когда мне исполнилось восемь, она привела его...

— Маньяка? — спрашивает Дар мрачно, и я чувствую, как его рука крепче сжимает мою талию.

— Ну, тогда, он для меня был маминым другом, который мне не очень нравился. И все. Он не был похож на маньяка. Обычный мужик, полноватый, лысоватый, суетливый. Мама говорила — это нормально, что он не вызывает у меня восторга. Я ревную, а он хороший и желает мне добра. Не желал, как видишь...

— Он... — Дар закусывает губу. Видно, что слова даются ему с трудом. — Он приставал к тебе?

— Нет. — Качаю головой, не замечая, что очередной бокал пуст. — К счастью, нет. Его не интересовали девочки в таком смысле. Его интересовали куклы. Он хотел видеть меня одной из них. Мертвой,

красивой куклой. Он дарил мне платья, банты, восхищался волосами и пугал до одури.

— Ты рассказывала маме?

— А ей и не надо было рассказывать, она все видела и принимала за чистую монету. Мама, она не плохая, скорее, наивная. Из серии прелесть, какая дурочка.

— Но простить ты ее не можешь? — уточняет парень аккуратно, словно боится, что я замкну и перестану рассказывать. Но мне сейчас и самой необходимо выговориться.

— Не могу... я ей говорила, что он меня пугает, а она отмахивалась. Не верила, но это... это не преступление. Хотя я боялась его настолько, что обрезала волосы, которыми он так сильно восхищался. Это меня и спасло. Когда он меня похитил, не заметил этого. Они были забраны. Он распустил и понял, что кукла ущербная. У красивой куклы волосы должны быть длинные и ровные, а чуть ниже плеч, обрезанные лесенкой,— усмехаюсь. — До сих пор я помню тот момент как свою самую большую победу.

— Он что-то сделал тебе за это?

— Нет... но, думаю, тогда его психическое отклонение обрело новые грани. Он осознал, что прежде, чем убить, куклой можно какое-то время играть, и это тоже интересно. Не представляю, что было бы, если бы ему в голову не пришла эта идея. Он бы убил меня и выкинул, как брак? Отпустил? Что, мало вероятно. Просто держал взаперти? Не знаю. Раньше, загонялась этим вопросом, но потом поняла, что не хочу знать.

— А что мама? — Дар мягко возвращает наш разговор в привычное русло. — Ты сказала, что не верить тебе — это не преступление. А что тогда преступление?

Глава 3

Задумчиво смотрю в пустой бокал, собираясь с мыслями, а Дар подливает еще. Кажется, мне уже лишку. Пора переходить на чай, но сначала надо дорассказать. Так получилось, что об этом я никогда и никому не говорила. Шэх знает, но он просто присутствовал в тот период моей жизни. Он видел, что происходит, видел, на кого я похожа после двух лет заточения. Ему не нужны были слова.

— Когда я попала к тому человеку... он держал меня в доме напротив того, где мы жили с мамой. Нужно было просто перейти через дорогу! И заглянуть в подвал.

— В той квартире, где на окне стояла кукла?

— Не совсем, у него под квартирой было еще несколько помещений, хорошо укрепленный, звукоизолированный бункер. Его никто так и не нашел. И я считаю, в этом есть вина моей собственной матери.

— Почему? Она что-то знала?

— Нет, не знала. Не хотела знать. Он продолжал ходить к ней, потом переехал. Я каждый день ждала своей смерти, а моя мать спала с маньяком и вышла за него замуж. Она знала, как я его боюсь. Она знала, я не раз делилась своими переживаниями. Я пропала, но она ни слова не сказала магследователям об этом. Даже потеряв меня, она защищала его и верила. До последнего. Ей нужно было просто немного усомниться в нем и предположить, что мои слова были не детской глупостью, и меня бы могли найти. Даже когда я сбежала, сильно поломалась, потому что он почти меня догнал, и пришлось прыгать с крыши. Она и тогда сказала, что я придумываю.

Если бы можно было просто продолжить жить дальше, сделав вид, будто ничего страшного не произошло, она бы это сделала. Но ее муж пускал слюни в камеру, а я вернулась после двухлетнего отсутствия. Не могла ходить, плохо соображала, не верила в то, что все закончилось — это нельзя было скрыть от магследователей. И когда она поняла, что именно я сделала, чтобы спастись, она испугалась не его, а меня. Я не могу простить ей этого. Не могу простить, что тогда она проводила больше времени не у моей постели, а у его.

— Она не навещала тебя?

— Навещала. Возможно, я эгоистка. Но я не могу простить, что она навещала и его. Дар, она продолжала любить его до самой смерти. И рассчитывала, что я пойму и приму ее выбор. Не знаю, как можно? Я не поняла, не приняла и не хотела играть в немного несчастную семью, глава которой из-за трагической случайности оказался в психушке. Мне кажется, она реально ждала, что я буду на выходных возить с ней кексы тому, кто превратил два года моей жизни в ад. Когда она сказала мне, «ты-то жива и почти здорова (я тогда была в экзоскелете), а он уже заплатил и теперь нуждается в любви», я не стала спорить. Просто собрала вещи и уехала к шэху. Он оформил опеку.

— Мать не была против?

— Была, но суд счел весомыми наши аргументы. Жить в семье, где отчим - маньяк, от которого ребенок чудом спасся, неправильно. Мама и Урод не были в разводе. Думаю, мне сочувствовали все. Вот такая грустная история. Мне нельзя пить, трезвая я бы никогда тебе ее не рассказала.

— Почему? — в голосе Дара просквозила легкая обида.

— Потому что не люблю жалость. Мне кажется, ты, как никто, должен меня понимать.

— Я тебя понимаю, — кивает парень, и убирает прядь от моего лица. Легкое касание пальцев, и теплая ладонь, к которой я прижимаюсь щекой. И все же мне необходимо было выговориться.

Время замерло, и это к лучшему. Я не хочу даже мыслями возвращаться в прошлое, и не хочу перешагивать в следующий день — уверена, и он не принесет ничего хорошего. А здесь и сейчас я чувствую умиротворение и покой. Ладонь Дара теплая. В моих ушах легкий шум от пузырьков шампанского, и тишину нарушает только наше дыхание в унисон. Мы словно синхронизировались, и это удивительное ощущение. Я чувствую себя особенно одинокой и несчастной, и только этот парень рядом заставляет осознавать, что я еще жива и даже относительно нормальна. Точнее, мы настолько ненормальны оба, что эта ненормальность нас роднит.

Теплые пальцы у меня на щеке. Повинуясь легкому давлению, поворачиваю голову и устраиваю ее на плече Дара. Щекой чувствую жесткие спицы экзоскелета, но игнорирую. Прикрываю глаза и

вдыхаю едва уловимый аромат бергамота, цитруса и теплой мужской кожи. Этот запах кружит голову и делает меня слабой.

Или слабой меня делает алкоголь. Он обнажает мою душу, страхи и слабости, чувство одиночества и незащищенность. Мне кажется, что я снова в том шкафу, и моя связь с реальностью — это Дар. Моя рука все еще на его плече. Касаюсь пальцами теплой кожи в воротнике рубашки, очерчиваю контур спиц и снова скольжу по мышцам. Это движение неосознанное, но меня успокаивает. Мне нравится на ощупь его тело, и сейчас, когда границы дозволенного размыты, сложно не прикоснуться к нему.

Стук сердца парня раздается фоном. Ускорение ритма даже не замечаю. Мое собственное сердце, синхронизируясь, стучит быстрее. Дар позу меняет неожиданно, и я вынырываю из состояния невесомости и некоего внутреннего баланса в мир, в котором слишком много сложностей.

— У тебя бокал пуст... — тихо говорит парень, словно оправдываясь. Я послушно протягиваю бокал и наблюдаю, как его с шипением наполняет игристое.

Невольно смотрю на Дара поверх пенящейся жидкости с ярким виноградным ароматом. Сейчас глаза парня, как грозовое небо, не голубые, как обычно, а насыщенно-синие. Длинные ресницы — такие трогательные, что, кажется, совсем не подходят Дару, хоть и очень мне нравятся. Темные брови правильной формы и губы... его губы — мой фетиш. Я не могу не изучать их, и не могу не целовать. Сейчас это единственное правильное решение... или все-таки неправильное?

Пока я еще способна думать о том, что нас ждет с утра. Разочарование, отчуждение, неловкость и долгая дорога домой, которая и так пройдет с похмельной головой. Так, может быть, стоит обойтись хотя бы без угрызений совести?

Делаю глоток игристого, вкуса которого практически не чувствую. Пью исключительно для того, чтобы заглушить иррациональное желание стать ближе к Дару. А парень просто внимательно изучает меня из-под опущенных ресниц. Так и сидим неподвижно. Мое бедро касается его ребер, и я сейчас смотрю на Дара сверху вниз. Между нами лишь бокал, которым я пытаюсь защититься от глупых желаний.

Но алкоголь еще никому не помогал сделать правильный выбор, и с каждым глотком все сильнее размываются границы между «хорошо»

и «плохо». Вот уже и поцелуй с Даром не кажется чем-то запретным. Он же не первый, и сколько-то предыдущих мы пережили.

Отставляю бокал в сторону и склоняюсь к его губам, но поцеловать не успеваю, Дар мягко отстраняет меня со словами.

— Не думаю, что это хорошая идея, Каро.

Ах да... он же почти не пил. У кого-то всегда должна сохраняться трезвая голова. Сегодня — это не я.

— Почему? — не очень трезво спрашиваю я и медленно стекаю ему на колени, кажется, полностью переставая себя контролировать. Дар замирает, но не прогоняет, сдаваясь моему напору. Обрисовываю пальцем линию его напряженно сжатых губ и заглядываю в подернутые дымкой желания глаза. Красивый. Он просто невозможно красивый. Такой, что я улетаю от одного взгляда на него. По телу прокатывается волной возбуждение, зарождаюсь где-то внизу живота. И глупо все валить на игристое, мне просто на физическом уровне нравится этот парень. Я понимаю, что он не для меня. Я понимаю, что между нами всегда все будет жестко и на разрыв, но мое тело, оно хочет именно Дара, даже если потом будет стыдно и больно. Дар молчит в ответ на мой вопрос, и это отлично, не хочу спорить, поэтому просто целую в уголок рта, нежно и едва касаясь, когда саму практически трясет от с трудом сдерживаемого желания. Осторожно пробую на вкус, интересно какой он у поцелуя не на адреналине? Мне сейчас хочется нежности. Интересно, мы с Даром вообще можем быть нежными, или это не про нас, и привязанность, страсть, симпатию мы можем выразить только через боль?

Ответом на мое прикосновение, которое и поцелуем-то назвать сложно, служит шипящий выдох сквозь плотно сжатые зубы. Руки на моей талии напрягаются и, осмелев, я меняю позу, поворачиваюсь и перекидываю ногу через бедра парня. Мне нравится ощущение его тела под собой — жесткий, тренированный, мускулистый — дикий зверь. Сейчас, правда, раненый. И характер такой же — необузданный, непредсказуемый — именно он меня заводит.

Теперь я сижу на парне верхом, и его соблазнительные губы совсем близко. Мне никогда не было так... так волшебно. Легкость в голове, в теле и красивый парень рядом. Так близко, что хочется

сказать «мой», но это неправда. Да и не имеет сейчас значения. Сейчас имеет значение его запах, учащенный пульс и руки, которые с талии плавно опускаются на бедра. Мне кажется, Дар даже не контролирует это движение.

— Ты пьяна... — констатирует факт Дар. Он замер, словно каменная статуя, и не решается пошевелиться, а вот у меня тормоза отказали совсем, медленно веду бедрами, чувствуя, как моментально напрягается его тело, демонстрируя, что холодность Дара показная, и осторожно склоняюсь к губам.

— Ты сам меня напоил... — шепчу я с улыбкой, провожу языком по шее и чуть прикусываю мочку уха, прежде чем отстраниться и снова посмотреть в потемневшие глаза цвета грозового неба.

— Не для этого... — хрипло выдыхает он мне в губы, от его низкого голоса по спине бегут мурашки.

— Ну, как получилось, — пожимаю плечами, не чувствуя ни малейших угрызений совести.

Наклоняюсь ниже и игриво прикусываю его губу. Это еще не поцелуй, но голова кружится. Нежно провожу языком по месту, которое прикусила. Дар с шипением отстраняется, и зло смотрит на меня, а мне весело. Представляю, как выгляжу сейчас. Распушенные, длинные волосы, я так редко ношу — предпочитаю косу или высокий хвост. Халат провокационно сполз с плеча. Нет, я, безусловно, понимаю, что завтра мне будет стыдно, но сейчас мне хочется его дразнить. Это отвлекает от дурацких мыслей.

— Будешь жалеть... — предупреждает Дар.

— А ты? Ты будешь жалеть, если я сейчас уйду?

На самом деле я не хочу слышать ответ и не хочу уходить. Вопрос риторический. Да и Дар вряд ли хочет на него отвечать. Поэтому просто наклоняюсь ниже, вжимаюсь в парня всем телом,

чувствуя горячее, обжигающее возбуждение, от которого завожусь сама, и целую.

Он не отвечает, кажется, целую вечность, выраженную в нескольких ударах сердца, но потом срывается, накрывая мои губы своими, уверенно толкаясь в меня языком — упоительно и жарко, увлекая за собой в мир новых ощущений, жадных касаний и горячих поцелуев, с которыми забываешь, как дышать.

Руки уверенно ползут по моей спине и опускаются на ягодицы, сжимая, дергая на себя. Всхлипываю, прикусывая его губы, запутываясь руками в волосах и прижимаясь грудью к его груди.

Мне мешает его рубашка.

Нетерпеливо отстраняюсь, поймав шальной, подернутый дымкой желания взгляд, и тянусь дрожащими руками к пуговицам. Дар не сопротивляется, когда я медленно расстегиваю их одна за другой, обнажая гладкие мышцы груди. Красивый рельеф, ровный загар. Я знаю, что Дар год жил в Монарко, о золотых песках которого я могу только мечтать.

На груди Дара нет спиц, они начинаются ниже, под ребрами. Провожу ладонями и замираю на сердце, которое бьется быстро и громко, потом снова веду вверх, к шее. Мы замерли в этом ощущение невесомости и недосказанности. Медленно веду бедрами навстречу и в ответ получаю хриплый стон, и сильнее сжавшиеся на ягодицах пальцы, нежно целую в шею, скольжу языком к впадинке за ухом.

Дар перехватывает инициативу, ловит губами мои губы и снова целует — жадно, как в последний раз. Обхватывает бедра и встает, удерживая меня на весу. Делает несколько шагов и роняет на кровать. Халат на мне сейчас надет исключительно формально. Пояс развязался, а полы разошлись. Но мне все равно.

Ловлю жадный взгляд парня и тянусь руками к мужским плечам. Дар в расстегнутой рубашке и низко сидящих на бедрах штанах — прекрасен. Он склоняется надо мной, облачиваясь на руки. Одно колено упирается на покрывало возле моего бедра, челка падает на лицо.

— Нет, Каро... — хрипло говорит он. И это «нет» не царапает. В нем все, горечь, боль и нежность.

— Почему — нет?

— Я слишком часто сам так решал схожие проблемы, — признается парень, медленно проводя пальцем по моему подбородку, по шее, между пол распаханного халата, едва уловимо касаясь кожи. — Это не делает лучше. Тебе не станет лучше. Кроме безразличности и стыда, завтра ты не почувствуешь ничего, — с горечью говорит он. Наклоняется к самому уху и добавляет. — Я не хочу, чтобы сегодня ты меня использовала, а завтра, после секса со мной испытывала безразличность и стыд. Прости.

Сказав это, он поднимается и отступает, оставив меня одну. Берет с вешалки куртку и сваливает. А меня накрывают те самые чувства, о которых Дар говорил. Только не в отношении его, а в отношении себя.

Дар

Сердце бьется как сумасшедшее, а в паху болезненная тяжесть. Я идиот? Вероятнее всего, да. Кто еще способен уйти в таком состоянии от девушки, от которой сносит крышу. Да и Каро вряд ли способна сейчас оценить мое благородство. Зачем же я так делаю? В надежде на благодарность завтра? Глупо. Глупо, почти физически больно, и все во мне противится этому решению, но оно правильное. Это так странно поступать правильно, обычно мной движут сиюминутные желания.

Выскакиваю из дома в холодную осеннюю ночь. Капли дождя падают на лицо, когда я задираю его к небу. На спине мурашки, легкий озноб. Остатки схлынувшего возбуждения. Внутри меня еще пожар, а вот снаружи уже дождливая осень. Достая трясущими руками сигарету и делаю первую, долгую затяжку, в очередной раз обещаю себе, что эта последняя. Я люблю себе врать... а кто не любит?

Мыслями я все еще там, рядом с Каро. Чувствую шелк ее кожи, в ушах ее тихие стоны. И желание вернуться такое сильное, что я не выдерживаю. Выкидываю сигарету и бегу по узкой набережной вдоль реки, до рези в боку, до боли во всех имплантах разом, и хриплого сбивающегося дыхания. Потому что не могу иначе. Потому, что если не загоню себя до бессознательного состояния, то вернусь к ней, и если она попросит еще раз не уходить, сдамся. А сдаваться нельзя. Это неправильно, не сегодня, не в такой ситуации.

Это не нужно ни мне, ни Каро. Вряд ли она понимает, что мое сегодняшнее «нет» значит гораздо больше, чем любое «да». Я,

кажется, влюбился, если я правильно понимаю это чувство. Если вообще способен любить.

Меня ломает рядом с Каро, и если ее нет в обозримом пространстве. Но я не хочу близости с ней, когда она в таком состоянии. Я не врал, когда говорил, что сам не раз пытался забыться таким способом, и это не ведет ни к чему хорошему. Все те девушки... я не хотел потом их видеть, они были свидетельницами моей уязвимости и слабости. Я слишком хорошо понимаю Каро, чтобы допустить сейчас с ней больше, чем невинные поцелуи. Не хочу, чтобы следующим утром она прятала глаза, так как совершила ошибку, которую не повторяют два раза с одним и тем же человеком.

Злюсь на себя, потому что тяжело. Этот дурацкий экзоскелет не добавляет уверенности. Я хочу Каро, хочу, чтобы она была мой во всех смыслах, но для этого нужно решить проблемы в голове. Я не готов подпустить ее к себе сейчас. Мне нужно сначала избавиться от экзоскелета, и я готов пойти на все ради этого, какие бы изнуряющие тренировки меня не ждали у шэха. Сейчас я понимаю, ради чего все это.

Пробежка, одиночество, дождь и четкое решение в голове — все это помогает выдохнуть и не чувствовать себя, как взведенная пружина. Еще какое-то время бреду вдоль реки по пустынной деревянной набережной. Привожу в порядок мысли и дыхание, а потом возвращаюсь к Каро. Она спит, свернувшись клубочком и трогательно положив под щеку ладонь — красивая и сейчас совсем не колючая. Моя.

Сам устраиваюсь на диване и моментально вырубаюсь.

Глава 4

Каро

Никогда в жизни! Никогда и ни за что. Ненавижу игристое и утро, а еще чувство стыда. Как же мне плохо. И морально, и физически. Интересно, можно глаза не открывать вообще? И не говорить и делать вид, что я сплю дальше. Боги! Что я вчера творила? И как смотреть Дару в глаза? А нас еще ждет долгая дорога домой в одном магмобиле. Как ее вообще вынести?

Я собираюсь с духом достаточно долго, и даже уговоры не помогают. Я сильная и смелая, но выйти на татами проще, чем открыть глаза и вернуться в реальный мир и увидеть Дара. Что в его глазах? Презрение? Насмешка? Желание продолжения? Я не готова ни к одной из этих эмоций. Я просто хочу забыть вчерашний вечер. Знаю, это слабость, но вокруг меня и так все очень сложно. Но, увы, сделать вид, будто я труп нельзя. Рано или поздно придется встретиться со своими страхами, а Дар — это все же не маньяк. Так какого демона, мне страшно почти так же?

Я не решаюсь пошевелиться, пока не понимаю, что рядом со мной никого нет, а по комнате плывет запах кофе. Он-то и выманивает меня из своей раковины. Осторожно открываю один глаз, потом другой. Дар на кресле перед панорамным окном, в полоборота ко мне. В руках стаканчик кофе, другой стоит на краешке стола возле кровати и одуряюще пахнет утром и бодростью, которой у меня нет.

— Утро доброе?

По тому, как звучит эта фраза, понимаю, Дар тоже помнит, сколько я вчера выпила. «И чего творила», — напоминаю сама себе. Парень явно боится моей реакции.

— Не уверена... — отвечаю тихо, поражаясь, как хрипло звучит голос и каким гулом отзывается в голове каждое движение. Надо запомнить это состояние, когда я вздумаю взять в руки бокал с игристым. Мне совершенно не нравится это состояние тупого, испытывающего стыд овоща.

— Зелье от похмелья? — участливо предлагает парень с совершенно нейтральным выражением лица. Видимо, я выгляжу

настолько жалко, что даже Дар не хочет меня троллить.

— А у тебя есть?

Дар встает и протягивает мне небольшой пузыречек. Беру его, стараясь не смотреть на парня и не касаться его руки. Кажется, если дотронусь, сразу же вернусь во вчерашний вечер, когда тело плавилось от страсти. Как хорошо, что Дар меня остановил. Хорошо и немного жалко.

Печально, что я не могу понять, что хочу. Точнее, я хочу Дара, только вот до сих пор считаю это желание опасным и неправильным. Желанием, с которым необходимо бороться. После зелья и душа становится чуть лучше, но алкоголь все же самое коварное изобретение человечества. Я обещаю себе не пить никогда в жизни.

Потихоньку возвращаюсь в реальный мир. Например, вспоминаю, что у меня есть магфон. Он валяется на дне рюкзака с выключенным звуком. Наверное, стоит достать и проверить входящие. Все же я вчера уехала, никому не сообщив. Да мне и некого предупредить, если честно.

Но именно вчера меня искали, кажется, все, кто мог. Сообщение от Энси, Волка, шэха и... Лестрата. Я смотрю на экран и понимаю, что пора возвращаться в реальный мир с его проблемами и сложностями. На этот раз окончательно. Надо отправляться обратно в Горскейр.

Дар понимает мое состояние, видимо, по взгляду.

— Что-то важное?

— Не знаю. Лестрат пытался связаться еще вчера, совсем вечером. С утра меня искали Энси и шэх. Но эти, возможно, просто беспокоились. Поехали, вызову их по дороге, узнаю, что еще случилось.

— Поехали.

Парень кивает и поднимается, берет с вешалки куртку и направляется к выходу. Я подхватываю стаканчик с кофе и направляюсь следом за Даром. Трогаю его за рукав и говорю.

— Спасибо тебе.

— За что?

— За то, что привез меня сюда. И за то, что не вспоминаешь вчерашний вечер.

Дар долго на меня смотрит и кивает, а меня не оставляет ощущение, что он хочет мне что-то сказать, но почему-то не говорит.

Пока идем к магмобилю, Лестрат находит меня сам. Экран магфона вспыхивает голубым, и я получаю сообщение о том, что Викс повесился в камере. Это странно и страшно. Неважно, виновен парень или нет, это еще одна смерть рядом со мной. От этого на душе муторно и больно. Я хочу просто нормально жить. Да, как все обычные люди не получится, обычные люди не боятся замкнутых пространств и им не снятся кошмары о том, как они играют с мертвыми девочками. Но можно хотя бы без смертей, которые, так или иначе касаются меня?

Какое-то время пытаюсь переварить информацию, от Лестрата. Является ли самоубийство признанием? И если да, то получается, все закончилось? Но это не вяжется с куклой на окне... или вяжется? Может быть, я просто вспомнила ужас, который случился со мной в прошлом и в настоящем, и многие вещи додумываю сама? Изобретаю сложности там, где все просто? Ничего не понимаю. Викс мертв, страшный человек тоже. Маньяк не давал о себе знать два дня. Это, правда, все? Даже не верится.

Дар слышит наш разговор с Лестратом и вопросов не задает. Но, подозреваю, думает о том же, о чем и я.

— Похоже, я зря тебя заставила сюда ехать, — говорю я. — Все началось и закончилось в Горскейре. Страшный человек никак не связан с тем, что мою жизнь решили превратить в ад сейчас.

— Не зря, Каро, — отвечает Дар и открывает мне дверь в магмобиль. — Тебе это было нужно. И мне кажется, нужно было уже давно. Стоило убедиться в его смерти сразу же. Тогда бы ты не думала о том, что за запугиванием может стоять он. Ты не боишься гребня, куклы... ты боишься его.

— Но замкнутых пространств и мертвецов в своей комнате я все равно боюсь, Дар. Этого не изменить.

— Ну... так-то мертвец в комнате никого не может порадовать. Если честно, до сих пор не могу представить, как и зачем Викс убил ту девушку. Просто, чтобы напомнить тебе о прошлом?

— Вот и я не могу...

В дороге мы молчим. Перевариваем. Я смерть — Викса, вчерашнюю ночь, встречу с матерью и куклу, а Дар — не знаю. Он замкнулся и тоже не горит желанием что-то со мной обсуждать. На подъезде к городу прошу отвезти меня на тренировку. Мне особенно неловко в компании Дара сегодня, лучше бы я не помнила, какими бывают его смелые губы, насколько сводили с ума меня его прикосновения и как сильно мне хотелось большего. И я прекрасно осознаю, он тоже это прекрасно помнит. Что он обо мне подумал?

Прошу Дара высадить меня перед клубом. Пора возвращаться на тренировки. За пять часов пути зелье окончательно позволяет прийти в себя, и когда мы останавливаемся на парковке, я чувствую себя сносно, хотя бы физически. Морально мне все же ужасно. Но я знаю, сейчас Дар уедет и станет лучше.

— Еще раз спасибо, — говорю я парню, и он кивает в ответ. — И... — следующие слова даются непросто, но я обязана их сказать. — И прости меня.

— За что? — ровно спрашивает Дар, но я замечаю в его глазах лед. Словно, Дар не хочет слышать продолжение, но я все равно говорю.

— За мое вчерашнее поведение, я не должна была. Это все алкоголь... не буду больше пить.

— Не должна была, что? — холодно уточняет он, не сводя с меня глаз. И мне становится как-то особенно неудобно.

— Ты прекрасно понимаешь, что... — Я вздыхаю. Почему же так сложно?

— Нет. Не понимаю, Каро. Что ты сделала такого, за что просишь сейчас прощения?...

— С тобой невозможно, — срываюсь я и выскакиваю из магмобиля. Вот что за человек? Я действительно хотела извиниться за свою настойчивость, за неуместное желание близости, почему он просто не мог принять мои извинения. Это что, так сложно? Почему Дар такой сложный! Или, может быть, сложная я?

Забегаю в клуб на взводе, переодеваюсь и выхожу на татами. Специально не заглядываю перед тренировкой к шэху. Не хочу ни с кем говорить. Даже Волка сначала игнорирую. Это не сложно, во время занятия. Отпускает меня часа через полтора. Основная группа расходится, и остаются только свои. Те, кому стандартного времени мало. Мы знаем друг друга так хорошо, что маски слетают. Здесь закрываться не перед кем.

В перерыве болтаю с Волком и рассказываю о случившемся. О мертвой девушке в комнате, о Виксе, о поездке в родной город. Только о своих позорных пьяных выходках молчу.

— Раньше бы ты позвала меня, — тихо говорит Волк, а я пожимаю плечами. Да, позвала бы. Наверное, а, может быть, поехала одна. Сейчас это неважно.

— Что у тебя с ним, Каро? — осторожно интересуется у меня Волк. Знает, что парни — это не та тема, на которую я буду говорить, но зачем-то все равно интересуется. Впрочем, и он о девушках не распространяется.

— С кем у Каро роман? — В наш разговор влезает, как всегда бесцеремонный Фрост. Его ничему не научил игнор и победа Дара на треке. Он все списал на случайность. Поражаюсь самоуверенности этого парня.

— Твое какое дело? — вяло огрызаюсь я, но Фрост внезапно серьезно отвечает, окидывая оценивающим взглядом.

— Мне есть до этого дело. Я должен знать, кому буду бить морду. Каро, ты наша. Парень на стороне? Seriously?

— Ты идиот? — спрашиваю я. Как в голову-то только пришло? Знает же, что если он посмеет тронуть моего парня, кем бы он ни был. Я трону самого Фроста, и последствия будут печальны. — Может, еще свою кандидатуру предложишь?

— Может.

— Не смей меня. — Я фыркаю и отворачиваюсь к Волку. От дальнейшего поразительного по своей тупости разговора меня спасает шэх, который возвращается в зал и отправляет нас на пробежку, а через полчаса интенсивной тренировки для избранных, всем становится наплевать на мои потенциальные романы. Даже мне самой. Из меня будто выжимают душу.

— Ты в плохой форме, Каро, — небрежно бросает шэх, наблюдая за моим боем на последнем издыхании.

— Конечно, в плохой... — отрывисто отвечаю я, упав на маты и раскинув руки. — Четыре часа тренировки. Мы тут все в плохой форме.

— Все — это не ты. Тебе нужно взять первое место, если не хочешь потерять грант на обучение и если не хочешь идти работать официанткой. У остальных такой проблемы нет.

— Не нужно на меня давить. Знаете же, что я всех сделаю.

— Не будь самоуверенной. И давай уже втягивайся. Ты слишком расслабилась.

— Как скажете.

Соскребаю себя с матов и отправляюсь переодеваться. Шэх, конечно, прав. Но кто бы подсказал, как собраться в таких условиях?

— Тебя подвезти?

Меня догоняет Фрост, и я смотрю на него, как на идиота. Он, что, серьезно? Действительно, считает, что может меня чем-то зацепить?

— С чего бы это?

— С того, что, может, мне сегодня с тобой в одну сторону, — ухмыляясь заявляет он.

— Ты даже не знаешь, куда я сегодня еду.

— А это и неважно.

— Каро, ну, ты идешь? — кричит мне Волк от своей осы. Я поворачиваюсь спиной к Фросту и направляюсь в сторону друга, но меня тормозит шэх.

— Всем выдохнуть. Сегодня Каро везу я.

— Но почему? — удивленно спрашиваю я.

— Потому что ты сегодня еще ночуешь у меня. В колледж я отвезу тебя завтра сам. Ну, и нам нужно поговорить. Пошли.

Машу напоследок Волку и остальным парням, а сама уныло бреду за шэхом. А я ведь надеялась, что получится избежать сегодня общения с глазу на глаз. Предполагаю, какие претензии ко мне будут и не хочу оправдываться и что-то объяснять. Но шэх слишком хорошо нас всех знает и способен просчитывать наши шаги наперед. Перехитрить его не удастся.

Сажусь в его магмобиль на переднее сидение и готовлюсь к нотациям.

— Ну и где ты была почти двое суток? — мрачно спрашивает он, выруливая с парковки перед клубом. — И почему приехала в таком состоянии, что у меня потеют стекла? Ты не в курсе, что с похмелья нельзя на тренировку, или правила теперь не для тебя? Ты ведь не пьешь Каро. Для тебя всегда тренировки и победы были на первом месте. Что случилось?

— Ничего, — отвечаю я и смотрю в окно. Ну, вот кто он? Папа? Нет у меня отца, иначе бы со мной, возможно, не случилось, то что

произошло. И сейчас не хочу, чтобы кто-то пытался занять пустое место. Даже шэх.

— Врешь,— отрезает он, не понимая, насколько я близка к срыву. Или... может быть, наоборот, прекрасно понимая. Давит на больное? Не знаю и не хочу знать.

— Вру. — Я не спорю. Вдох-выдох. — Но вы сами все прекрасно знаете. Объявился маньяк, в моей комнате был труп...

— И ты вместо того, чтобы приходить в себя и восстанавливаться куда-то уехала неизвестно с кем. С тобой никого из наших не было. За тебя волновались, Каро. Ты хоть это понимаешь?

Царапают угрызения совести.

— Со мной был Дар, — нехотя признаюсь я.

— Что у вас? — Похоже, ответ не очень устраивает шэха. Но мне все равно. — Ты уверена, что он тот, кто тебе нужен? У пацана столько проблем, что ты их не решишь никогда. Он способен только утянуть на дно. А ты и так почти там...

— Я знаю. Между нами ничего нет, — отвечаю я, понимая, что это ложь, но правда настолько сложная, что я все равно не смогу объяснить шэху. Он смотрит недоверчиво. Приходится добавлять.

— Понимаю я все. Правда. Вся эта ситуация... я не верила, что мой преследователь Викс... боялась, что этот... — замолкаю, отказываясь произносить ненавистное имя, но шэх прекрасно понимает про кого я. — Короче, мне нужно было убедиться, что он мертв.

— Ты ездила к матери?

— Не к матери, хотя и ее я видела. А касаясь алкоголя. Обещаю, это не повторится.

— Я обещал парню, что буду его тренировать. Ему это нужно, но... мой приоритет — ты. Я тебя, по сути, вырастил, я постарался вытащить тебя из дерьма. Если я увижу, что из-за его присутствия рядом, ты опять катишься в бездну...

— Что будет? — не люблю, когда мной пытаются манипулировать. Только вот я знаю шэха. Это не манипуляция. Это четкая позиция, от которой он не отступит.

— Я не буду заниматься им.

— Это глупо. — Я пожимаю плечами. — Мы вместе учимся. Тренируется Дар или нет, если тренируется, то у кого именно, не имеет

значения. Не нужно меня шантажировать. Я успела изучить Дара не хуже вас, и возвращаться в бездну не хочу сама. Только вот я почти там. И Дар в этом не виноват. Виноват тот, кто пытается меня туда целенаправленно столкнуть. Маньяк. Мне нужно было убедиться, что он мертв.

— Убедилась?

— Да. Но есть еще кто-то.

— Насколько я знаю, Вика покончил собой.

— Тогда все закончилось.

— Но ты в это не веришь?

— Не знаю, — признаюсь я, и едва магмобиль тормозит у дома шэха, выскакиваю и убегаю в свою комнату, отметив, что магмобиля Дара нет. Похоже, парень вернулся или домой или в колледж. Так лучше.

Дар

Еду к бабушке. Можно бы в колледж, но я не хочу. Настроения нет, занятия почти закончились, к разговору с братом я еще не готов. Не остыл, да и он тоже, думаю, злится, а, значит, снова поругаемся. Ну и у меня важные дела дома.

Каро не в курсе, что сразу же после их тренировки, будет моя. Но, естественно, на особых условиях. Мирс Амелия изменила бы себе, если бы не пожелала все контролировать. Первая тренировка только в домашнем зале. Там, где бабушка сможет отслеживать процесс, и, если возникнет необходимость, восстановит экзоскелет. В целом, разумный подход. Но при ней я не смогу расслабиться и выложиться на все сто процентов, я никогда не покажу ей, что моментально заметил шэха и, буквально с первой встречи поняла Каро. Конечно, треки, гонки, падение с осы, перевернувшее жизнь — все это должно бы намекнуть бабушке на то, что я настоящий адреналинщик, но в первую очередь для нее я внук.

Глупо надеяться сразу попасть в одну группу с Каро, да и не уверен, что я готов к такому испытанию или унижению.

Дома тихо и привычно. Мне нравится это ощущение неспешного течения времени. Мне именно здесь хорошо, я могу расслабиться и

быть собой.

— Кит говорит, вы поругались, — замечает бабушка, когда, я переодевшись, спускаюсь в просторный зал для тренировок, чтобы привыкнуть. На полу маты, зал мало отличается от борцовского. Магические тренировки стихийников травмоопасны, и требования безопасности на них схожие с требованиями безопасности для зала единоборств.

— Я с ним не ругался,— отвечаю безразлично, начиная плавную разминку. Все движения медленные, по особой траектории, позволяют подготовить мышцы, которые сковывает экзоскелет, к более активным движениям и избежать травм.

— Но ты не отвечаешь ему, он пытался вчера связаться с тобой весь день. — Бабушка умеет быть настойчивой, если не сказать настырной.

— Я был занят.

— Дар, так нельзя. Брат переживает за тебя.

— Я ничего с этим не могу поделать. — Останавливаюсь, совершенно очевидно, отставать она от меня не планирует. — Ради разнообразия, Киту стоило бы переживать о себе. Ему бы пошло на пользу.

Знаю, что не стоит это говорить, когда бабушка и так недовольна, но я устал, потерян, и меня все раздражают. В таком состоянии сдержаться сложно. Я просто пытаюсь стать нормальным для того, чтобы меня полюбила одна конкретная девушка, но это невозможно, и я злюсь. Я не могу предложить ей себя такого — это несправедливо по отношению к ней, а другого у меня нет. А бабушка и Кит не понимают, что такого себя не люблю я. Каро ни при чем, они ни при чем, дело только во мне. Мне некомфортно быть таким. Но бесполезно пытаться это объяснить людям, которые относятся ко мне по принципу «слава

богу, что выжил». Нет, я им благодарен, просто они не смогут понять, почему мне настолько хреново, что хочется выть.

К счастью, разговор продолжать не приходится. Приезжает шэх. И я уже начинаю переживать по другому поводу — перед тренировкой. Но это приятное и долгожданное волнение.

Это тяжело. Мучительно. Стыдно из-за своей беспомощности, но я упорно сжимаю зубы и повторяю вновь и вновь. Магии не хватает на элементарные вещи. Я не могу прыгнуть сальто, даже вперед. Кости экзоскелета не дают так сгруппироваться, а магии, которая может дать инерцию, почти нет. Элементарный ледяной волчок, и тот для меня за гранью возможного. Сам не замечаю, как подтягиваю магию брата, совсем чуть-чуть — неиспользованный резерв еще с вечеринки. Но шэх удовлетворенно кивает. Чувствую, он ожидал меньшего.

Сначала шэха напрягает цепкий взгляд бабушки. Но потом тренер расслабляется и начинает меня гонять, увеличивая по чуть-чуть нагрузку. Понимает, что бабушка не собирается вмешиваться. Она умеет быть незаметной и не лезть. Слишком давно работает сама и ценит, когда специалисту не мешают.

Так и сидит в углу зала в кресле всю двухчасовую тренировку. Даже я про присутствие мирс Амелии скоро забываю.

— А вы не думали про единение... — спрашивает шэх у бабушки, пока я прихожу в себя в конце тренировки, валяясь на татами. Вижу, как она бледнеет и сжимает губы, выплюнув безапелляционное:

— Нет.

— Что такое единение? — Тут же интересуюсь я. — Почему я про это никогда в жизни не слышал?

— Потому что тебе это не надо, — сухо замечает бабушка. — И точка. Это опасно и почти нереализуемо, никакого потенциала не хватит. Удачных примеров практически нет.

— Он может пользоваться своей силой и силой близнеца... — замечает шэх. — Он и так это делает. И даже умеет создавать запас. Это даже не в два раза больше, чем у обычного мага...

— Нет.

— Может быть, мне кто-то объяснит? — возмущаюсь я и присаживаюсь на полу, переводя взгляд с одной на другого. Почему, демоны заberi, все знают о каком-то решении проблемы, а я нет?

Бабушка вздыхает и унижающе смотрит на шэха, но тот бесстрастен и взгляд выдерживает, не дрогнув.

— Хорошо. — Она вздыхает и оборачивается ко мне. — Единение — это ритуал, позволяющий поглотить экзоскелет.

— Поглотить? — уточняю я, чувствуя, как сердце начинает биться быстрее.

— Он уходит под кожу, врастает внутри тебя в мышцы и сухожилия, становясь частью тела, — продолжает за бабушку шэх. — Проблема в том, что ты сам силой мысли должен загнать спицы внутрь, это адски больно. Для этого нужна магия, которая поможет не отступить, ускорить процесс и поглощения и заживления.

— Наплевать, — горячо отзываюсь я. — Поглощение не поможет избавиться от экзоскелета, но сможет сделать его незаметным, и мешать он мне не будет. А боль? Боль я и так испытываю постоянно.

— Ты не понимаешь. — Бабушка качает головой. — Мышцы рвутся, кости ломаются. Такие повреждения надо срывать сразу, когда ритуал запущен. Ты или сможешь вылечить себя сам, не будучи целителем, или погибнешь. Нельзя остановить или переиграть, не получится отложить. Второй попытки не будет. Ритуал требует колоссального количества магии. Тебе никто не скажет, сколько ее потребуется. Никто, Дар. Считаешь, я не думала об этом? Думала, но риск значительно превышает вероятность успешного исхода. Тебе может не хватить, даже вашего с Китом объединенного ресурса. И тогда...

— Смерть? — Я хмыкаю. — Ты так часто меня ей пугаешь.

— Может, не смерть, — нехотя признается шэх, — а условно живая куча плоти вперемешку со спицами и костями. Не хватит сил довести до конца — погибнешь. Я понимаю твою бабушку, но потенциал у тебя есть. Я бы взялся тебя готовить, при условии безоговорочного подчинения.

— Я против, — упрямо заявляет бабушка.

— Это моя жизнь, — огрызаюсь я.

— Безусловно, но я лучше вижу со стороны, чем это чревато. Ты молодой, горячий и слишком спешишь.

— Подготовьте меня, — прошу я шэха, но он смотрит на бабушку. Она устало кивает.

— Надеюсь, мы не пожалеем. Дар, я могу дать добро только в том случае, если ты будешь слушаться. Никакой самостоятельности, никакой надежды, что это можно сделать быстро. Долго, сложно, больно. Поспешись, последствия могут быть не только для тебя.

— А для кого?

— Кит. А вы связаны. Если будешь погибать, как ты думаешь, сможешь остановиться и не тянуть силу из брата?

Молчу. Не знаю. Наша связь слишком уникальна. Я сам не понимаю толком, как она работает.

— Он может лишиться магии, — говорит бабушка, видимо, поняв ход моих мыслей. — Ритуал очень сложный. Неизвестно, как отразится на каждом из вас.

— Не говорите ничего Киту, — прошу я. Вижу недоумение и поясняю. — Я хочу изучить границы своего дара, сделать максимум, и только потом попрошу его помощи. Может...

— Боишься, что не получится?

— Боюсь. Не хочу давать надежду. А вдруг получится справиться самому? Не хочу, чтобы брат чувствовал себя обязанным помогать мне своей силой.

— Разумно, — соглашается шэх.

— Один он не вытянет.

— Надо постепенно изучать границы возможностей. Посмотрим. Но Дар, я тебе говорю серьезно. Это не быстро. Приготовься к неудачам.

Глава 5

Каро

Выдыхаю, когда понимаю, что шэх за мной не идет. Отлично. Неужели я, наконец, останусь одна? Хотя бы на несколько часов. Я устала и эмоционально, и физически. Скидываю обувь и прохожу в зал, где падаю на диван, притянув подушку к животу. Закрываю глаза и откидываюсь на спинку. Хорошо. Иногда нужно очень мало для того, чтобы почувствовать себя счастливой.

Состояние такое, что даже моргать тяжело. Кажется, уснешь в тот же миг, как перестанешь шевелиться. Но я не умею спать сидя, а лечь нет сил. Поэтому просто сижу какое-то время и слушаю тишину. Знаю, что вокруг меня сгущается темнота, но встать, включить свет, поискать в холодильнике еду, сходить в душ и идти спать — все это очень напряжно, поэтому я просто не шевелюсь. В голове приятная пустота, вокруг меня никого и уютная безопасность дома шэха. Это ощущение родом откуда-то из детства.

Заставляет меня подняться осознание, что если я этого не сделаю, то усну прямо тут, и меня обнаружит шэх, когда вернется. Разбудит и продолжит неприятный разговор. А еще если спать сидя, то разболится шея, спина и прочие части тела, которым неудобно. Но неприятный разговор страшит сильнее. Говорить с кем бы то ни было сегодня в мои планы не входит. В мои планы входит спать. Ну и душ. Без душа после тренировки совсем уж грустно.

Со стоном откидываю подушку и поднимаюсь. Не зажигая свет, захожу по лестнице на второй этаж и, прежде чем идти в душ, заглядываю в «свою» комнату за полотенцем и домашней одеждой. Щелкнув пальцами, включаю освещение и замираю. На заправленной кровати, которую я совершенно точно за собой не убирала, и шэх этим не стал бы заморачиваться, сидит кукла. Та самая, которую выкинул Дар. «Если выкинул», — проносится у меня в голове. Но парня подозревать не получается. Дар не тот человек, который мог мне вредить. Не в его стиле. Слишком прямой, резкий. Месть за спиной... нет, это на него не похоже. А кто тогда? Кто мог вытащить куклу из мусорки? Мать?

Наверное, думать так неправильно. Но эта версия в моей голове имеет право на существование. Мать была помешана на маньяке. Она выбрала его, а не меня. Она оставалась с ним, даже зная, что он сделал, поэтому — да. Она могла вытащить куклу. Но вытащить, привезти сюда, пробраться в дом шэха и оставить ее у меня на кровати? Слишком сложная схема. Мама всегда была ведома и инфантильна. Даже если она это и провернула, должен был быть тот, кто ее направил.

Пячусь к выходу и, оказавшись в коридоре, захлопываю дверь. С удивлением замечаю, что меня больше не трясет. То ли я слишком устала, то ли адаптируюсь к фокусам маньяка. Но трогать куклу руками, спать в комнате, где она сидит, и даже трогать что-то из этой комнаты — для меня слишком, поэтому без зазрения совести толкаю соседнюю дверь. Нахожу чистое полотенце, беру майку, которая еще сохранила запах Дара и на автомате иду в душ. Предчувствие меня не обмануло. Викс ни в чем не виноват, и получается... ему кто-то помог уйти из жизни, ведь если парень ничего не делал, почему покончил собой? К счастью, усталость не дает думать и пытаться понять мотивы Вика, который тоже, выходит, пострадал из-за меня. Об этом размышлять мучительно.

Выхожу из душа и падаю лицом в подушку, на которой позапрошлой ночью спал Дар. Я понимаю, про куклу нужно рассказать. Шэху, Лестрату, Дару, но я не могу ни с кем сегодня общаться и решаю, что все подождет до утра. Я просто физически неспособна сегодня функционировать. Мне нужен сон.

Ужасное! Ужасное утро. Я просыпаюсь, едва только рассветает, и все события минувших нескольких дней сваливаются на меня лавиной. Самоубийство Вика, который, оказывается, ни в чем не был виноват — оно на моей совести. Встреча с матерью, которую я подозреваю в том, что она поехала крышей и стала последовательницей маньяка. Кукла, которая раньше мне являлась только во снах, а за последние пару суток я видела два раза. Волнительная и стыдная ночь с Даром, когда я напилась и просила слишком много. Неприятный разговор с шэхом. Есть ли у меня хоть какая-то сфера жизни, в которой все нормально?

Я вообще не хочу выходить из комнаты. Но надо. Пора возвращаться в колледж, но перед этим я должна поговорить с Лестартом.

Спускаюсь на первый этаж, вижу шэха, который в домашних широких штанах и растянутой майке колдует у плиты. Он достаточно высокий. Хотя чуть ниже Дара, но шире в кости. Сильный, уверенный, и я не понимаю, почему до сих пор один. Мне кажется, он выглядит гораздо моложе своих тридцати трех лет. У нас многие девчонки тайно в него влюблены. Такие, правда, в клубе не задерживаются. Мы все для него дети. И для меня он «папа», «старший брат», «наставник», тот, кто однозначно может напороть задницу. Но объективно, со стороны я вижу — он привлекательный мужчина. К тому же порядочный и ответственный. Наверное, беда в том, что шальные мудаки всегда пользуются большим спросом.

— Я думал, ты снова сбежала творить глупости, — не поворачиваясь, говорит он. — В комнате тебя не было...

Вопрос не звучит, но я его слышу у себя в голове. «Не помешалась ли ты, часом, спать в комнате парня, когда его там даже нет?»

— Кукла, — говорю я. — Вы видели куклу?

— Какая кукла? — Шэх хмурится, а я с ужасом замираю. Поворачиваюсь и подрываюсь к себе в комнату. Кровать по-прежнему заправлена, но куклы, действительно, на ней нет. Что за демонщина?

— Каро, все нормально?

Шэх с лопаточкой, который он помешивал яичницу на сковороде, догоняет меня у распахнутой двери.

— Нет.— Я качаю головой. — Не нормально.

Сбиваясь, рассказываю про куклу. Шэх внимательно слушает и потом осторожно уточняет:

— Каро, у тебя был сложный период. Ты устала и на взводе. Скажи, ты могла ошибиться?

Прикрываю глаза, понимая, что выгляжу идиоткой, у которой едет крыша. Но это не так. Я точно знаю, что я видела.

— Вы заправляли мою постель? — спрашиваю я тихо.

— Что? — Удивленно уточняет шэх. Не знаю, чего в его голосе больше — недоумения или возмущения.

— Я тоже не заправляла. Вчера кровать уже была заправлена, и в центре сидела кукла. Моя кукла. Я не поехала крышей и не страдаю галлюцинациями.

— Так подробнее, давай, о твоей кукле. — Он вздыхает и прислоняется к стене, задумчиво покручивая деревянную лопаточку, с прилипшим к ней кусочком яйца. Интересно, он выключил наш завтрак? — некстати думаю я, но мысль не озвучиваю, послушно отвечая на вопрос.

— Каждой девочке, которую забирал страшный человек, он дарил куклу. Красивую...

— И?...

— Это был образ, именно такой он хотел видеть девочку. Платье, прическа, макияж, аксессуары. Такая маленькая модель, на основе которой он планировал создать настоящую куклу из некогда живого человека.

— После смерти?

— Да. Куклы сидели у него на камине, многих девочек так и не нашли. Кроме тех, которые были назначены мне в подруги.

— У тебя тоже была кукла?

— Да.

— Ты не могла перепутать?

— Совершенно точно — нет. Я ее увидела в окне его квартиры позавчера, когда мы с Даром проезжали мимо. Девушка, купившая квартиру у моей матери, не знала, что это за кукла. Мы забрали ее, и Дар выкинул. А когда я приехала домой, она была тут.

— Кто еще знал о кукле? — нахмурившись, спрашивает шэх.

— Мать.

— Думаешь, это она?

— Представления не имею. — Я пожимаю плечами и тру лоб. Начинает болеть голова.

— Собирайся.

— Куда? — устало спрашиваю я.

— Мы должны успеть к Лестрату до колледжа, — жестко говорит шэх. — Каро, я понимаю, как тебе сложно. Но ты должна взять себя в руки. Тебе нельзя сейчас плевать на свою жизнь.

В его голосе звучит сочувствие, но я и не планировала спорить. Совершенно очевидно, маньяк хочет разрушить мою жизнь, заставить прятаться, забив на учебу и тренировки. Моя задача — не позволить ему это сделать.

Собираюсь первая и выхожу на улицу, с тоской отметив, что яичница так и осталась на плите. Тут свежий воздух, возможно, он прочистит мозги. Зябко кутаюсь в длинную черную толстовку Волка, которую нашла в вещах шэха. Я надела ее прямо на форму лица, чтобы не замерзнуть. Сегодня чувствуется осень. Небо затянули

тяжелые тучи, изрядно похолодало, и, того гляди, начнется дождь. А куртка осталась в лицее, поэтому сегодня иконой стиля меня не назовешь. Впрочем, и в обычное время тоже этот титул применить ко мне сложно.

Шэх что-то не выходит, и я, мысленно его ругая, начинаю пританцовывать на месте. Из рта идет пар, жители коттеджного поселка лениво выползают на ухоженные лужайки перед домами, тихо взмывают над дорогой, вымощенной брусчаткой, магмобилю, жужжат крыльями осы, люди собираются на работу, детей отвозят в школы. На противоположной стороне дороги у углового дома вижу знакомую форму колледжа магии.

Надо же! Не думала, что тут живут мажоры. Здесь обитает средний класс, не способный оплатить Высший колледж магии Горскейра. Впрочем, я же сегодня прыгаю на зеленой, коротко-подстриженной лужайке. Хотя тоже учусь в Высшем колледже магии, но не мажорка, живу не здесь, но как-то же оказалась в этом месте.

Наблюдаю за обладателем формы колледжа чуть пристальнее, чем обычно позволяю себе. Когда парень поворачивается, с удивлением понимаю, что его знаю — Ильяс. Он тоже замечает меня и направляется навстречу уверенным шагом, совершая ужасное, по мнению местных жителей действие — срезая путь по газонам.

— Каро? — удивленно восклицает он. — Ты что здесь делаешь? Ты так быстро исчезла после того случая...

— Да вот... — прячу руки в карманы и опускаю взгляд на носки фирменных ботинок, которые в моем случае призваны заменить туфли. — Приходила в себя.

— А я навещал тетю, — улыбается парень. — Ты в колледж? Могу подвезти.

— В колледж, но сначала надо заскочить в одно место, — признаюсь я. — Поэтому спасибо, я сама.

Ильяс кивает, отворачивается от меня и направляется к висящему в нескольких сантиметрах над землей магмобилю, но не доходит буквально несколько шагов. Замирает и оборачивается.

— Каро...

— Да?

— Я хочу тебя предупредить... — Парень словно испытывает неловкость от этого разговора, но через силу выталкивает из себя слова. — После смерти Викса... знаешь, многие не верят в его виновность.

— И? При чем тут я? О чем предупреждать?

— Они винят тебя...

Я даже не сразу нахожу, что ответить. Впрочем, ведь и я винила себя, когда только узнала...

— То есть ждешь травлю? — уточняю я первое, что приходит в голову.

— Ну... — Он пожимает плечами, а я хмыкаю и качаю головой. — Они считают, что пока ты не появилась в колледже, было намного проще. Ни трупов, ни самоубийств...

— А ты? Ты тоже считаешь, что в смерти Викса виновата я? — Даже не знаю, зачем я это спрашиваю. Мы с Ильясом знакомы поверхностно, и меня не волнует его мнение.

— Я считаю, что совершенно не знал человека, с которым прожил в одной комнате больше года, — замечает парень и садится в свой магмобиль, а я поднимаю лицо к небу и подставляю его первым каплям дождя. Да уж, день не будет простым. Интересно, что меня ждет, когда в колледже узнают, что Викс на самом деле не виноват?

Подозреваю, ничего хорошего. Только вот мне все равно. Мне всегда все равно. Или я просто привыкла врать себе.

Смотрю вслед удаляющемуся магмобилю Ильяса и понимаю, чтобы пережить сегодняшний день, мне придется собрать все силы, а их и так осталось слишком мало. Я прокручиваю в голове кандидатуры на роль маньяка и понимаю, что, кроме матери, у меня в голове не одной. И это больно и страшно. Если это она, то меня родило чудовище. А если не она, тогда кто? Кто-то знает о моей жизни все и следит, готовясь сделать последний шаг? Я не знаю, какой из этих вариантов хуже.

Шэх появляется минут через пять. Не спрашиваю, что его задержало. Он с утра не очень разговорчивый. Впрочем, как и я. Мы долго едем на другой конец города, и я даже успеваю задремать, прислонившись лбом к стеклу, поэтому в кабинете Лестрата подтупливаю, но все же в сотый раз пересказываю события последних дней. Кажется, эту историю я выучила наизусть и запомнила до мелочей.

Полученная от меня информация, совершенно не нравится некроманту.

— Когда Викс... — не могу заставить себя произнести слово «повесился», поэтому просто сглатываю, надеясь, что Лестрат поймет ход моих мыслей. — В общем, вы успели его считать?

— Нет. Слишком много прошло времени... но у меня возникли определенные сомнения, которые до этого разговора не имели под собой оснований. Это самоубийство... оно было странным...очень странным.

— Ты хочешь сказать, парень не сам? — осторожно уточняет шэх.

— Есть такой вариант, — уклончиво отвечает Лестрат, и у меня к горлу подкатывает комок. Я снова чувствую себя виноватой. Это дурацкое, обезоруживающее чувство. Мне с ним сложно противостоять миру, а сегодня придется. На глаза наворачиваются слезы.

Лестрат замечает мое состояние и жестко говорит:

— Ты не виновата ни в чем, Каро. Ты в этой ситуации жертва. Как и Викс. И мы найдем настоящего виновника случившегося. Скажи, как я могу отыскать твою мать? Кажется, пришло время задать ей несколько неприятных вопросов.

— У меня есть ее координаты и возможность связаться дистанционно, - вместо меня отвечает Шэх.

Удивленно смотрю на учителя, но выяснять подробности нет сил. Эмоциональных. Он, что, был на связи с моей матерью все эти годы? Могу расценивать это только, как предательство.

Шэх знает меня слишком хорошо, сейчас эмоции я скрыть не могу, и он читает их по моему лицу. Да. Признаться, я и не пытаюсь скрыть.

— Каро, она твоя мать. Я обязан поддерживать с ней связь.

— Сейчас уже не обязан, я совершеннолетняя.

— То есть, ты считаешь, в день твоего рождения должен был обрубить все контакты с твоей матерью и не отвечать на ее вопросы?

— Да,— не сомневаясь, замечаю я. — Ты знаешь, что она сделала. Может быть, это ты подсказал ей, как меня лучше добить? Нет... не специально, но ты же поддерживал с ней связь у меня за спиной. Тогда, когда я считала себя в безопасности.

— Я не думаю, что это она. — Шэх вздыхает и прикрывает глаза. — И ты, Каро, тоже не думаешь, просто этот вариант кажется тебе простым и очевидным.

— У нее была возможность, мотив и, как выясняется, информация. Что ты рассказывал ей обо мне? — напираяю я, сама не замечая, как завожусь больше и больше.

— Ничего. Если ты думаешь, что мы связывались и общались долгими вечерами, ты неправ. Она просто хочет знать, что у тебя все хорошо.

— Поздно. У меня не все хорошо.

Я встаю и иду к входу.

— Каро, куда ты? — устало спрашивает учитель мне в спину.

— На учебу.

— Отсюда далеко. Подожди, довезу.

— Нет, — отрезаю я и выхожу. Не самый логичный мой поступок, но я решительно не готова провести еще полчаса в обществе шэха. Мне у него еще тренироваться. После безобразного скандала это делать сложнее.

Шэх слишком хорошо меня знает, поэтому не останавливает. В таком состоянии со мной можно только поругаться. Людей я люто не люблю, особенно тех, на кого обижена по какой-то причине. Я

беспрепятственно выхожу из кабинета Лестрата и двигаюсь к выходу. Уже в дверях, буквально налетаю на высокого брюнета, который задумчиво и неторопливо заходит в помещение. Вид у парня помятый и несчастный, как у человека, который с удивлением обнаружил, что утро иногда наступает, не тогда, когда спокойненько проснулся, а гораздо раньше.

— Прости! — бросает он на автомате и отшатывается от меня, словно я прокаженная, но потом в его глазах мелькает узнавание. — Кара?

— Каро, — поправляю я, а парень останавливается напротив меня, пряча руки в карманах.

— Подружка Кита и Дара?

— Знакомая...

— Знакомая, — соглашается он покладисто, наклонив голову набок. — Как Дар?

Вопрос обескураживает. Откуда же я знаю. Не очень хорошо, но и я не лучше. И убила бы, если бы кто-то стал доносить эту информацию до всех моих знакомых, поэтому отвечаю довольно резко.

— Не уверена, что это та информация, которой я владею в полной мере и, которой он хочет делиться. Так что спроси его сам. Посчитает нужным, ответит, но, скорее всего, нет.

— Дерзкая! — удовлетворенно хмыкает брюнет. — Ему в самый раз!

— А кто сказал, что он мне в самый раз? — спрашиваю я, ошарашенная такой наглостью.

В ответ на это парень, кажется, его зовут Ян, просто насмешливо вздергивает бровь, хмыкает и проходит мимо. Ну и как это называется?

Я какое-то время ошарашено стою в проходе и таращусь ему в спину, а после того, как на меня налетают сразу двое сотрудников следственного отдела, все же отвисаю и выхожу на улицу в серую дождливую морось.

Погода сегодня очень точно отражает мое настроение. Натягиваю на голову капюшон, засовываю руки в карманы и несколько кварталов иду так, молча, опустив голову, и не оглядываюсь по сторонам. Нужно, наверное, или поймать магмобиль или с кем-нибудь связаться. Поймать магмобиль проще, но у меня нет денег. Я даже не знаю, как так вышло. Голова с утра была занята другим.

А просить никого из знакомых совершенно не хочется. Пока перебираю в голову имена — среди возможных кандидатур только Волк и близнецы — сбоку бесшумно притормаживает оса. Я ее замечаю только, когда знакомый голос, который совершенно не хочу слышать, произносит:

— Давай, подвезу тебя, Каро... ты ведь опаздываешь.

Недовольно поворачиваюсь и вижу Фроста. Ну, конечно, какой день, такие и встречи.

— Как ты узнал?...

— Шэх попросил забрать, сказал, что сам отвезти не успевает, а я как раз был совершенно случайно свободен.

— Тебя? — фыркаю я пренебрежительно. — Сильно вряд ли.

Форс не спорит и уточняет.

— Не меня. Волка.

— А Волк попросил тебя? Это еще более нелепо.

— И снова не угадала, Волк попросил Эрика. А у Эрика был я. Эрик хотел спать, а я увидеть тебя. Так что все сложилось.

Вот эта версия мне виделась гораздо более правдоподобной. Но все равно, Форс оставался последним, с кем бы я хотела оказаться на одной осе.

— Будешь гнать, придушу, — сообщаю я парню и сажусь сзади него на осу. В ином случае я бы предпочла добраться до колледжа сама. Но сейчас, похоже, Фрост — мой единственный вариант оказаться на занятиях не к завтрашнему утру, а хотя бы к третьей ленте.

Глава 6

Не знаю, что случилось с Фростом, возможно, он воспринимает мою угрозу всерьез, но его оса передвигается по городу, почти как оса Волка — аккуратно и небыстро. По крайней мере, я не седею. Мы никого не обгоняем и не подрезаем.

И на просьбу остановиться в стороне от главных ворот академии, Фрост фыркает, но послушно притормаживает, где я прошу.

— Теперь учишься с богатенькими мажорчиками, стесняешься старых друзей, Каро, — заявляет он с вызовом, когда я слезаю с осы.

— Тебе напомнить, что и ты богатенький мажорчик? — уточняю я, мгновенно раздражаясь. Конечно, Фрост не самый популярный и знатный, и в элитном колледже Горскейра попросту бы затерялся среди местных аристократов, но его семья достаточно влиятельна и богата, чтобы не приbedняться.

— Не настолько, насколько они, — отвечает парень со злостью, от которой мурашки по коже. Фрост жалок, но вряд ли когда поймет, почему.

— Думаешь, в этом причина?

— А в чем?

Действительно, в чем? В том, что меня подвозил Волк, и это видел Дар. Сегодня Фрост, и да, я не хочу, чтобы это увидел Дар. Но это совершенно не имеет никакого отношения к статусам и прочему. Но это не та информация, которую я буду сообщать Фросту.

— Мне так удобнее, — отвечаю я и поворачиваюсь спиной.

— Просто ты решила найти себе более выгодный вариант.

— Более выгодный, чем кто? — с вызовом спрашиваю я. Фрост молчит. Это закономерно, а я разворачиваюсь и иду через парковку к главному входу. Только претензий Фроста мне не хватает для полного счастья. Что все, как с цепи сорвались? Я всегда умела сохранять с парнями нейтральные отношения. И никогда не возникало вопросов или проблем. Сейчас-то что изменилось?

Ленты уже начались, и полторы я прогуляла. Идти на середину не хочется, и я вспоминаю, что не завтракала. Но сначала заглядываю к себе в комнату. Признаться, идти боязно. Я боюсь кошмаров, боюсь, что начнется паническая атака. Не знаю, как отреагирует мой организм.

Поэтому и иду в комнату первым делом. Если выяснится, что я не смогу тут жить, у меня будет целый день, чтобы решить эту проблему. Открываю дверь и понимаю, что вся половина, принадлежащая Энси, пуста. Заправленная кровать, пустые полки, нет плакатов, чаев и милых сердцу мелочей. Становится грустно и немного обидно. Она даже ничего не сказала.

Уехала совсем? Просто переселилась? Она злится на меня или просто не может здесь находиться. Мне бы не хотелось, чтобы Энси на меня злилась.

На моей половине не изменилось ничего. Стол, за которым сидела убитая девушка, поменяли и переставили к стене. Вряд ли это избавит меня от кошмаров, если они будут меня преследовать. Так что, отчасти Энси я понимаю. Может быть, на ее месте я бы тоже попросила меня переселить, но я на своем. А на моем, я прекрасно знаю, можно поменять место, но кошмары все равно буду приходить. И в другой комнате. Сейчас я иначе воспринимаю поездку в другой город. Она выдалась слишком эмоциональной, тяжелой морально и приглушила травмирующие воспоминания того утра, когда мы проснулись в одной комнате с трупом.

Залезаю в шкаф, переодеваюсь в свежий комплект формы. Беру укороченную курточку, взамен бесформенной толстовки Волка и направляюсь в столовую. От голода кружится голова. Вот стоило с утра съесть омлет, который приготовил шэх. От мыслей про шэха, голод снова отступает. Дурацкий организм! У меня такое бывает, могу не вспоминать про еду. Но это опасное состояние. Страшно, что позорно рухну в обморок, поэтому заставляю себя в столовой взять красную рыбу, овощной салат и сладкий чай. Сахар — отступление от рациона, но он мне необходим. Я слишком вымотана.

Уже, когда подхожу к столику, на меня выдвигаются трое, что интересно, не девчонок, а парней. Один задевает рукой поднос, и еда летит на пол. Я отступаю, чтобы чай не оказался на мне.

Настолько шокирована, что даже не бью в ответ. В столовой воцаряется тишина. Все затаили дыхание и ждут, что будет дальше.

— Думаешь, тебе все можно?— спрашивает темноволосый с вызовом. Я не помню этого парня. Старшекурсник. Кто их запоминает и рассматривает. Я отучилась тут всего ничего. — Ты обвинила Викса, и он повесился. Это вообще нормально? А ты в курсе, что он не был виноват! У него мать его растила одна! Она в лечебнице, пытается пережить трагедию! А ты приходишь сюда, как ни в чем не бывало!

— Я-я-я... — С трудом загнанные глубоко внутрь переживания, вновь врываются наружу, заставляя быть слабой. Такой, какой я не была уже давно. Просто не нахожу, что им возразить.

— Что ты блеешь? — накидывается на меня второй. Красные глаза навывкате, кулаки сжаты. Парни злы и чувствуют мою неуверенность. Начинает тошнить. То ли от голода, то ли из-за сложившейся ситуации. Я готова позорно разрыдаться. И уже бы давно разрыдалась, но не дает спортивная выдержка. «Дыши,— повторяю себе мысленно. — Просто вдох-выдох».

А собравшиеся в столовой студенты не вмешиваются. Стая шакалов, которые ожидают завершения конфликта, который складывается не в мою сторону.

— А ты знала, тварь, что убитая девушка была моей? — снова начинает второй, особенно агрессивный. — Да, ты даже имени ее не знала!

«Да, не знала! И что?» — хочется крикнуть, но я молчу. Просто хочу, чтобы все закончилось. Отслеживаю движения, четко понимаю — если хоть один замахнется, ударю в ответ. Мне не страшно от их угроз, страшно от того, что я верю — парни правы. Все их упреки справедливы, и именно эти мысли не дают мне дышать.

— Тебе лучше уйти из колледжа самой... — напирают на меня, и я готова согласиться в душе. Действительно, лучше уйти. Этот шанс вырваться в лучшую жизнь, очевидно, не дал мне никаких преимуществ. Он сделал только хуже. И совершенно очевидно, я не смогу этим шансом воспользоваться, пока в моей жизни творится такой кошмар.

Меня трясет. От агрессии, от того, что я не могу защититься привычным способом, потому что чувство вины долбит в виски, заставляя поверить — я виновата. Я во всем виновата. От меня одни проблемы.

— Иначе что? — раздается справа от меня холодный голос с вызовом. — Крес — ты debil? Впрочем, это не новость. Ты всегда не отличался сообразительностью. Единственное, что ты можешь делать — это орать. Причем, даже не на того, кто виноват в твоих бедах.

Немного расслабляюсь. Дар. Я чувствую исходящую от него поддержку. Она мне очень нужна. Хотя кто-то в данный момент меня не ненавидит. С Даром нас тоже связывают странные отношения, но то, что между нами... это не ненависть. И Дар, точно, на моей стороне. По крайней мере, в этой ситуации.

— Шел бы ты, болезный... — выплевывает Крес с бравადой, но договорить не успеваает. Дар бьет четко и резко, а удар, направленный в его сторону, уже на автомате перехватываю я. Может, я не способна

сейчас защитить себя от жалящих слов, которые попадают в слишком больные места, но прикрыть ближнего от неумелого удара, я точно смогу.

Падает стул, кто-то подрывается с места, но с другой стороны от меня раздается жесткое:

— Кто побежит жаловаться, пожалеет.

Кит. Может, близнецы и поругались, но сейчас действуют общим фронтом. И я им за это благодарна. Если они готовы защищать меня, то я сама смогу справиться с силами.

— А сейчас слушаем все сюда, — продолжает Дар. Креса, удерживают его друзья, понимая, что безобразная драка точно привлечет внимание администрации, а это не нужно никому. К тому же ситуация не в их пользу — инвалид и девчонка против троих амбалов. Попробуй, докажи, что мы представляем собой не меньшую опасность. — Вы, правда, так тупы, что обвиняете в случившемся Каро? Или просто ищете способ выпустить пар? Так я подскажу парочку годных вариантов.

— Пока ее не было, не было проблем, — не очень уверенно отзывается последний из их тройки. Тощий и рыжий. Он изначально держался чуть в стороне. Будто его заставили участвовать в разборках.

— Серьезно? — Дар зло усмехается. — Это так работает? Каро убила девушку? Каро заставила повеситься Викса...

— Но он повесился после того...

— Если он не виноват, он бы не повесился. А если виноват... то причем здесь Каро? — возмущается Дар. — Вы что тут устроили? Самосуд? — Маньяк до сих пор где-то тут.

— Так логично убрать ее отсюда, — с возмущением тянет блондинка, которую я видела с Даром на вечеринке. — Исчезнет она,

свалит и маньяк за ней следом.

— Давай, тебя уберем? — предлагает Кит. — Тебе образование точно не нужно. Колледж не потеряет ничего ровным счетом.

— Да кто ты такой... — начинает она.

— Помолчи, пожалуйста, а? — просит Дар. — Серьезно хочешь обсудить свои достоинства и необходимость образования? Мне кажется, ты выбрала для себя иной путь.

— Ну, вы и мудаки, — фыркает она обиженно, но, к моему удивлению, затыкается. Ну и что это было?

Как ни странно, конфликт стихает. С близнецами связываться никто не хочет. И Кит с Даром выводят меня из столовой, а я печально смотрю вслед так и не съеденному завтрако-обеду. На полу аппетита он не вызывает, но есть все равно хочется.

Уходим мы вовремя, так как нам навстречу идут несколько преподавателей. Они чудом не стали свидетелями стычки в столовой.

— Спасибо, — тихо говорю я, когда мы оказываемся в коридоре, где нет тех, кто оказался свидетелем некрасивой сцены в столовой.

— Что с тобой произошло? — спрашивает меня Дар. — Почему ты себя не защищала? Каро, ты же сильная. А эти придурки — трусы. Ты таких щелкаешь, как орешки на завтрак.

— Потому что мне показалось, что они правы, — тихо признаюсь я, все еще чувствуя, как в голове шумят чужие голоса, говорящие неприятные вещи, так похожие на правду. — Действительно все, что здесь происходит, происходит по моей вине. Наверное, мне, и правда, лучше уйти. Это будет справедливо.

— Бред, — резко отрезает Кит. — В чем, скажи, твоя вина? В том, что ты существуешь? Нет, Каро. Ты сама говорила о том, как много для

тебя значит возможность обучаться в колледже. Не сдавайся, неужели ты не понимаешь, что этому уроду только того и надо? Тебя сломать.

— Ты уверен, что у него это не получилось? — невесело усмехаюсь я.

— Уверен. Ты сильная и со всем справишься, Каро. Мы рядом.

Кит прижимает меня к своему боку, и целует в макушку на глазах у Дара, который весь как-то сразу подбирается, но упрямо молчит. А я не отталкиваю Кита, потому что он ничего такого не делает, и если я сейчас показательно вырвусь, будет странно. Идиотская ситуация.

Мы с Даром ведем себя, как придурки. Кажется, пришло время серьезно поговорить, и поставить все точки над «й». Нельзя утверждать, что между нами ничего нет, но при этом выходить из себя едва рядом появляется кто-то третий. Это настолько сложно, что я не понимаю, как себя вести.

Кит тоже видит напряжение и осторожно уточняет, отстранившись от меня.

— Все нормально? Или есть что-то, чего я не знаю?

— Ты много чего не знаешь, — огрызается Дар, и на миг мне кажется, что парень уйдет, но он упрямо остается рядом. Не могу сказать, что это меня не радует.

— И чего же я не знаю? Вы вместе?

— Нет! — возмущенно хором отвечаем мы с Даром и синхронно отворачиваемся, а Кит удивленно переводит взгляд с меня на брата.

— Ну хорошо... Тогда ничего криминального не произошло? Так ведь? — Мы оба молчим. Кит вздыхает, видимо, жалеет себя, потому что два упрямых идиота рядом — это тяжело. — Тогда пойдете на ленту?

— Пойдемте, — выдыхаю я и двигаюсь в сторону кабинета первая. Парни молча идут следом, и я спиной чувствую их взгляды. Настороженные, жадные, ревностные.

До конца лент парни не отходят на меня ни на шаг. Любые попытки задрать меня пресекают. К ним присоединяется Мара, с которой мы, не сказать, чтобы тесно общаемся, но она почему-то всегда меня поддерживает. Я ей за это благодарна. Видимо, вес близнецов и дочери мэра достаточный, чтобы к концу лент попытки меня задрать сошли «на нет».

Я даже немного расслабляюсь, особенно когда мы все же доходим до столовки, и я начинаю есть суп, щурясь от удовольствия. Головная боль и слабость отступают. Все же, чтобы нормально себя чувствовать, нужны две составляющие «спать» и «жрать» остальное опционально.

— Каро... — подозрительно спрашивает меня Дар. — А ты когда ела в последний раз?

Я задумываюсь и отвечаю:

— Когда-то... вчера точно ела. С утра...

— Каро?

— Ну, так вышло. — Я пожимаю плечами и жадно смотрю по сторонам, когда суп заканчивается. Надо было взять себе еще что-то, но идти лень.

Дар без слов передает мне свою тарелку, и я с азартом накидываюсь на его еду. Даже не вникаю, что там. Картошка, курица, подлива. Все сойдет.

Парень качает головой и снова отходит к раздаче, чтобы взять себе еще что-то, а Мара вздыхает.

— Вы же в курсе, что нас ждет Осенний бал! Я еще не определилась с платьем! Мама заказала мне двенадцать. Двенадцать, Кит! Заказала бы два, избавила меня от страданий. Либо правое, либо левое. Все!

— Мне не близки твои проблемы... — хмыкает парень. — Выбери любое.

— Если бы все так было просто... — вздыхает она, накалывает на вилку листочек салата и задумчиво его изучает, прежде чем отправить в рот и агрессивно прожевать.

— А что у тебя сложно? — подхватывает разговор Дар, который снова к нам присоединяется.

— Мне не с кем и не в чем идти на осенний бал, — признается Мара. — Одну проблему ты можешь решить. Дар, ты ведь сопроводишь меня?

— Ну, пожалуйста! — просит Мара, скорчив умильную рожицу, а у меня все леденеет внутри. Просто дружеская просьба, причем, обращена она к парню, с которым меня ничего не связывает. Но мне неприятно, даже еда встает комом. Я не сомневаюсь, что Дар согласится. Они с Марой сто лет друг друга знают, но парень меня удивляет. Он говорит:

— Нет.

— Но почему? — в голосе Мары проскальзывают удивление и обида в равных пропорциях.

— Потому что я знаю, с кем пойду на осенний бал, если уж мне придется на нем присутствовать... — ровно говорит Дар. Смотрит он при этом прямо на меня, и от этого взгляда неуютно. — А если она откажется, просто пропущу это сборище пафоса. И все. Каждый год одно и то же. Что я там не видел?

— В прошлом году ничего, — подает голос Кит. — Пропустишь два раза. Серьезно?

— Значит, меня сопровождать будешь ты. — Мара пожимает плечами и переводит взгляд на Кита. — Так ведь? Или ты тоже занят?

Не заставляйте меня униженно писать бывшему или соглашаться на кандидатуру, предложенную отцом. Там совсем все печально.

— То есть я не так хорош, как брат? — обиженно спрашивает Кит. И вроде как в шутку, но в ней явно есть часть правды. Мара теряется, раздумывая, что бы ответить, чтобы не обидеть ни одного из близнецов. А я гадаю, что имел в виду Дар. Он хочет пригласить меня? Это ведь очевидно. Или не очевидно? Я принимаю желаемое за действительное?

Дар смотрит на меня внимательно, словно не замечая ни брата, ни Мару и спрашивает:

— Ну, что Каро иду я осенний бал или нет?

— Да кто же тебя знает? — отвечаю я торопливо. Что он от меня хочет?

— Ты пойдешь со мной?

— Я представления не имею, что такое осенний бал, — хрипло отвечаю я, теряясь окончательно. Какой-то бред. Бал. Дар. И я?

— Самое пафосное событие в Поднебесном Горскейре, — чеканит Кит, отвечая на мой вопрос вместо брата. Его голос сухой. От него по спине мурашки. — Собирается весь свет общества, чтобы, напиваясь изысканным вином, наблюдать за тем, как юные представительницы древних фамилий принимают силу роду. Красиво, дорого, для избранных.

— Имеешь в виду, я не избранная? — задаю вопрос легкой обидой. Ответ знаю сама. Кит пожимает плечами и отвечает уклончиво: — Мы имеем право пригласить, кого угодно.

Дар внимательно смотрит на Кита. И мне не нравится выражение его лица.

— И если бы я не позвал тебя, а Мара не взяла его в оборот, тебя бы позвал Кит. Так ведь, брат? Теперь злится, что не успел, пытается сделать все, чтобы ты отказалась... мы не хорошие, Каро, если ты вдруг еще это не поняла.

— Простите. — Кит поднимается с холодной улыбкой. — У меня прихватило желудок, вынужден отлучиться. Мара, я, конечно, с радостью сопровожу тебя. Ты знаешь, что всегда можешь на меня рассчитывать.

Кит уходит, а я, прикрываю глаза. Что как сложно?

— Я могу сделать вывод, что мы никуда не идем? — мрачно заключает Дар, и я готова кивнуть, но встречает Мара.

— Каро, не глупи. Кит прекратит дуться, а Осенний бал стоит того, чтобы на него попасть хотя бы раз в жизни. Не отказывайся. Это глупость. И Дар — упрямый идиот. Ему нужно быть, и ты знаешь почему... — это она уже к парню обращается, впрочем, сразу в мою сторону оборачивается. — Поддержи его.

— Зачем тебе там быть? — Я выныриваю из оцепенения.

— Чтобы продемонстрировать, что я могу передвигаться самостоятельно и не капать слюной, как последний маразматик... я же недочеловек в глазах высшего общества. И бабушке, и мирс Валери, которая приложила много усилий, чтобы поставить меня на ноги нужно продемонстрировать результат своих трудов.

— Тебе нужна поддержка?

— Очень, — признается парень. — Именно поэтому меня позвала Мара. В сказку о том, что ей не с кем идти, не верю... так ведь?

Блондинка пожимает плечами, а мне на миг становится завидно. Удивительная дружба и взаимная поддержка. А еще мне хочется на этот бал, но сколько же всяких «но».

— Но у меня даже платья нет. Не думаю, что впишусь в местное общество и сумею соблюсти дресс-код.

— Я приглашаю... — начинает Дар, и мне уже не нравится. Не хочу я принимать от него подарки! По крайней мере, такие дорогие. Я еще комбинезон, подаренный к черно-белой вечеринке не пережила.

— Дар, перестань, не смущай девушку, — прерывает его бесцеремонная Мара. — Мы же дорогой подарок воспринимаем, как предложение переспать!

Дар непонимающе хмурится, а Мара ржет.

— Неужели не знал? Впрочем, неважно. Каро, ты слышала? Мама заказала двенадцать платьев. Двенадцать! Мне нужно одно. Я думаю, мы подберем что-нибудь для тебя. Такой вариант устроит?

— Если платье я потом верну. Только с этим условием.

— Да как хочешь, — отмахивается она. — Все равно такие вещи не одеваются чаще одного раза. Хоть верни, хоть сожги. Без разницы.

— Так ты идешь? — уточняет Дар, и я киваю. Надеюсь, я об этом пожалею несильно.

Глава 7

В тот момент я не придаю значения данному обещанию. Не в том смысле, что не собираюсь его выполнять. Просто, ну бал, и бал. Платье есть? Что еще нужно? Но я не знаю, на что подписываюсь. Маньяки, подготовка к соревнованиям, учеба — все это ничто в сравнении с дочкой мэра, которая решила сделать из борца принцессу.

А я еще думала, почему это Мара выделила для подготовки целый выходной день и в категорическом тоне прогнала Дара, который пытался увязаться за нами. К слову, парня я практически не видела. Он исчез куда-то вечером, а на следующий день не пришел в колледж. Позже тоже не объявился. С одной стороны, я не могла узнать, что с ним, из-за гордости, из-за неопределенности между нами. С другой все равно волновалась за него. Я бы, наверное, превозмогла гордость, но впереди был «Осенний бал», на который Дар меня позвал, а значит, мы все равно в ближайшее время пересечемся. Можно и подождать.

За подготовку к мероприятию Мара взялась серьезно. Я предлагала съездить померить платья в один день после занятий, но приятельница снисходительно отпустила меня на тренировку. Мне бы тогда насторожиться, потому что отпустила она меня с фразой.

— Нет, сегодня ты слишком вымотана для сборов!

Следующий день прошел относительно спокойно. Лестрат съездил к матери, напугал ее до заикания, как я поняла из разговора. Продержал в управлении почти сутки и отпустил, потому что, даже если она и была виновна, доказать это сейчас не представлялось возможным. Но Лестрат однозначно сказал: у одной нее ничего бы не вышло. Он по-прежнему не особенно верил в ее вину. Я бы хотела сказать, что это меня успокоило. Но нет. С того эпизода, когда я обнаружила куклу на кровати, маньяк не объявлялся. Может, потому, что ему было не до того? Он, точнее, она отвечала на вопросы Лестрата? Тогда скоро меня ждет очередной сюрприз. И, оказывается,

ожидание неприятностей выматывает не меньше самих неприятностей.

Именно об этом я думаю, когда жду на парковке пафосного торгового центра Мару, которую я обещала сопровождать во время покупки обуви. Не самое мое любимое занятие, но я посчитала, что обязана ей, и не смогла отказать.

Но Мара оказывается коварнее, чем я предполагала! Туфли она планирует купить не только себе.

Если бы я заподозрила это на входе в торговый центр, точно бы сбежала, но я пребываю в неведении и послушно прохожу по оживленному холлу к лифтам. Если рядом со всеми люди, то у того, к которому нас ведет Мара, останавливаемся мы одни.

Пара девчонок — наши ровесницы смотрят с завистью, но Мара этого даже не замечает. Она проводит руками по стене и, когда начинает клубиться серо-голубой туман, просто шагает в него, поманив меня за собой.

Вынырнув из голубоватой дымки, мы оказываемся в совершенно другом, непривычном для меня мире.

— Я даже не знала, что тут есть еще этаж, — замечаю я, когда Мара уверенно проходит по белоснежному коридору к стойке администратора, за которой стоит улыбчивая девушка.

— Добрый день, мирс, можно ваш код доступа? — здоровается она.

— Конечно. — Мара протягивает руку со вспыхнувшим символом рода. — Я сегодня с плюс один. Организуйте нам, пожалуйста, хранение вещей.

— Конечно, — администратор вышколено улыбается, и за спиной Мары вспыхивает золотом ячейка, в которую можно положить любые

вещи, которые будут выбраны. Ячейка сама доставит их в зону оплаты. Я не видела такую магию в действии.

— А теперь, Каро, пошли повеселимся!

Мара не предупреждает, что сегодня веселиться будет только она.

Моя приятельница хитра, умна и коварна. Иначе как объяснить, что через четыре часа я сижу в кресле салона красоты, а в ячейку для хранения отправлены две пары туфель, нижнее белье, клатч, чулки и еще что-то. Кажется, я потеряла счет купленному.

Я бы никогда не согласилась на подачки. Неважно, сколько денег у Мары, а, вернее, у ее родителей. Главное, что лишних денег нет у меня. По крайней мере, на то, чтобы тратить их в самом дорогом торговом центре Горскейра.

Но я говорю — Мара хитра. Я не понимаю, как стала личным тренером, который ей совершенно не нужен. Но аргументы приятельница смогла подобрать виртуозно. Я поняла и желание узнать больше о цеуньши — действительно, очень красивое боевое искусство, позволяющее держать тело в тонусе. И нежелание идти в клуб, где всегда шумно и много народа. И моих навыков как раз хватит, чтобы вести индивидуальные тренировки для дочки мэра, которой просто хочется чего-то нового в этой жизни. В общем, я согласилась на тренировки в обмен на шопинг.

Но мысль, что Мара изрядно переплатила за услуги личного тренера, меня не отпускает. Впрочем, саму Мару ничего не напрягает.

— Кофе? — спрашивает меня вежливая администратор салона красоты и я, подумав, соглашаюсь и не зря. Потому что следующие пять часов мне придется провести тут. Волосы, ногти, тело. Боги, я и так была вполне приличной! Зачем из меня делать представительницу элиты Горскейра?

Именно этот вопрос я задаю Маре, когда нас, наконец, выпускают из экзекуционной, как я назвала салон красоты, на волю, точнее, в ближайший ресторан. Есть хочется так сильно, что я даже не смотрю в меню ни на цены, ни на калораж. Готова съесть порцию, которая в меню значится как «на компанию».

— Каро, кроме совершенно неважных людей, там будет бабушка Дара... — отвечает Мара, откладывая меню в сторону.

— Кто? — Хорошо, что заказ еще не принесли, а то бы я точно подавилась. Какая еще бабушка? Нет, я знаю, что близнецов воспитывает она, а не родители. Про родителей я вообще ничего не слышала, но не рисковала спросить.

— Ну, а что ты удивляешься? — Мара пожимает плечами. — Она не последний человек в Горскейре. Говорят, сам правитель приглашает ее иногда на кофе...

— Зачем ты мне это сказала? — Я закатываю глаза.

— А лучше, если бы ты об этом узнала по факту?

— Лучше бы ты мне это сказала, когда я принимала приглашение Дара!

— Тогда бы ты его не приняла.

— Вот именно!

— Не переживай, мирс Амелия, конечно, вряд ли будет в восторге. Она чрезмерно печется о Даре. Но он большой и упрямый мальчик. Ее мнение очень давно носит исключительно рекомендательный характер. Он сам решает, с кем ему быть.

— В том-то и дело. Я не хочу, чтобы бабушка Дара подумала, будто мы вместе. Мало того, ей это не понравится, так еще это неправда!

— А разве неправда? — Мара приподнимает идеально выщипанную бровь, а я, кажется, краснею, но упрямо отвечаю:

— Да!

— Вы два упрямых идиота, — вдыхает она. — Кстати, Каро. Мы сегодня не поедem в колледж...

— В смысле?

— Понимаешь, возможно, тебе это не понравится... — Мара осторожно подбирает слова. — Но скажу сразу, я предложила, а в близнецы, твой шэх и Лестрат меня поддержали...

— Не понимаю все же. Причем тут все перечисленные тобой личности и моя сегодняшняя ночь.

— Если твоя мама замешана и как-то связана с маньяком... сегодня он снова может дать о себе знать. Завтра важное мероприятие. Я понимаю, нельзя всю жизнь скрываться. Это неправильно. Но один день можно. Мы поедem ко мне.

— В дом к мэру? — ужаснулась я. — Может, лучше маньяк?

— Ну, ты серьезно? Папа в предвыборной гонке. Он будет в восторге, если заметит твое присутствие. Одаренная спортсменка с тяжелой судьбой — подруга его дочери. А мама у меня поддерживает папу во всем.

— Как ты в этом живешь? Они ведь не искренне порадуются.

— Каро, я в этом выросла. И они тоже. Они не могут отделить искреннюю радость, от радости от того, что все удачно сложилось. Не дергайся, пошли. Ты должна выспаться там, где тебе ничего не угрожает.

— А если он следит за мной? Вдруг я и тебя подвергну опасности?

— Я — дочка мэра. Папа пришлет машину, и мы выйдем отсюда так, что этого не заметит никто. А завтра спокойно соберемся у меня перед балом. Ну же!

И я согласилась, чувствуя, как стремительно меняется моя жизнь.

Дар

Меня ломает. Я не видел Каро уже несколько дней. Если только мельком. Но это не считается. Я уже сто раз пожалел, что ее пригласил. Потом сто раз передумал. Не знаю, зачем я это сделал? Наверное, потому, что увидел в ее глазах отражение собственных эмоций. Каро не хотела, чтобы я шел с Марой. И я не хотел идти с Марой, а хотел с Каро. В тот момент это казалось единственным логичным решением, а потом одолели сомнения.

На самом деле я давно все решил. Я не смогу отказаться от этой девушки, но и приблизить ее к себе не могу. Не сейчас, когда я так уязвим. Я хочу научиться жить с экзоскелетом, сделать его частью себя, и тогда уже стать достойным ее.

Каждый мой день превратился в ад. Тренировки, боль, снова тренировки, ощущение усталости и желание сдать, но я знаю, куда иду и зачем. Поэтому я почти не появляюсь в колледже. Именно поэтому не удавалось провести время с Каро. Ну и просто не было повода.

Сейчас лежу на татами в позе звезды и думаю, как подняться, собраться и вечером выглядеть бодрячком на Осеннем балу. Хотя бы ради Каро, которая тоже там будет со мной. Но сейчас мне даже моргать тяжело, а встать вообще нереально, минут пятнадцать еще как

минимум, поэтому занимаюсь единственным мне доступным делом — думаю. Естественно, не о хорошем.

Еще меня тяготит, что мы почти не разговариваем с Китом. Впервые мы дистанцировались друг от друга. Возможно, это естественный процесс, нельзя быть единым целым и жить общими идеями. Мы разные и очень часто не совпадаем во взглядах.

Ему нравится Каро, и я понимаю, что он не хочет уступать ее мне. Если сначала, когда мы только с ней познакомились, Кит готов был отдать понравившуюся девушку ущербному брату по его просьбе, то сейчас... сейчас я чувствую, он готов бороться до победного. Но я вижу, Каро к нему равнодушна, а ко мне — нет... другим не понять, насколько все между нами напряженно.

Проблемы, которые мешают нам быть вместе гораздо глубже, чем наличие третьих лишних. И Кит этого не понимает. Считает, что я веду себя неправильно — ни себе, ни людям. Холодность Каро в отношении меня он тоже воспринимает неверно, как собственный шанс. Но это не так.

Если бы у Каро был выбор, она бы предпочла не испытывать никаких чувств ни к кому. Я ее понимаю. Любить больно. Меня особенно, я не подпущу ее, пока искалечен, она не подойдет, пока не решит свои внутренние проблемы.

Я отдаю себе отчет — вряд ли мы сможем быть вместе и от этого больно, но, возможно, получится хотя бы рядом? Пока мы не излечимся. Я восстановлю тело, а Каро душу. Но это мечты. К сожалению, ничего другого у меня нет. И я не смогу это объяснить Киту. А он и не спрашивает. Злится, что Каро идет не с ним.

Все очень и очень непросто. А бал только усложнит, но зато Каро будет со мной весь вечер. Я смогу обнимать ее за талию, вдыхать запах волос, ловить улыбку и плыть от одного ее присутствия, от завистливых взглядов. Злиться на шепот за спиной, потому что многие не поймут, почему такая девушка со мной. И найдут ведь ответ. Она красива, он — богат. Известная история. Только вот Каро деньги, похоже, только отталкивают.

Каро

Когда магмобиль привозит нас к дому мэра, за окном уже совсем темно. Дом расположен в центральной части Горскейра, рядом с

набережной. По сути, между домом и рекой Кейрой лишь узкая дорога, ровные, стриженные кусты и довольно широкая пешеходная зона.

Я всегда задавалась вопросом, кто живет в роскошных особняках в самом центре. Вот, получила ответ. Никогда не думала, что однажды окажусь в одном из этих домов — большом, с белоснежными колоннами, полукруглыми окнами и маленькими, коваными балкончиками, на которых даже зимой всегда стоят яркие, неувядающие цветы. Мара меня добивает небрежно брошенной фразой.

— Тут буквально через три дома, особняк мирс Амелии.

Бросаю недоуменный взгляд на приятельницу, и она поясняет — бабушки близнецов. Они тоже сейчас живут там. Родители оставили хорошее наследство, и парни мечтали съехать, как только им исполнится восемнадцать.

— Сложные отношения с бабушкой? — осторожно интересуюсь я.

— Нет, что ты! Насколько знаю, они очень близки. Просто, кто не хочет жить самостоятельно, если позволяют деньги? Но после трагедии, все изменилось.

— А что случилось с родителями парней? — спрашиваю я, хотя понимаю, что вопрос бестактный. Впрочем, Мара не видит в нем криминала и отвечает. — Они погибли в аварии в горах. Несчастный случай. Мальчишкам тогда было по два года. Мирс Амелия заменила им и отца, и мать.

— Наверное, ей было тяжело...

— Понимаешь, она очень востребованный специалист, занятие с которым ощутимая трата даже для элиты Горскейра, плюс активы, которые есть у семьи. Это не особняк и счет в банке, это заводы-суда-параходы-нефтяные шахты-алмазные прииски... Нас не воспитывают родители или бабушки. Родня — лишь эффективный менеджер. Няни, репетиторы. Личные тренеры. Теплые и доверительные отношения в семье — это такой бонус, который есть далеко не у всех. Кит и Дар получили блестящее воспитание и толику любви. Была бы она больше, если бы их родители остались живы? Может, да, а может, нет.

От этих слов мне становится грустно. Хотя, а что в детстве видела я? Нищету, мать, которая променяла меня на маньяка, и шкаф, в

котором я проводила долгие часы в ожидании смерти. Тоже не лучший вариант.

— А у тебя как? — осторожно спрашиваю я, но Мара лишь неопределенно пожимает плечами.

После этого я настораживаюсь сильнее. Может, идея ехать в ее дом не такая хорошая? Иду в дом за приятельницей. Осторожно, пытаюсь стать незаметной, но мои опасения беспочвенны. Все оказывается не так страшно, как я представляла. Мы просто не встречаемся с родителями Мары. Дом огромный, в нем действительно очень просто разминуться. Три этажа, широченный холл, лестница, как в театре — высокие потолки, слишком много пространства. Очень непривычно. Наверное, я не знаю, как тут жить. Такое впечатление, что тебе принадлежит целый отель. Я лишь стараюсь не слишком сильно глазеть по сторонам. Во что я ввязалась? Неужели, Дар живет в таком же особняке? Как-то с этой стороны я о парне вообще не думала. И не стоило начинать, потому что теперь, мне кажется, бездна между нами стала еще глубже.

Мара показывает мне гостевую, и я без сил падаю на кровать.

Я даже подумать никогда не могла, что в торговом центре можно провести целый день! Мы приехали туда в одиннадцать, а сейчас практически полночь, и я могу только лежать в позе звезды и изучать потолок. Впрочем, усталость к лучшему. Так я не думаю про маньяка, Дара и о том, зачем я согласилась идти на бал?

Тут так удобно и просторно, что я готова урчать. Большие и удобные кровати — мой фетиш. Моя жизнь — постоянное преодоление. Если ты занимаешь спортом, то у тебя постоянно что-то болит. Потянутые или просто перетруженные мышцы, старые травмы. Ты испытываешь усталость, поэтому когда попадается кровать, на которой ты можешь разлечься с комфортом — это неопишуемое блаженство. Я засыпаю, даже не добравшись до душа. И просыпаюсь оттого, что по комнате летает дух, который бесшумно открывает шторы на окнах.

Почти ору, я никогда не была в таких домах, где хозяева могут позволить себе не только стандартный штат прислуги, который тут, кстати, тоже есть, но и духов.

— Мирс проснулась? — звучит в голове. — Сейчас подам завтрак. Примерка будет через полчаса. Успеете собраться?

— Да-а-а... — блею я, не понимая, как лучше ответить мысленно или вслух. Дух склоняется в поклоне и исчезает, а я остаюсь растерянно сидеть на кровати.

Когда возвращаюсь из душа в одном мягком полотенце, маленький столик у окна уже накрыт. Ароматный кофе, одуряющий запах которого плывет по комнате. Свежие ягоды, творог и умопомрачительно пахнущая булочка. Я точно попала в рай. Очень верю, что это мне за предыдущие слишком эмоциональные недели. Возможность выдохнуть бесценна, и я благодарна за нее Маре.

Правда, есть приходится быстро. Меня уже ждет Мара, платья и бьютимаги, которых, я побаиваюсь.

Чувствую себя принцессой из сказки. Не той, которую ведет под венец принц, а той, которую готовят в жертву дракону. Ее одевают в лучшее платье и пытаются делать вид, что двадцать лет до этого принцесса не провела в ссылке на границе королевства, поэтому и платья ей в диковинку, и с манерами напряженка. Но общая атмосфера настраивает на определенный лад.

Даже забываю, что могу вломить в любой непонятной ситуации, а ситуация очень даже для непонятная. Весь этот блеск, лоск, бокал холодного шампанского, чтобы примерка проходила в более непринужденной атмосфере для меня непривычно. А еще меня откровенно пугает мама Мары. Вот странно, как можно бояться высокую, ухоженную русоволосую женщину? Оказывается, запросто, если у нее холодное, отстраненное лицо и ледяные глаза.

Я не знаю, как Мара с ней сосуществует. Сама Мара яркая и живая, в отличие от матери. Я привыкла, что эмоционально сильнее своей матери, а вот от ролиительницы Мары исходит волна силы — истинная хозяйка семейной магии, ну, и хозяйка этого города.

Меня она просто не замечает. Я искренне верю, что она думает, будто один из манекенов ожил и ходит. Мне так проще. Мара же ведет себя так, словно не замечает холодности матери и напряжения, которое царит в огромном зале, где стоят высокие зеркала и вешалки с одеждой.

Создается впечатление, что энергии Мары хватает и на себя, и на снежную королеву. Она даже втягивает мать в обсуждение моего

платья. Правда, меня даже в этот момент не отпускает мысль, что я просто манекен с определенным типажом внешности.

— Изумрудный не подходит, — говорит мирс лэ Ройш.

— Но почему? — удивляюсь я. С моими черными волосами и зелеными глазами — изумрудный всегда беспроегрешный вариант.

— Слишком очевидно, — отвечает она, кажется, немного удивившись тому, факту, что я умею разговаривать. — Черный тоже не подходит. Вроде бы не траур. Попробуйте синее. Да не это, Мия! — Одергивает она девушку, которая демонстрирует нам платья и это первое проявление эмоций. — В этом она будет, напоминать утопленницу. Тон не тот. Возьми второе справа, то которое атласное с открытыми плечами. Там более глубокий оттенок.

И правда, этот насыщенный, синий цвет смотрится значительно благороднее и богаче, чем изумрудный. С удивлением рассматриваю себя в зеркале. Открытые плечи, достаточно глубокое, но не вульгарное декольте, широкая юбка, переливающаяся при каждом движении. Плотный, тяжелый материал, который хорошо держит складки. У меня никогда не было таких вещей. И, признаться, мне нравится то, как я себя чувствую в них. В таком платье не хочется бить с разворота, а вот что хочется, я пока не могу понять.

Но у меня есть время. Прической и макияжем занимаются часа три не меньше. Я начинаю ненавидеть весь мир и хотеть даже не есть, а жрать. И удивляюсь, как Мара не перестает быть очаровательной и милой со всеми.

С мамой, от которой по-прежнему исходит волна холода. Мне даже находиться в ее присутствии было некомфортно. А Мара прожила с ней и осталась такой же яркой и веселой.

Оказывается, даже у красивых и успешных девочек есть свои проблемы. Наверное, это для меня открытие. Может быть, детство Мары было богатым, но благополучным, пожалуй, назвать его тоже нельзя, как и мое.

Из зеркала смотрит незнакомка. Голодная, немного напуганная, определенно еще сильнее нелюбящая людей, но красивая. Я никогда не носила локоны, но с удивлением замечаю, что они мне идут.

— Как тебе? — довольно спрашивает Мара, внезапно оказавшись у меня за спиной.

— Страшно, — честно отвечаю я, а она залиvisto смеется. Хорошо ей. Для нее осенний бал — это просто повод быть красивой и блистать, а для меня стресс, который придется разделить с Даром.

Глава 8

Дар и Кит заезжают за мной и Марой к ней домой. Волнуюсь, как перед самыми важными соревнованиями в своей жизни.

Она — блондинка в пыльно-розовом роскошная и утонченная. В ушах бриллианты, на голове изящная диадема. Я смотрюсь проще, потому что дорогих украшений у меня нет. Но это не вызывает дискомфорта, все равно я ощущаю себя роскошной. Очень необычное для меня чувство.

Близнецы появляются в дверях, как всегда, Инь и Ян. Дар в белоснежном костюме и такой же рубашке, ворот которой расстегнут, и в нем можно разглядеть блеснувшую спицу экзоскелета. И Кит в черном. Дорогой глянец рубашки и матовое благородство материала пиджака.

Они красивы, успешны и богаты. Парни — мечта, и я не понимаю, что они нашли во мне. Не понимаю, почему Кит жадно рассматривает меня, хотя и сопровождает сегодня Мару. Впрочем, подруге, кажется наплевать. Я смотрю на нее и задаюсь вопросом: а какой парень может украсть ее сердце? Есть ли такой вообще в природе?

Пообщавшись с ее матерью и погостив в шикарном доме, я думаю, а что если вся эта легкость наносная? Может, в душе Мара такая же, как и ее мать? Снежная королева. Но девушка реально очень хорошо ко мне относится, она милая, она всегда оказывает помощь и с ней легко, но она одна. Может, как раз потому, что никто не может затронуть ее сердце? А мое, получается, может? Этот вопрос, заданный себе, не очень нравится.

Мара берет Кита под локоть, позволяет дежурно поцеловать в щеку, но искры между ними нет. Им удобно оказаться на этом вечере в компании друг друга.

Ко мне подходит Дар. Замираю в оцепенении. Он настолько нереальный, что я не могу поверить в существование подобных парней. Склонившись к уху, он тихо говорит:

— Тебе не хватает блеска рубинов на шее...

— Я не Мара.

— И, тем не менее, не хватает, — упрямо отвечает Дар и легонько проводит пальцем по моему горлу, словно очерчивая место, где должно быть кольцо. — Однажды, когда ты будешь готова их принять, я подарю.

— Ты же знаешь, что такой подарок я не приму никогда.

— Посмотрим. — Парень легко пожимает плечами и предлагает мне руку, а у меня сжимается желудок от предвкушения. Низкий бархатный голос Дара, его потемневший взгляд и обещание — все это ново. Словно между нами что-то неуловимо изменилось. И я не могу понять, что именно, и куда это нас приведет.

Традиционный Осенний бал проходит в главном зале Королевского академического театра магии, и до него нам идти не более пятисот метров по симпатичной улочке, которая пролегает мимо дома мэра и выходит на площадь, на небольшом отдалении от набережной. Но, естественно, пешком мы не идем. У ворот нас ждет шикарный и длинный белоснежный магмобиль.

Мягкая кожа сидений внутри, столик, ваза с фруктами и ледяное игристое в ведерке. Здесь все настолько идеально, что я теряюсь. Этот эпизод точно не из моей жизни, в которой маньяки, трусобы, где до сих пор живет мать и изнурительные тренировки. Эта поездка похожа на сон. Но даже в этом сне я совершенно не вписываюсь в компанию блистательной Мары и близнецов, хотя мне легко с ними, и все трое вызывают восторг и восхищение, но чем их могу восхитить я? Вот это для меня загадка.

Мы не успеваем даже выпить по бокалу игристого, как магмобиль останавливается возле здания театра, который сегодня особенно красив. Мощные и высоченные колонны украшены пламенем, дорожка, ведущая к дверям, похожа на горный ручей, а у входа гостей встречают элементали. Мэрия решила использовать воздушных. Они самые безопасные.

Дверь магмобиля открывает водитель в черном костюме и белоснежных перчатках. Он помогает выйти сначала мне, а потом Маре, а уже на улице нас подхватывают Дар и Кит.

Народ потихоньку собирается. Дорогие магмобили, изысканные ароматы духов, красивые девушки, дорого одетые мужчины. Наблюдая за всем с интересом, четко отдаю себе отчет, что это не мой мир. Вряд ли у меня получится в него вписаться. Да и не уверена я, что хочу. Я чувствую себя неуютно и скованно, хотя и испытываю определенное

удовольствие. Здесь много знакомых лиц. Почти вся молодежь, прибывшая на бал, учится в нашем колледже.

— А почему у них похожие платья? — тихо спрашиваю я, указывая на нескольких девушек, которые общаются возле входа. Платья, на самом деле, не одинаковые, но похожие, и цвет один, опавшей яркой листвы или языков разгорающегося пламени.

— Это наследницы рода. Именно они сегодня будут принимать магию, — поясняет мне Дар и переводит взгляд куда-то в сторону. На его лице появляется улыбка, и я не сразу могу понять, кому она адресована. А точно! Снова та черноволосая девушка, которую я видела на треке. Только сейчас она без парня, а в сопровождении строгой немолодой женщины с высокой прической.

И они, похоже, направляются к нам.

— Мирс Валери, Агния! — Мара бросается им навстречу. — Вы отлично выглядите! Волнуешься? — обращается она к той, кого назвала Агния.

Девушка в платье наследницы, этот теплый яркий оттенок ей очень идет.

— Нет. — Агния пожимает плечами. — Ты же знаешь, для меня это формальность. Сила уже со мной.

— А разве так можно? — тихо спрашиваю у Дара, и он, наклонившись к моему уху, шепчет.

— Потом расскажу.

В разговоре участия не принимаю, но отмечаю, что я снова немного чужая в компании, где все друг друга знают. Но за разговором наблюдать мне определенно нравится.

— А Ян где? — спрашивает Кит, кажется, немного скованно. Между ним и Агнией чувствуется какое-то напряжение, истоки которого мне непонятны.

— Будет к самой церемонии. Работа, — отвечает Агния.

— А мирсы Лэ Кальвейсис? — уточняет уже Дар.

Агния мрачнеет, но за нее отвечает мирс Валери.

— Ты знаешь о трагедии, которая случилась в нашей семье. Это все непросто, особенно для них. Поэтому мы решили, что на церемонию Агнию буду сопровождать я. Тогда никто не посмеет открыть рот. А мой сын с женой ненадолго уехали. Так будет лучше. И для них, и для общества.

— Да, простите, что невольно задел неприятную тему.

— Не стоит извинений, эта тема возникнет не один раз в течение вечера.

Мы прощаемся с Агнией и мирс Валери. Напоследок пожилая женщина внимательно смотрит на Дара и удовлетворенно кивает.

— Мне нравится, что у нас с тобой получилось.

— А мне нет, — нагло и упрямо отвечает парень, а я внезапно начинаю догадываться, кто передо мной. Именно она восстанавливала Дара, и его слова мне кажутся чуть ли не оскорблением. Но мирс Валери не обижается, только улыбается уголками губ и говорит:

— Ну, дальше все в твоих только руках, дерзай.

— В процессе.

— Не буду говорить тебе, что ты молодец, — бросает она странную фразу. — Потому что это объективно не так. Бабушка переживает.

— Дар, о чем она? — Кит напрягается и внимательно смотрит на брата.

— Да так, ни о чем, — отмахивается Дар. — Пойдемте уже внутрь, иначе мы до входа не дойдем никогда, если будем вести светские беседы со всеми знакомыми на улице. Тут сегодня весь город.

Мне тоже интересно, о чем говорит Дар, но я прекрасно понимаю — бесполезно спрашивать. Если парень закрылся, то уже не скажет ничего, а раз так, и пытаться залезть в душу не имеет смысла. Значит, буду делать то, зачем я сюда пришла — наслаждаться вечером и представившейся возможностью. Но все же делаю себе пометочку — узнать, что такое задумал парень. Почему мне кажется, что ничего хорошего? На входе мы минуем элементалей, которые считав родовые символы, ветром раскрывают перед нами двери. Над головами вспыхивают имена. А вот это неожиданность, потому что у меня нет такой важной для высшего света приставки «лэ». И я бы предпочла, чтобы эта информация осталась при мне. Я не стеснялась своего происхождения и знала, что за спиной будут судачить, но все же, если мое имя не объявить во всеуслышание — есть шанс остаться в тени. Сейчас меня лишают этой возможности.

Имя порождает мгновенную реакцию. В нашу сторону смотрят. Кто-то удивленно, кто-то с насмешливо вздернутой бровью. Я

готовлюсь защищаться, как еж, но интерес мгновенно сходит на «нет», как только за нашими спинами появляются Мара и Кит — они красивая пара и значительно более интересная, чем Дар, который по непонятному капризу привел с собой никому неизвестную простолюдинку. Выдыхаю и двигаюсь между красиво одетых дам и их кавалеров. Может, все же получится слиться с толпой.

В огромном зале шумно. На стенах золотой полог, который переливается и мерцает. В самом воздухе будто застыла золотая пыльца. Сначала даже дышать полной грудью немного страшно. Но потом я привыкаю и перестаю обращать внимание. Возможно, это просто иллюзия.

С огромной хрустальной люстры под потолком льется мягкий свет. В нем красиво переливаются мерцающие пылинки. Между непринужденно общающихся групп людей неслышными тенями скользят официанты с подносами. Закуски располагаются на фуршетных столах, но есть от стресса совершенно не хочется.

— Мэрия в этот решила всех поразить? — фыркает Дар. — Мара, скажи, что это нашло на твоего отца? Seriously, на балу официанты — духи?

— Это спонсорская помощь, — отвечает Мара, в ее голосе чувствуется ирония. А на лице застыла искусственная, лучезарная и очень милая улыбка. Как можно язвить, не меняя выражение лица? Кажется, этот навык для меня навсегда останется недоступным. Я могу сохранить нейтральное выражение лица, но если открою рот... всем все сразу станет понятно.

Парни берут для нас с подноса шампанское, и после первого глотка мир начинает видеться мне в более дружелюбном свете. Невольно отмечаю в толпе знакомые лица. Этот зал собрал весь город. Вижу парней-старшекурсников. Один кажется мне знакомым, и я вспоминаю, где его видела. Точно же! Это парень моей бывшей соседки, Энси.

Рядом с ним высокая рыжеволосая девушка в шоколадного цвета платье с золотой отделкой. Это точно не моя подруга. Сначала я думаю, что обозналась. Потом начинаю размышлять на тему, какие же некоторые козлы. А потом и вовсе замечаю нечто, не поддающееся пониманию.

В дверях, в скромном на фоне блистательных нарядов, персиковом платье стоит Энси. Она сжимает в руках небольшую сумочку-клатч и загораживает проход, потому что смотрит на своего парня и, видимо, не может сойти с места.

Он встречается с ней взглядом, и тут же стыдливо отворачивается, сделав вид, будто не узнал. Это настолько мерзко, что желудок нехорошо сжимается даже у меня. Представляю, что чувствует бедняжка Энси. Она точно не заслужила такого скотского отношения. А парень улыбается своей спутнице и ни жестом не показывает, что знаком с девушкой, растерянно замершей в дверях. Как вообще так можно?

Я срываюсь с места за секунду до того, как подруга разворачивается к выходу. Вцепляюсь в ее руку и затаскиваю в зал.

— Каро! — потрясенно шепчет она и проглатывает слезы. Хорошо, значит, сдержится и не разрыдается. Первые минуты самые сложные. — Что ты?... — начинает соседка, но потом видит Мару и близнецов, которые увлеченно обсуждают последние новости, и кивает. — Вопросов нет. Я удивилась, увидев тебя здесь. Зачем ты меня остановила Каро? Ты же внимательная и видишь, что происходит. Мне лучше уйти.

— Представления не имею, — признаюсь я. — Ты здесь, значит, тебя пригласили. Охрана тебя пропустила. Мне показалось, неправильно уходить вот так сразу...

— Это еще унижительнее... Представь, ты приходишь на самое главное мероприятие года по приглашению любимого парня. Летишь на крыльях... и видишь его с другой... красивой, умной и родовитой. Дар... он хотя бы честнее.

— В чем?

Мне вообще не нравится разговор про Дара в этом контексте. Мы с Даром не встречаемся. Он ничего мне не обещал, сравнения вообще не корректные.

— Он не скрывает тебя.

Энси улыбается грустной улыбкой, и мне снова становится жалко девушку, которая связалась со слабовольным мудаком.

— Мы не встречаемся, — замечаю я, но подруга лишь усмехается.

— Сюда не зовут случайных...

— Видимо, ты много не знаешь.

— Или ты, — парирует она, сбивая меня с толку. Может быть, я, и правда, много не знаю. Но об этом я подумаю сама и попозже. А сейчас нужно отвлечь Энси, ну, и заодно решить наши проблемы. Мы ведь с ней так и не обсудили произошедшее.

— Поговорим? Мне кажется, если не принимать во внимание парней, нам все равно есть, что обсудить. Не сбегай. По крайней мере, не сразу. Он доставил тебе несколько неприятных минут. Доставь и ты ему. Видимо, твой парень упорно пытается усидеть на двух стульях. Не упрощай ему задачу. Это будет правильно.

— Наверное, ты права. — Энси вздыхает, приняв решение. Расправляет плечи и становится, даже как-то выше. — Но мне просто необходимо игристое. Иначе я разревусь.

Энси берет бокал, и мы проходим через зал. Веду ее нарочно мимо в край обнаглевшего парня. Жаль, нельзя ему зарядить с вертушки. Я умею, просто не могу позволить себя так сильно опозорить Дара.

Мы с Энси направляемся на балкон, на котором значительно спокойнее. Надеюсь, там никто нам не мешает.

Несмотря на то что на улице чувствуется осень, и появляться без легкой куртки прохладно, здесь на балконе вполне комфортная температура. Несколько столиков с закусками, выставленные бокалы и совсем мало народа. Парочка у перил. Компания возле одного столика. Две немолодые леди почти у самой двери.

Я беру несколько маленьких бутербродиков, кладу их на тарелку и подхожу к перилам. Ставлю еду и облакачиваюсь, рассматривая панораму города. Здание театра стоит на холме. Его вход обращен в сторону Кейры, а отсюда открывается вид на старую малоэтажную часть Горскейра. Тоже красиво и необычно. Двух и трехэтажные особняки в пастельных тонах, крыши домов часто переходят одна в другую. Алеющие кроны деревьев, петляющие узкие каменные улочки. С этого ракурса Горскейр другой. Но не менее красивый.

— Спасибо, что поддержала меня, — говорит Энси, устраиваясь рядом со мной, и делает глоток из бокала. — И прости, что я не ответила тебе тем же, когда ты нуждалась в поддержке. Но я не смогла. Я не такая сильная, как ты.

— О чем ты? — удивляюсь я. — В чем ты должна была меня поддержать?

— Я сбежала после того случая у нас в комнате.

— Энси, ты серьезно? — Я с недоумением смотрю на подругу. — Не сравнивай труп и скотское поведение парня! Я переживала, что ты вообще не захочешь со мной общаться.

Когда вернулась через несколько дней в колледж и обнаружила, что в комнате тебе нет, еще больше уверилась в этом. Но даже тогда, мне не пришлось в голову обижаться. Это закономерно. Я бы тоже предпочла, чтобы ничего подобного в моей жизни не было.

— На самом деле, тогда совпало несколько моментов. Я хотела с тобой поговорить, а то получилось как-то не очень хорошо, но сегодня мы пересеклись в первый раз после той ночи, — признается подруга. — Эд, он очень переживал за меня. Сказал, что несмотря на недовольство родителей, понял, как сильно меня любит и поэтому расстанется со своей невестой и хочет, чтобы мы были вместе. Он забрал меня к себе, и я жила у него все это время. Мне тогда показалось, что это намного лучше, чем ночевать одной в комнате, где был труп... но сейчас, не знаю, есть ли смысл у него оставаться... по факту, ничего не изменилось. Не знаю, Каро. Я так запуталась.

— В смысле, не знаешь? Какая путаница может быть? Он сейчас в зале с другой девушкой и делает вид, будто тебя не знает! Неужели, ты готова снова простить и сделать вид, будто ничего не произошло.

— Нет, конечно, произошло, и мне больно. И мы об этом поговорим. Но у него очень строгие родители, — вздыхает Энси, а я даже не знаю, что ей сказать. Для меня это странно. Почему она пытается его оправдать? Это же глупо. Он уже не раз показал свое отношение. Максимум, что светит Энси — она останется любовницей. И чем дальше, тем сложнее будет разорвать этот порочный круг. Только вот сейчас подруга, похоже, еще слепа и глуха. Печально, но ничего с этим не поделаешь. Мы не можем прожить чужую жизнь и вложить в чужую голову свои принципы.

Мы еще немного болтаем с Энси, она успокаивается, и мы возвращаемся в зал, встретив по дороге нескольких парней из колледжа. Они тогда пытались заставить меня уйти. А сейчас мило рассыпаются в приветствиях. Меня просто корежит от этого

лицемерия. Неужели для кого-то это нормально? Неужели кто-то так хочет попасть в элиту Горскейра, что готов это терпеть? Точно, не я.

А вот Энси, послушно не смотрит даже в сторону своего парня. А через каких-то десять минут, едва на сцене начинается представление, которым увлеклась невеста Эда, он подает Энси знак, и она послушно убегает, улыбаясь, как идиотка. Не нужно быть провидицей, чтобы знать, куда они ушли. И чем будут заниматься.

Подруга возвращается через полчаса. Со смазанной помадой, припухшими от поцелуев губами и растрепавшейся прической. Я не говорю ничего, но становится немного противно и немного жаль.

Но пришла я сюда не с Энси, и не могу весь вечер посвятить ей. Едва я возвращаюсь в зал, ко мне тут же подходит в Дар. И больше не отпускает от себя ни на минуту. По настороженному взгляду я вижу, он о чем-то хочет меня спросить, но сдерживается до тех пор, пока Энси не уходит.

— У тебя все нормально?— интересуется парень.

— У меня — да, — отвечаю, задумчиво провожая взглядом подругу. — И не у меня, видимо, тоже, хотя мне это кажется очень странным. Какая же она идиотка... — бросаю в сердцах, и сразу же становится стыдно. Не все умеют рвать по живому. Интересно, я бы смогла?

— Ну... — Дар пожимает плечами. — С ее точки зрения — нет. Это ее жизнь, значит, что-то в ней Энси цепляет.

— От надежды отказаться очень сложно... но иногда это единственное правильное решение.

Дальнейший разговор мы прекращаем, так как начинается церемония открытия. Осенний бал открывает совсем молодая группа. Парни в масках и с ангельскими крыльями за спиной. С сильными, пробирающими до глубины души голосами. Пожалуй, лучший выбор. Дар шепотом поясняет, что раньше были в основном оперные дивы. Но в этом году вернулась Мара и смогла донести до отца, что Осенний бал — это чествование молодой крови.

Я видела выступление этих парней однажды на закрытии международных соревнований, и с тех пор следила за их творчеством. Меня нельзя назвать фанаткой, просто мне во всех сферах нравятся профессионалы. Обычно парни выступают в белых просторных

одеждах и крылья у них полупрозрачные, словно призрачные. Отливают или золотом или серебром.

Сегодня же они соответствуют яркой атмосфере праздника. За их спинами настоящее пламя. Интересно, они все стихийники или это какие-то сильные артефакты? В любом случае, это нереально красиво. Лица певцов прикрыты масками. Говорят, никто не знает скрывающихся под ангельскими личинами. Дополнительная интрига только подстегивает интерес к их творчеству.

«Ангелом» может быть парень с соседнего двора, а может кто-то из элиты.

— Интересно, кто они? — задумчиво тяну я, в целом не ожидая ответа.

— А что? — несколько ревниво отзывается Дар. — Ты как многие девчонки, отдала бы все, чтобы встретиться с ними и пообщаться? Так ведь, Каро?

— Нет. — Я качаю головой. — Они красиво поют, у них хорошие образы, но мной движет только любопытство и все.

— То есть если бы я предложил тебя познакомиться, ты бы отказалась?

— А ты знаешь их?

— Может — да, а, может — нет.

— Ну, вот и я, может, хотела бы познакомиться, а, может, нет, — усмехаюсь я и чувствую, как Дар берет мою руку в свою. Это что-то новенькое. Мне сразу становится все равно, кто там зажигает на сцене.

— Знаешь, пожалуй, я рад, что не знаю их. Не уверен, что хотел бы тебя с ними знакомить... а так не придется делать сложный выбор.

Почему-то после этих слов начинает казаться, что Дар знает «ангелов», и не хочет меня знакомить, потому что на него внезапно снова нахлынуло ощущение своей неполноценности. Не знаю почему, но вместо агрессии и желания сделать назло, я испытываю какое-то подозрительно окрыляющее чувство и начинаю чуть лучше понимать Энси.

Парни — огненные ангелы взлетают над сценой. Вокруг них кружат золотые искры, а на заднем фоне взмывает в небо источник силы, ослепляя своим сиянием. Дорого, красиво и волнующе. Зрелище

завораживает: затухающее пламя, мир, погружающийся во тьму и стихающие ангельские голоса.

На секунду мы оказываемся в полной темноте, стихают голоса и шепот. Странное ощущение одиночества среди заполненного людьми зала, единственная моя связь с внешним миром — теплая рука Дара, сжимающая мою ладонь.

Потом вспыхивают одна за другой звезды на потолке, светлеет импровизированное небо, и на сцене появляются наследницы самых известных фамилий Горскейра, готовые принять силу своего рода. Они не выходят, а материализуются в снопах огненных искр — сами яркие и недоступные, как языки пламени. Нас ждет самое значимое событие этого года, только сейчас до меня доходит — на какое важное мероприятие я попала. Нет, умом-то я понимала, а сейчас я прочувствовала момент сердцем. Даже по спине бегут мурашки.

Глава 9

Сама церемония принятия силы не такая зрелищная, как можно было ожидать после впечатляющего начала. Но зато вся пропитана магией. Я ощущаю ее кончиками пальцев и бегущими по позвоночнику мурашками. Воздух на сцене наэлектризован. Представляю, как волнительно наследницам. Анализирую собственные эмоции и понимаю, что я не завидую им. Не хочу быть на их месте. С силой они получают ответственность, необходимость соответствовать, рамки. Не хочу, чтобы меня запирали в рамки. Мне нравится свобода.

Среди наследниц вижу Агнию. Красивая, с гордо поднятой головой. Не могу выкинуть эту девушку из головы. Есть в ней что-то такое, выделяющее ее из толпы. Делаящее непохожей на остальных. Она словно старше всех присутствующих. Точнее, не старше. Опытнее.

Даже сила к ней приходит сразу же, словно давно уже знает свою хозяйку. Агния первая выходит в центр силы и демонстрирует свою принадлежность к роду лэ Кальвейсис. Магия вспыхивает на ее ладонях бледно-голубым нежным свечением, бежит по рукам сверкающими змейками, путается в волосах и так же послушно исчезает, а Агния отступает.

Следом нечто похожее делают и остальные наследницы. Каждая девушка выходит в центр сцены, понимает руки к потолку, и когда между ладонями начинает искриться сила, ее цвет зависит от магии, которая есть у семьи, девушке аплодируют, и она уходит, а ее место занимает следующая. Это интересно первые пять кандидаток, но наследниц намного больше, и скоро мне становится скучно.

Ловлю себя на мысли, что мне тоскливо без вкусненьких бутербродиков. Но уйти неловко, приходится сидеть в переполненном зале и молчать, так как разговаривать во время торжественного мероприятия, значимого для многих присутствующих невежливо, поэтому я смиренно жду, когда торжественная часть завершится, и

чувствую, как ускоряет бег сердце рядом с Даром, а парень не выпускает мою руку, и это приятно.

Церемония затягивается и становится очень сложно не зевать, но я вспоминаю соревнования, когда ждешь своей очереди почти целый день и все это время надо аккумулировать силу, чтобы выйти на две минуты на татами и победить. Становится проще и когда со сцены уходит последняя наследница, и я даже нахожу в себе ресурс не броситься сразу же к столам.

Мы с Даром так и встаем, держась за руки. Это странно. На нас смотрят, но я понимаю, что не хочу никаких объяснений. Мне нравится ощущать свою руку в его руке. Ему, очевидно, нравится ее сжимать. На том и остановимся. Совершенно точно в нашем случае не стоит пытаться давать этому какое-то объяснение.

В какой-то момент мы остались одни. Мара и Кит изначально сидели не с нами. Я не стала спрашивать у Дара, почему так, может, близнецы снова поругались? Или у Мары было какое-то свое особое место. Энси пересела поближе к своему парню. Видимо, чтобы действовать на нервы его невесте.

И сейчас мы идем через зал, к столику, за которым обосновались Кит и Мара. Рядом с ними останавливается невысокая элегантная женщина со строгой прической, в длинном скромного покроя платье из дорогой тяжелой ткани со сложной вышивкой. Серебро на бордовом смотрится эффектно. Дар замирает и непроизвольно сжимает мою руку. Я недоуменно на него смотрю.

— Что-то случилось?

— Нет, — уверенно произносит он и крепче сжимает мою руку. — Все хорошо.

Когда мы подходим, женщина оборачивается. У нее такие же, как у Дара, голубые глаза. Холодные и надменные. Точнее, как у Дара на момент нашей первой встречи.

— Никитос сказал, что ты сегодня не один, — произносит она без видимой агрессии, но все равно по спине бежит холодок. Я иначе представляла себе бабушку братьев. Хотя могла бы предположить, зная, что она собой представляет. Я же не раз слышала о мирс Амелии.

Я даже не сразу поняла, что Никитос — это Кит. Интересно, а какое полное имя у Дара?

— Мой брат всегда был разговорчивым, не находишь? — в тон ей отвечает Дар. На его губах блуждает расслабленная улыбка, которая совершенно не вяжется с тоном, которым он разговаривает.

— Не хочешь познакомить меня со своей девушкой?

Только вот я не его девушка, и, наверное, сейчас лучший момент сказать об этом, но язык прилип к небу, поэтому отвечать приходится Дару.

Мара и Кит смотрят заинтересованно, я хочу провалиться под землю, и только Дар остается невозмутимым. Мне сложно понять, что у него в голове, и это заставляет нервничать. А в этой ситуации важно сохранить лицо.

— А если не хочу? — спрашивает парень холодно.

— Если не хочешь, значит, знакомство не так важно, — отвечает мирс Амелия. На меня она не смотрит. Ее интересует только Дар, и все слова для него, а не для меня. — Тогда, может, не стоило торопиться и звать девушку на мероприятие подобного уровня. Чтобы в дальнейшем ни у кого не возникло недопонимания и ложных надежд.

Меня окатывает холодом. Как ловко меня назвали недалекой охотницей за деньгами. Все это настолько неприятно, что я выхожу из ступора. Может быть, я не элита, но это не значит, что нужно делать вид, будто меня нет.

— А никого не смущает, что я, вообще-то, тут? И разговор идет при мне?

Мирс Амелия удивленно разворачивается в мою сторону и смотрит, пожалуй, с интересом.

— Дерзкая и сильная. И совсем не наша.

— Это имеет значение? — спрашивает Дар холодно.

— Все имеет значение, Дар. Вопрос лишь в том, какое? Приглашение на Осенний был — это всегда или деловое сотрудничество, — она указывает на Кита и Мару. — Или... отношения, о которых принято сообщать родным. В твоем же случае, мы не видим ни того, ни другого. Это неуважение. К кому? Решай сам.

Дар молчит, а мне хочется кричать, потому что я не понимаю, что тут происходит.

— Что же у тебя внук? — перефразирует вопрос мирс Амелия.

— У меня то, что я определенно не хочу обсуждать на людях, бабушка. И мне кажется, ты всегда была достаточно тактичной, чтобы

это понимать.

— Хорошо. Я жду вас на чай, мирс... — Она оборачивается ко мне и выжидает.

Сначала я хочу оправдаться, сказать, что она все не так поняла, но потом решаю, что со своей бабушкой Дар пусть разбирается сам. Поэтому отвечаю только на прямой вопрос, касающийся меня.

— Каро Девелин. И я не мирс. И я пойму, если чай после этого отменится. Я не пытаюсь стать частью того, чем не являюсь. У меня нет и никогда не было приставки «лэ».

— Мой внук прекрасно был осведомлен об этом, когда приглашал тебя, — отвечает она и отходит.

— Почему ты не сказал ей? — шипит Кит. — Ты ведь прекрасно знал, что она тут будет. Я поражаюсь на тебя, Дар!

— Потому что это не то, чем кажется, — отвечаю я, а Дар припечатывает.

— Потому что не посчитал нужным. Мне не пять лет, чтобы отчитываться, — потом переводит взгляд на меня и жестко заявляет. — И это то, чем кажется. Было бы, если бы ты не пыталась даже сейчас отрицать очевидное.

Дар разворачивается и отходит от меня, а я понимаю, что мне надо выпить! Он поставил меня в неловкое положение, и я же осталась виноватой! Нет, конечно, я менталист, но мысли читать не умею!

— Мне нужно прийти в себя, — бросаю Маре и Киту и стремительно ухожу. Они ничего не говорят, кажется, они, даже дышать опасаются. Вокруг нас всегда все слишком взрывоопасно.

Привожу в себя в порядок и возвращаюсь в зал.

— Шампанского? — слышу я из-за спины. Не успеваю развернуться, а перед моим лицом появляется бокал шампанского. Я беру его и двигаюсь к тихому балкончику, где сейчас почти никого нет. Мне надо перевести дух. И может быть, как героине старинной сказки, сбежать. Только вот тувельку я терять не собираюсь. Прекрасный принц и так знает, где меня искать. Только, подозреваю, не будет.

Стою с бокалом игристого на балконе, а город погружается во тьму. Окна домов вспыхивают теплым светом, и я потихоньку прихожу в себя. Я поддержала Дара, как и обещала. Хотя, я до сих пор не понимаю, зачем ему моя поддержка, и так все прошло хорошо.

А сейчас, пожалуй, пора возвращаться домой. Этот мир не для меня. Нет смысла заигрывать. Ни к чему хорошему это не приведет. Если уйду в ближайшее время, меня никто не будет искать. Дар не кинется следом. Не в его стиле. Мы постоянно примагничиваемся друг к другу, но при этом оба мечтаем, чтобы магниты в один момент перестали работать. И когда один из нас отталкивает другого — второй не пытается вернуться, а радостно уходит. Потому что глобально мы оба не хотим быть вместе. Мы не готовы к этому. Но и порознь уже плохо. И это проблема.

Лениво делаю глоток игристого, понимая, что даже этот будоражающий кровь напиток перестал приносить удовольствие. Да и вкус у него какой-то... не такой.словно с металлическими нотками крови. Это пугает. Идиотская мысль, но почему-то цепляющая.

Перевожу взгляд на бокал и вскрикиваю, потому что прозрачный игристый напиток начинает стремительно темнеть и густеть, и вот уже в моем бокале самая настоящая кровь.

Голова кружится, а ослабевшие пальцы разжимаются от неожиданности. Бокал летит на кафельный пол и разбивается мелкими осколками, ожидаю увидеть брызги крови на подоле и на светлом полу, но нет... мне, получается, просто показалось? Что за бред?

Ну, цвет, может быть. А вот вкус, точно, нет. Вцепляюсь в балконные перила и чувствую, как сильнее начинает вращаться мир вокруг. На ногах получается стоять, только потому, что я держусь за перила. Но если сделаю хоть шаг в сторону рухну. Но и замереть не выход из положения. Руки слабеют. Двинусь — упаду, останусь стоять тоже упаду, но, может, чуть позже. Так себе выход.

В голове вата, голос вроде бы есть, но я словно забыла, как говорить. Что, демоны заберу, мне подмешали? Я даже лица официанта не запомнила, и голос мне не показался знакомым или я не придала этому значения. Никак не думала, что меня подловят здесь. Наивная идиотка, которая позволила себе расслабиться.

Пальцы начинают соскальзывать с перил, а глаза закрываются. Я понимаю, что сейчас рухну в обморок. Этого нельзя допустить. На балконе я совсем одна. Среди толпы отключаться несколько более

позорно, зато менее опасно. Он не просто же так меня подловил, когда буду одна. Сейчас я беспомощна.

Прикусываю до крови губу, усилием воли открываю глаза и делаю шаг по направлению к выходу с балкона. Картинка перед глазами размытая. Тошнит. Картинка вращается. Но я преодолеваю и делаю еще одно движение. Не знаю, как получается доползти до двери. Придерживаясь рукой за стеночку, я берусь за ручку двери и вываливаюсь в помещение. Понимая, что на следующий шаг меня точно не хватит. Я растянусь на полу на глазах у кучи людей. Со стороны я выгляжу, как пьяная.

Когда позор близок, как никогда, меня ловят сильные руки. Пытаюсь вырваться, но у меня не получается. Я уплываю.

Но успею уловить запах. Очень знакомый, волнующий, с едва заметной горчинкой. Мне не нужно видеть, чтобы понять кто это. Дар. Он все же пришел за мной.

Всхлипываю от облегчения. В какой момент я разрешила себе плакать при нем? Но сейчас мне слишком плохо, чтобы сдерживаться. Я едва стою на ногах, и сил хватает только, чтобы попросить едва слышно.

— Увези меня отсюда, пожалуйста.

Он не спрашивает, что случилось. Обнимает за талию и помогает встать на ноги ровнее.

— Идти сможешь?

— Не знаю, — признаюсь я заплетающимся языком. — Не дай мне упасть, пожалуйста. Не здесь. И не смей брать на руки. Я просто хочу уйти. Сама на своих ногах. Мне это важно.

— Я тебя удержу, — обещает парень и добавляет. — Всегда.

После этих слов у меня даже силы появляются. Хотя, мне горько думать о том, какую цену он за это заплатит. Но сейчас я не способна адекватно реагировать. Я просто хочу уйти отсюда, пока еще могу это сделать.

Все как в тумане. Голоса, люди, рисунок на полу — все размазанное. Наверное, со стороны я кажусь пьяной. Не понимаю, откуда рядом со мной возникает Кит. Он подхватывает под вторую руку, и к выходу мы доходим ровно. Не знаю, смотрит ли на меня кто-то.

— Что случилось, Каро? — спрашивает меня парень, но Дар отрезает.

— Отстань, не видишь ей плохо. Какая разница. Помогите.

Они вдвоем усаживают меня в магмобиль, но едва Кит пытается сесть за руль, Дар отрезает.

— А сам.

— Но...

— Я отвезу ее сам. Иди к Маре, ты же пришел с ней. Заодно проследите...

— Не будет ли кто-то трепать языком? — уточняет Кит.

Я уже в магмобиле, поэтому не вижу лиц парней, только слышу их разговор через открытую дверь. Дар недолго молчит, но потом сухо отвечает: «Да» и садится за кристалл управления.

— Ты как?

— Я в безопасности, — отвечаю едва слышно, потому что картинка плывет, голова раскалывается, а руки и язык немеют. Это странное ощущение, будто выталкиваешь слова через силу.

— Ты в безопасности, — подтверждает Дар, и магмобиль срывается с места, а я, борясь с приступом тошноты, прикрываю глаза. Не хотелось бы испачкать дорогой салон шикарного магмобиля красивого богатого парня.

Меня волнуют какие-то очень странные вещи. Но в голове такая вата, что анализировать произошедшее я не могу. Дорога проходит в тумане, в очень коротком, так как едем мы недалеко. Прихожу в себя, только когда Дар открывает передо мной дверь. Я хочу спросить, куда он меня привез, потому что место мне незнакомо. И я совершенно точно туда не хочу — это дом наподобие того, в котором живет Мара. Мне нужно задать вопрос, но язык не слушается.

— Приехали, Каро, выходи, — говорит Дар. И я, пребывая в состоянии полнейшей беспомощности, все же послушно начинаю вылезать из салона магмобиля. Это страшно. Тело словно не принадлежит мне.

— Подожди, — останавливает меня парень. — Давай я тебе помогу.

И я послушно замираю. Да что демоны такое творится?

— Как ты себя чувствуешь? — спрашивает меня Дар, а я могу только несчастно на него смотреть. — Все нормально, Каро? Скажи.

Последнее слово, снимает блок, и я выдавливаю сквозь слезы и подступающую истерику.

— Ненормально! Я как кукла. Он сделал меня куклой!

Глава 10

— Тише, Каро! — успокаивает меня Дар, и я затихаю, потому что вынуждена повиноваться его словам. Меня даже трясти перестает, лишь внутренности сворачиваются в тугой комок от ужаса. Я совершенно беспомощна, и от этого мне становится страшно. Так сильно, как не было никогда. Так сильно, что на короткий миг я начинаю подозревать Дара. Куда он меня привез? Зачем?

Я стою, прилагая к этому нечеловеческие усилия. Дар каким-то непостижимым образом замечает это. Тихо, сквозь сжатые зубы ругается и подхватывает меня на руки. Ему нельзя этого делать! Только вот сейчас я не могу возразить, я просто бессловесная кукла. Я даже плакать не могу, потому что не получила на это разрешение.

— Держись, — командует парень, и я послушно обнимаю его за шею, чувствуя, как под пальцами на спине шевелятся в такт движениям проволоки экзоскелета.

Мы заваливаемся в дом, едва не своротив чопорного, с суровым выражением лица мужчину. Сначала предполагаю, что это дед близнецов, но скоро все становится на свои места. Мужчина — дворецкий. Это ясно по его обращению к парню, и поведению в целом.

— Мирс Дар, вам же нельзя тяжелое поднимать!

— Она легкая, — огрызается парень. — Зови бабушку! Я знаю, она уже должна была вернуться.

— Мирс наверху. Отдыхают.

— И что?

Дар сгружает меня прямо в холле на небольшой диванчик, а я лишённая воли и возможности действовать самостоятельно, оглядываюсь вокруг, и то, что я вижу, отдается тупой болью в сердце.

Это очередное подтверждение того, какие мы разные. Тут все кричит о роскоши и богатстве. Поведение его бабушки становится еще более понятным. Она не могла вести себя иначе. Таковую, как я, не приводят на официальные мероприятия. Меня и сюда не должны были приводить, не говоря о том, чтобы носить на руках. От осознания этого больно, но девица сомнительного происхождения никогда не станет ровней элиты Горскейра.

— Что случилось? — вспомни, называется. Мирс Амелия собственной персоной явилась, чтобы увидеть меня беспомощной и жалкой. — Дар. Ты снова в крови! Сколько можно просить беречь себя?!

Перевожу взгляд на парня и точно. На рубашке кровь. Я знала, что ему не стоило брать меня на руки. Лучше бы я дошла сама. Но такого приказа не было.

— Не со мной случилось. С Каро.

— Что с ней?

Мирс Америя в длинном шелковом халате, похожем на вполне приличное выходное платье до пят, подходит ближе. Сейчас на женщине нет макияжа, и сильнее заметен возраст, но она по-прежнему безупречна. Строгая укладка, идеальная осанка и холодный взгляд.

И я лежу тут с размазанной тушью, не в силах пошевелиться без команды. Наверное, я похожа на перебравшую шампанского дворняжку, которая не умеет себя вести в приличном обществе. Но мирс Амелия слишком воспитана, чтобы сделать такое предположение. Или умна.

Она наклоняется ближе и приказывает.

— Посмотри на меня. — Послушно поворачиваю лицо. — Дар, я ведь говорила тебе, держись, пожалуйста, подальше от неприятностей. Неужели ты не мог найти не такую проблемную девушку?

— Мог. — Не отрицает парень и пожимает плечами. — Но в помощи нуждается эта. И зачем непроблемной я?

— А этой, можно подумать, ты нужен? Судя по всему, у нее своих проблем много, их бы решить. И кому ты так сильно насолила, девочка?

Прямой вопрос, на который я не могу не ответить и не знаю, что говорить.

— Страшному Человеку, наверное...

— Страшному Человеку? — удивляется мирс Амелия.

— Но он мертв...

— Ты тоже ходишь по грани... но сильная, сопротивляешься. Молодец.

— Бабушка, надо связаться с шэхом и Лестратом...

— Неправильно думаешь. Нам нужна мирс Валери, а потом все остальные. Такое состояние опасно. И я по-прежнему считаю, что ты

совершаешь огромную ошибку.

— Вся моя жизнь, одна большая ошибка, — упрямо отзывается парень.

— Ты, правда, хочешь сейчас об этом поговорить? — строго спрашивает она, и вечно упрямый Дар послушно затыкается. Удивительная женщина.

Мне приносят плед и дают какое-то питье, терпкое, но не противное. Беру чашку, лишь потому, что слышу соответствующий приказ. Руки дрожат так сильно, что кружку придерживает Дар. Горячий отвар прокатывается теплом по пищеводу, а потом я засыпаю. Прихожу в себя от тихих голосов. Обсуждают мое состояние, говорят, нужен покой. Где бы его взять? Еще что-то про везение и головную боль, но дослушать не успеваю и снова отрубаясь.

Просыпаюсь, когда за окном уже светло. Осознаю сразу две вещи, я снова принадлежу сама себе. Руки и ноги шевелятся, повинуюсь моим желаниями. А я не на том месте, на котором уснула. Комната незнакомая. Я лежу и смотрю в потолок. Все в том же вечернем платье — это уже неплохо. Осторожно поворачиваю голову и вижу, что рядом со мной на широкой кровати спит Дар. Парень тоже не разделся. На нем вчерашняя белая рубашка. Разве что рукава закатаны, и ворот ослаблен. Во сне Дар трогательно сжимает мою руку. А я даже не сразу замечаю, что мои пальцы в плену. Настолько им хорошо.

Светлая челка слегка вьется и падает на глаза. Темные брови взлет и безмятежное выражение на породистом лице, которое совершенно не портят впивающиеся под скулы спицы. Красивый. Невероятный и очень хочется добавить «мой», но я не решаюсь этого сделать даже мысленно. Не понимаю, когда этот сломанный, ершистый парень стал для меня таким близким и важным? Не понимаю, как он так быстро вошел в число тех немногих людей, на которых я могу положиться. И очень благодарна ему сейчас за то, что вчера он оказался в нужное время, в нужном месте. Он меня спас и всю ночь находился рядом. От этого сердце сжимается от нежности. Очень непривычное чувство. Я так редко его испытываю.

Наверное, у меня слишком пристальный взгляд. Дар хмурится во сне и открывает глаза. Сначала его взгляд расфокусированный, словно парень пытается сообразить, где именно находится. Но потом сонная

пелена слетает с его глаз. И смотрит на меня осмысленно своими неестественно-синими глазами.

— Я испугался за тебя, Каро, — хрипло говорит он и чуть сжимает мою руку в своей. Перевожу взгляд на наши переплетенные пальцы, но не делаю попытку убрать ладонь. Даже, когда большой палец Дара медленно поглаживает нежную кожу запястья.

— Я сама испугалась, — признаюсь очень тихо, удивляясь, как слабо звучит мой голос. — Мне никогда не было так страшно, как вчера вечером. Дар... это ведь он? Тот, кто объявил на меня охоту, понимаешь? И ему удалось меня по-настоящему испугать. До этого я была уверена, что справлюсь с ним. Я выросла и стала сильной, но вот сейчас... сейчас я ни в чем не уверена.

— Не бойся, — отвечает парень и меняет позу, поворачиваясь набок. Сейчас мы лежим лицом друг к другу. Глаза в глаза. — Я буду всегда рядом и успею. Как вчера.

— А если ты вчера успел лишь потому, что этого хотел он? — задаю я сильнее всего тревожащий меня вопрос.

— Каро, все будет хорошо.

— Дар, зачем тебе все это? Зачем тебе возиться со мной и моими проблемами?

Дар

«Потому, что люблю тебя...» — вспышкой проносится в голове мысль-откровение. Кажется, от нее мигмом ускоряется пульс и начинает кровь бухать в ушах. Но я не имею права говорить эти слова. Не тогда, когда Каро испугана, благодарна и чувствует себя обязанной. Это несправедливо по отношению к ней. И лишает возможности ответить без зазрения совести «А я нет».

Скажу, сам буду чувствовать, что пытаюсь воспользоваться минутной слабостью.

Хотя, Каро предельно честная. Она и в таком состоянии не ответит взаимностью, если ничего не чувствует. Это еще один повод не рисковать. Не хочу терять надежду. Поэтому отвечаю тоже искренне, но более нейтрально.

— Потому что мне не все равно.

Она поворачивается, подкладывает ладонь под щеку и улыбается. А я плыву, потому что Каро сейчас необычайно милая, хотя это слово обычно ей не подходит. В голове туман, а я смотрю на губы Каро, на

растрепавшуюся прическу, на безупречный макияж, который пережил и вечер, и ночь, и думаю, насколько она невероятно красивая.

— Я не привыкла, что кому-то не все равно, — тихо признается Каро. Осторожно, стараясь не сделать мне больно, кладет голову на плечо и замирает. Спицы, конечно, сразу же впиваются в мышцы, но мне все равно. Я не чувствую боли. Потому что ответ Каро, хоть не звучит, как «я тоже тебя люблю», но, мне кажется, где-то очень близко.

Этот миг мне хочется оставить в сердце. Уютная тишина моей спальни, солнечные лучи, проникающие сквозь невесомый тюль и трогательно прижимающаяся ко мне Каро. Прикрываю глаза и чувствую, что снова проваливаюсь в дрему, но это непозволительная роскошь. Мы и так проспали долго. Скоро должны приехать шэх и Лестрат. Бабушка обещала сообщить и тому и другому.

— Ты, наверное, хочешь переодеться и в душ? — спрашиваю я, хотя больше всего хочу, чтобы она осталась рядом и никуда не уходила. Каро тихонько хмыкает.

— Я хочу исчезнуть отсюда телепортом. Но это ведь невозможно? Правда?

— Невозможно, — соглашаюсь я. — Тебе так плохо со мной? — Опасный вопрос, но не могу его не задать.

— Ты знаешь, что это бред. Мне хорошо. А поле душа стало бы еще лучше. Но мне не во что переодеться. И там внизу твоя бабушка, и мне очень неловко. Я ей не понравилась. И то, что ты притащил меня домой ночью в невменяемом состоянии, вряд ли добавило мне очков.

— Каро, моей бабушке и я не очень нравлюсь. Такой уж она человек, но ты... может быть, и не нравишься ей, но точно вызываешь уважение, а это уже много. Поверь. Есть очень мало людей, чью выдержку и силу она отметила. Она железная леди. Подобных себе она чувствует за версту. Ты ее зацепила, поверь. А во что переодеться я тебе дам.

— И в этом можно будет спуститься к завтраку? Сильно сомневаюсь, Дар.

— Каро, никто не ждет от тебя соблюдения правил этикета после произошедшего. Особенно бабушка. Она и мирс Валери, которая уехала совсем недавно, работают со сложными случаями. Бабушка — магическими, мирс Валери — физическими. Именно она ставила меня на ноги. В чем ты одета, сегодня неважно. Ну и, если быть

откровенным... — Дар усмехается, окончательно разряжая обстановку. — Вчерашнее вечернее платье, в котором ты проспала всю ночь... оно тоже по этикету не подходит. Так что не заморачивайся и иди в душ, пока не приехали шэх и Лестрат.

Каро

В словах Дара есть разумная мысль. Лучше переодеться, во что дают, чем ходить в несвежем. Да и в душ действительно нужно. Привести мысли в порядок и сбежать от волнующей нежности. Между нами с Даром что-то хрупкое и непонятное, но такое важное, что мне мучительно страшно это потерять. Пусть я не до конца понимаю, что это.

Дар дает мне свой спортивный костюм. Не самая элегантная вещь в его гардеробе, но определенно лучше, чем мятое вечернее платье. В нем, по крайней мере, у меня будет пристойный вид. Как-то девушку в теплом спортивном костюме меньше подозреваешь во всяком разврате, чем девушку во вчерашнем вечернем платье. Кажется, действие шампанского и зелья еще не отпустило, иначе откуда в моей голове такие бредовые мысли?

Подхватываю выданную одежду и скрываюсь за дверь. Из зеркала на меня смотрит очень уставшая Каро с синяками под глазами. Слишком бледная и с растрепанной прической. Просто красавица! Ничего не скажешь!

Ванная у Дара выдержана в стиле минимализма. Серый кафель, душевая кабина, черная раковина. Все строго. Без лишних деталей. Только отделка деревом немного оживляет атмосферу. Мне тут нравится, и это пугает. Я как кошка, которая осваивает новое жилище, и оно пришлось ей по душе. Страшно, что захочется остаться, а меня никто не звал.

Открываю воду и делаю шаг под горячие, сильные струи и прикрываю глаза. Вода смывает вчерашний день, сонное очарование ночи, и я снова возвращаюсь мыслями к своей, ставшей вдруг непростой жизни. Как вышло так, что все мои установки и цели стали неважными или трудно выполнимыми? Все ведь было предельно понятно и просто еще несколько недель назад.

Я планировала учиться, тренироваться и не смотреть в сторону парней. Но меня изводит маньяк, поэтому я не могу сосредоточиться ни на учебе, ни на спорте. И рядом со мной несносный парень. Я не

пускала его к себе близко. Да он и не хотел быть рядом, просто судьба сталкивала нас раз за разом до тех пор, пока мы не смирились и не стали друг другу небезразличны. Как такое может быть? И как после этого не верить в судьбу.

Как так вышло, что самую большую поддержку я получаю от человека, который меня невероятно раздражал всего лишь пару недель назад? Я ведь его почти ненавидела и немного боялась. Кажется, это было целую вечность назад.

Без макияжа я еще бледнее, чем была. А в мягком джемпере и свободных штанах Дара, кажусь такой маленькой и хрупкой, что самой себя жалко. Сушу волосы и решаю не забирать их в косу или хвост. Они разлетаются по спине и доходят почти до середины ягодиц. Мелькает мысль — обстричь. Тогда я, может быть, перестану быть интересна маньяку? Но я не хочу проявлять слабость. Нет. Я не покажу свой страх. Волосы — это символ моей победы над собственными страхами. Они длинные, гораздо ниже поясницы, но я все еще жива.

Когда выхожу из ванной, вижу — Дар тоже уже переоделся. У него влажные волосы, а значит, он принял душ где-то еще. Не понимаю, почему меня удивляет этот факт. Дом огромный. Явно в нем не одна душевая в комнате парня.

— Нас уже ждут, — говорит он, оторвавшись от созерцания улицы за окном. Кит с Марой тоже приехали. Волнуются за тебя.

— Они вместе? — задаю совершенно не имеющий никакого значения вопрос. Но он безопасный. Дар с удовольствием поддерживает эту тему.

— Сомневаюсь. Может, спят...

— И это вместе в твоём понимании?

Парень очень внимательно на меня смотрит и делает шаг ко мне. Мне приходится задрать голову, чтобы поймать его взгляд.

— Плотская любовь - самый дешёвый и расхожий товар, Каро... важно что-то более тонкое и человеческое...

— То есть если любишь одного, а спишь с другим — это вроде как нормально?

— Не передергивай. Любовь или есть, или нет. И секс не всегда показатель... ты ведь поняла, о чём я говорю.

Поняла. Но почему-то хочется поспорить, но я все же сдерживаюсь. В конце концов, нас, и правда, ждут. И если заставлять

ждать Кита и Мару можно, то вот шэха — чревато. Это я еще про Лестрата и мирс Амелию не подумала.

Глава 11

Спускаемся в столовую, где уже сервировали стол к завтраку. Белоснежные салфеточки, фарфоровый с тонкой золотой полоской по краешку чашек сервиз, позолоченные столовые приборы. Цветочная композиция с нежными пионами в прозрачной причудливо ограненной вазе в центре стола. Ожидаемо чувствую себя белой вороной.

На Даре черная рубашка — дорогая, с серебряными запонками. Кит и Мара выглядят утонченными, словно сошедшими со страниц глянцевого журнала. На Ките бежевая рубашка и кофейного цвета штаны. На Маре кофейная блузка и бежевая юбка. Парный наряд, словно намекает, что они вместе. Может, это и правда так?

На шэхе приличный костюм — льняной, легкий, но удивительно ему подходящий. Даже Лестрат, который обычно имеет весьма потасканный и неформальный вид, сегодня в форме магполиции. Хотя, судя по тому, как он недовольно ерзает на стуле и постоянно поправляет узкий воротник — чувствует он себя неуютно. Ну, примерно, как я. Только вот причин у него меньше.

Мирс Амелия, как всегда безупречна. Лавандового цвета платье в пол. Оно с одной стороны, очень простое, может сойти за домашнее. С другой... изысканное и элегантное. И я в трениках. Огонь! Впрочем, если бы я попросила у Дара рубашку, создалось бы впечатление, что я только что вылезла из его постели. А так... мой стандартный вид — только что с татами.

— Дар, мне кажется, тебя воспитывала не я! — строго выдает мирс Амелия. — Похоже, ты рос сам и под забором!

— В чем дело, бабушка? — удивляется парень и начинает осматривать себя, но я-то понимаю. Дело во мне. Перевести эти слова можно, как «Зачем ты привел в приличное место замарашку?».

— Каро, можно тебя на минуту? — Мирс Амелия переключает внимание на меня, игнорируя ошарашенный взгляд Дара. Шэх, похоже, что-то хочет сказать, но я отрицательно качаю головой. Сама.

— Да, конечно.

Мирс Амелия встает и выходит из столовой, едва заметно кивнув мужчинам напоследок. Я следую за ней. А что мне еще остается?

Будут отчитывать. Спасибо, хоть не на глазах у всех.

Но мирс Амелия молчит. Идет уверенным шагом по коридору к лестнице на второй этаж, не проронив ни слова. Я не отстаю и тоже молчу. Ну, а что я могу сказать? Начать заранее оправдываться? Зачем? Спросить: «Куда мы идем»? Тоже бессмысленно. Однозначно, куда-то в доме.

Мирс Амелия по дороге кого-то зовет, начертив перед собой небрежную руну. И перед нами открывает дверь миловидная девушка в строгом черном платье. Попадаем мы в огромную гардеробную, больше похожую на новый бутик с дорогими брендовыми вещами.

— Этель, ты разобрала наш заказ, который доставили вчера? — спрашивает бабушка близнецов, игнорируя мое присутствие.

— Да, конечно, мирс. — Этель кивает.

— Подбери какой-нибудь комплект к выходу на завтрак для нашей гостьи. Мой несносный внук не придумал ничего лучше, чем выдать бедной девочке свой спортивный костюм. Ну, такого я даже от Дара не ожидала! Неужели, не мог послать с утра тебя за приличной одеждой? Еще бы халат предложил, — возмущается мирс, а я с удивлением понимаю, что отчитывать меня не будут, и указывать на мою неуместность тоже. Похоже, бабушка близнецов переживает из-за того, что я почувствую себя некомфортно. Ей невдомек, что даже если меня одеть в лучшие шмотки, неловкость не исчезнет, и сильнее подходить к этому месту я не буду. Но за Дара становится немного обидно. Он же не специально хотел меня подставить!

— Мне кажется, он просто не подумал, — пытаюсь оправдаться я за парня, но на меня взирают предельно строго.

— В том-то и дело! — Для мирс Амелии — это не оправдание. — Он не подумал. А должен был бы! Он же мой внук, в конце концов. Не переживай, вещи абсолютно новые с бирками. Осенний гардероб. В этот раз немного опоздали с сезонной заменой, поэтому доставили накануне. Какие-то транспортные накладки. У нас с тобой, конечно, разная фигура, возраст и стиль. Но поверь, все это... — Она обводит рукой пространство, — значительно лучше, чем то, что тебя вынудил надеть мой внук. Этель, у вас двадцать минут. — Мирс переводит взгляд на свою помощницу. — И на волосы тоже. Макияж не нужен. У нее фарфоровая кожа. Для почти семейного завтрака этого достаточно. Посмотри свободное синее платье. То, в цвете которого ты

сомневалась, и предположила, что оно слишком для меня яркое. Думаю, Каро будет в самый раз.

В платье приглушенно-синего цвета и выправленными волосами, которые сейчас похожи на струящийся по спине шелк, я чувствую себя все той же Каро, которой хочется находиться, где угодно, но не на светском завтраке в доме мирс Амелии.

Туфли на невысоком каблуке немного велики, а само платье, которое по задумке дизайнеров должно быть свободным, у меня облегает грудь и бедра, на талии же его приходится перехватывать тонким золотым ремешком. Надеюсь, из золота в нем только цвет, иначе меня просто накроет паника. Треугольный вырез приоткрывает ключицы, но в целом весьма скромный, приличествующий даме в возрасте, какой и была его владелица.

Когда возвращаюсь в столовую, разговор уже в самом разгаре, и я понимаю — смена наряда избавила меня от необходимости переживать еще раз вчерашнюю ночь. Лестрат практически про все знает, мне нужно просто пересказать, что предшествовало моему отравлению зельем.

Смотрю на Дара и вижу скрывшуюся в уголках губ довольную улыбку. Он что, все просчитал, негодяй?! Выдал мне свой спортивный костюм, прекрасно осознавая, что бабушка не позволит мне в нем расхаживать и отправит переодеваться? Зачем ему? Чтобы избавить меня от неприятного разговора? Но мне все равно придется поговорить с Лестратом. Еще раз бросаю взгляд на Дара, но он уже не смотрит. С задумчивым видом вылавливает крупную свежую ягоду ежевики из своей каши.

Тут даже едят непривычно! Нет, мне, как спортсменке каша на завтрак очень даже близка, но не тогда, когда в ней нарезанное тонкими слайсами манго, четвертинки клубники и крупные ягоды ежевики.

Сажусь на свое место, и появившийся за спиной дух наливает в мою чашку кофе. Вздрагиваю от неожиданности, но надеюсь, что получилось это сделать максимально незаметно.

— Каро, ты очаровательна! — делает мне комплимент Мара, а я смотрю на настороженность в ее глазах и понимаю, что девушка хотела бы спросить, как я, но, видимо, придерживается правил этикета.

Ее спасает шэх, который на многие вещи смотрит проще.

— Как ты? — спрашивает он холодно. Недоволен. Тем, что я пошла с Даром на осенний пал, тем, что произошло после, ну и тем, что с утра я у него дома. А должна была бы готовиться к соревнованиям. И не сказать, чтобы он был неправ.

— Все хорошо, — так же сухо отзываюсь я. Все же не маленькая девочка, чтобы оправдываться. Да и не чувствую себя виноватой. Ведь очевидно же, что маньяк способен найти меня везде. Если бы я не пошла на осенний бал, он просто подловил бы меня в другом месте. Он всегда на шаг впереди, а мы до сих пор даже не приблизились к пониманию — кто он и зачем ему все это нужно.

— Я изучу списки всех, кто присутствовал на осеннем балу, — говорит Лестрат.

— Я уже попросила подготовить, — поддерживает разговор Мара. — Папин помощник должен был уже привезти вас в офис. Вот где-то... — Она сверяется с наручными часами. — Сейчас.

На лице некроманта впервые мелькает заинтересованное выражение. До этого он смотрел на Мару примерно так же, как на вазу в углу комнате. То есть, едва ли заметил.

Несколько затянувшаяся пауза напрягает. Я и так чувствую себя неудобно. Даже не поешь толком. Каша закончилась, и это грустно. Все сидят с чашками и молчат, жевать на этом фоне профитроль неловко. Меня спасает Лестрат, который не стесняется жевать в одиночестве, и обладает отменным аппетитом. С радостью поддерживаю и перекладываю себе на тарелку несколько тарталеток. Еда — это прекрасно.

— Мирс Амелия, спасибо, что пришли на помощь Каро, — говорит шэх, и я с удивлением на него смотрю. Нет, я тоже благодарна и мирс Амелии, и мирс Валери, которой уже нет, и Дару. Но шэх-то, что благодарит и словно извиняется за то, что я в эти неприятности попала? Он прекрасно знает, что я не виновата.

— Гости моего внука, мои гости, — спокойно отвечает мирс Амелия. Насколько я знаю, Каро поддерживает в последнее время Дара. Умение найти подход к моему внуку в сложный для него период — дорого стоит.

— Но я не пыталась даже, — бухчу себе под нос, испытывая неловкость. Мне не нравится, что окружающие будто бы знают про

наши отношения с парнем больше, чем мы сами.

— Может быть, в этом и причина? В том, что ты не пыталась. Я не сразу это поняла.

Пожимаю плечами, мечтая прекратить разговор. Все эти полунамеки не для меня.

— Каро, нам пора домой, — обращается ко мне шэх. — Не стоит слишком злоупотреблять гостеприимством.

Нет, в любой другой ситуации я бы просто задала логичный вопрос: «Ты мне, что, папочка?», но окружающий пафос не дает этого сделать, поэтому я ограничиваюсь более нейтральным.

— Я и так слишком много прогуливаю, поэтому поеду в колледж. Зачем мне к тебе?

Шэх молчит, размышляет, но потом отрывисто говорит:

— Хорошо. Отвезу тебя в колледж.

— Зачем? — спрашивает Дар. — Я отвезу. Мы все равно нужно туда же.

— А у тебя тренировка или ты забыл? Раз уж я все равно тут.

— Мы тоже в колледж. — Мара пожимает плечами. — Спокойно захватим Каро, если надо.

Все такие милые, что даже тошно!

— Если ты собирался остаться здесь, то зачем предлагал меня отвезти? — спрашиваю я шэха. — Я подожду Дара или лучше потренируюсь с вами.

— А смысл говорить, что тебе надо в колледж, если ты все равно остаешься здесь, — огрызается шэх и понимаю, что мы попали в патовую ситуацию, когда все друг другом недовольны по непонятной причине. Неловкое молчание разрушает Кит.

— А давно ли ты тренируешься? — интересуется он у брата. — Почему я не знал?

— Потому что я этого не хотел? — спрашивает Дар раздраженно и выходит из столовой, буркнув. — Я переодеться.

— У вас, конечно, забавно, — замечает Лестрат с усмешкой, — но работа не ждет. А мне добираться на другой конец города.

— Подбросить? — интересуется Мара вроде бы нейтрально, но я чувствую, что ей интересен некромант.

— А разве тебя не повезет один из золотых близнецов? — Лестрат останавливается и смотрит на роскошную блондинку с холодным

ВЫЗОВОМ.

— Нет, — сдержанно отвечает она. — Золотой близнец поедет сам. Я его сюда привезла. Но я не настаиваю. Просто фраза про другой конец города прозвучала весьма печально. Каро никуда отвозить не нужно, а значит, в ближайшие пару часов я совершенно свободна.

— Я не отказываюсь, — наконец, подумав, отвечает Лестрат. Мара прощается с мирс Амелией и выходит, а я понимаю, что мне надо тоже переодеться. Если я хочу потренироваться. Надеюсь, меня не выгонят.

После того, как количество народа за столом заметно сокращается, напряжение, наоборот, возрастает, и я чувствую, что лишь Кит сдерживает бурю.

На меня внимательно смотрят шэх и мирс Амелия, а Кит явно чувствует себя не в своей тарелке, но почему-то не уходит. Ему интересно или он пытается защитить меня от неприятного разговора? Подозреваю, что это у него не получится, и оказываюсь права. Киту не достает упрямства и непрошибаемости Дара.

— Ну что? — не выдерживаю я, уже если хотят мне что-то сказать, то пусть говорят.

— Каро, я тебя предупреждал? — строго замечает шэх, голосом, которым он обычно взывает к порядку младшую группу.

Даже так? И чем мы с Даром так его выводим? Неужели мысль о том, что у меня, в теории, может появиться парень. Хотя Дар не мой парень. Пока. Вроде, короче не мой.

— О чем? — раздраженная в первую очередь собственными мыслями, спрашиваю я. — Ты не будешь тренировать Дара, если мы будем встречаться? Мирс Амелия, вы хотите того же? И ты, Кит, хочешь того же? Да какое вам до этого дело? Вам наплевать на меня, вам наплевать на то, что именно дают тренировки Дару, вам бы лишь влезть в чью-то жизнь по неясной причине!

— Если ты начнешь продвигать соревнования, он проложит жить дальше, как ни в чем ни бывало! А ты Каро? Ты думала, что будет с тобой. Ты не в форме, и с каждым днем это ухудшается. Ты не тренировалась нормально с момента поступления в колледж, а должна была вкалывать за троих. Именно такой был уговор!

— И ты прекрасно знаешь, что вины Дара, даже косвенной в этом нет! Так в чем проблема?

— Вы уничтожите друг друга, — говорит шэх уверенно, словно это прописная истина.

— Или починят, — внезапно мирс Амелия встает на мою сторону. — Мы не можем знать этого заранее.

— Спасибо.

— Не за что. — Она пожимает плечами. — Я согласна с вашим шэхом. Вам нужно сосредоточиться на гранте и спортивных достижениях, Дару — на восстановлении. У вас слишком много травм, такое непросто вынести самому, а уж поддержать находящегося рядом... вообще, вряд ли возможно. Просто мы, действительно, не знаем, что выйдет из ваших отношений. И вы точно не будете нас слушать, так какой смысл раз за разом начинать этот разговор? Время покажет. И вы достаточно взрослые, чтобы нести ответственность за свои поступки.

— У нас нет отношений.

— Ну, ты сама с этим определись. Что в вас есть, а чего нет, — жестко отвечает мирс Амелия, и от этой фразы по спине бегут холодные мурашки, только сейчас я чувствую окутывающую эту хрупкую женщину силу. — Из неопределенности точно ничего не выйдет.

— И кстати... — Я обвожу взглядом присутствующих. — Почему свои сомнения никто не высказывает Дару? Не потому ли, что реакция будет более жесткая?

Ответом мне служит тишина, и на этой ноте я разворачиваюсь и гордо ухожу. Еще бы понимать, куда. Единственное место, куда я запомнила дорогу — это комната Дара. Сомневаюсь, что тот костюм, который мне выдал Дар, и который я оставила где-то в гардеробной мирс Амелии — у парня единственный. Придется попросить еще один. Все же роскошные платья не для меня. Не стоили они того получаса, который я провела за завтраком. Тренировка явно продлится дольше.

Наверное, стоило бы постучать, но я в задумчивости толкаю дверь и буквально налетаю на Дара, который стоит в коридоре в одном лишь низко сидящем на бедрах полотенце с мокрыми волосами, с которых капает вода. Дыхание перехватывает, и единственное, что я могу из себя выдавить это:

— А зачем ты перед тренировкой принимаешь в душ?

Дар смотрит на меня изумленно и в первый момент даже теряется. Смущенно хмыкает и отступает вглубь комнаты, приглашая войти. Одной рукой придерживает ручку открытой двери, а другой — сползающее полотенце.

— Умеешь ты обескуражить Каро... — Он качает головой. — Не стой в дверях, проходи. Мне кажется, момент для стеснения упущен.

Я чувствую себя глупой и смущенной. Что Дар знает о моментах? Мои щеки пылают, и я готова сбежать. Но с другой стороны, почти обнаженный Дар, смущенная я и открытая нараспашку дверь. Тоже не лучшая комбинация. Не думаю, что мирс Амелия бежала за мной, перескакивая через ступеньку, но есть слуги. Донесут. Или я буду думать, что донесут и уровень смущения будет еще выше. Поэтому послушно захожу в комнату и закрываю за собой дверь.

Парень поворачивается ко мне спиной и идет к окну, а я залипаю на его спину. Точнее, на скорпиона, впивающегося в позвоночник. Я впервые вижу экзоскелет во всей красе. Он реально кажется частью Дара. Основное тело скорпиона, который в таком виде не так-то на себя и похож, плотными металлическими пластинами, фиксируя, обхватывает каждый позвонок, а лапы-провода расходятся, повторяя очертания ребер. При каждом шаге золото вспыхивает магией. Иногда искорки холодные, голубоватые, принадлежащие самому Дару, а иногда огненные — Кита.

Это зрелище завораживает. У Дара красивая спина — развитая мускулатура, ровная осанка, широкие плечи и ни грамма жира, поэтому можно видеть каждую мышцу. Ловлю себя на мысли, что со своим магическим экзоскелетом парень похож на какого-то сверхчеловека.

— Страшно? — хмыкает парень, разворачиваясь, и смотрит с усмешкой, хотя в глазах привычная боль. Как только понял, что я его изучаю?

— Красиво, — признаюсь я, ни капельки не лукавя. — Это произведение искусства. Ты не видел мой. Он был тяжелый и ужасный. Движения сковывал, натирал. А твой... это нечто совершенно иное. Его создала мирс Амелия?

— Не совсем. Такими артефактами славится Монархо. Там есть артефакторы истинные, а не наши техномаги. Именно они умеют делать уникальные вещи. Ну, а бабушка руководила, потому что она

действительно понимала, что мне нужно, как должны проходить потоки силы, чтобы мне осталось хотя бы чуть-чуть магии на такие мелочи, как зажечь свет и подогреть воду.

— Не прибедняйся, — отвечаю я и делаю шаг вперед, жадно изучая парня. Грудные мышцы с четким рельефом, пресс и темную дорожку волос, спускающуюся под полотенце. — Тебе это не идет. Ты сильный. И магически, и физически. Я видела тебя на треке. Многие о таком уровне магии только мечтают.

— С поправкой на эту штуку, — поправляет парень. — Экзоскелет не дает мне забыть, каким я был и чего лишился. От моего потенциала не осталось даже трети. Но благодаря тебе... я понял, что хотя бы говорить про экзоскелет могу спокойно.

— Все проблемы у тебя в голове...

— Это применимо ко всем. Все проблемы, которые у нас есть, они, прежде всего, в голове... но... — Он тоже делает шаг навстречу и останавливается прямо напротив меня. — Но ведь это не значит, что они меньше мешают нам жить?

Глаза в глаза. Во взгляде космос и шальная решимость, которая сбивает с ног. Да, проблемы у нас в голове. И, может, настал миг их выкинуть.

Глава 12

Я не понимаю, кто делает первый шаг. Это спонтанное порывистое движение навстречу друг другу. У нас всегда так. С самой первой встречи, с первого взгляда и вздоха. Притяжение, которое не поддается никаким разумным объяснениям. Дар сумасшедше и жадно впивается в мои губы и, обняв за талию, притягивает к себе. Я отвечаю на поцелуй без сомнения, совершенно теряя голову и теряясь сама в его дикой энергетике. Он, как и я, отпускает себя. Сдается.

Мы слишком долго убеждали себя, что можем без поцелуев, без соприкосновения тел. Но для того, чтобы выжить в этом мире, пережить свои травмы, неважно физические или моральные, нам надо растворяться друг в друге.

Чувствовать вкус губ, ощущать нежные касания рук и забывать, что мы — две сломанные куклы. Не хватает воздуха, а грудь становится чувствительной до болезненности, Дар вжимается в меня возбужденным телом, и я перестаю себя контролировать. Если мы не остановимся сейчас, то, пожалуй, вообще не сможем этого сделать. Слишком мы помешаны друг на друге, слишком долго держались на расстоянии, а сейчас защитные оковы рухнули.

Мы ни о чем не говорим. Мы не подтверждаем свои намерения, но это и не нужно. Мы с Даром не про слова. Не про обсуждения. Мы — это мы. Сумасшедшие, неправильные, не умеющие любить и боящиеся казаться слабыми. У нас не будет, как у всех. Мы так не умеем и вряд ли когда научимся.

Воздуха не остается, и я отстраняюсь, чтобы сделать вдох. Дар влажно целует в щеку, скользит губами ниже, нежно прикусывает шею, и я покрываюсь мурашками.

Я заведена настолько, что хочу продолжения и наплевать на все и на всех. Не думаю о последствиях, не хочу мыслить рационально. Но внизу нас ждут. Мирс Амелия, шэх... тренировка, будь она неладна, и вряд ли наше отсутствие тактично не заметят. Скорее всего, пришлют гонца. Например, Кита...

Эти мысли возвращают в реальность, и я со стоном отрываюсь от Дара, выворачиваюсь из объятий.

— Я, вообще-то, к тебе за спортивным костюмом, — несчастно шепчу я, понимая, насколько нелепо звучит оправдание.

— А тот уже потеряла? — хрипло усмехается парень, но не делает попыток продолжить. Впрочем, и извиняться не спешит. У него шальной взгляд и тяжелое дыхание. Он весь такой... такой, что у меня снова сносит крышу, и я не хочу останавливаться, я не хочу тренироваться. Я вообще не хочу выходить из этой комнаты. Хочу остаться тут с ним, пока окончательно не испарилось волшебство между нами.

Дар понимающе улыбается. Его грудь все еще тяжело вздымается, а ниже я всеми силами стараюсь не смотреть. Слишком хорошо помню ощущение, когда к тебе прижимается сильный и очень возбужденный парень, которого щедро одарила природа.

— Лови костюм, — отзывается он с сожалением и достает еще один, похожий на утренний как две капли воды.

— Спасибо. Ты ведь не против, если я к вам присоединюсь?

Дар внимательно смотрит на меня, думает и отвечает:

— Против.

Для меня это удар, кровь отливает от лица, а сердце пропускает удар, но, прежде чем я рассыплюсь на мелкие осколки из-за категоричного ответа, который по непонятной причине выбивает из себя, парень продолжает:

— Только вот я слишком хорошо понимаю, неважно будешь ты присутствовать или нет, ничего не изменится. Мне нужно стать прежним, Каро, чтобы подпустить тебя к себе... иначе ничего не получится.

Я понимаю его, но все же это больно.

— Я буду ждать, но что, Дар, если вдруг у тебя ничего не выйдет?

— Тогда... — Он пожимает плечами. — Я не вижу смысла жить.

— Это бред.

Качаю головой и душу слезы. Как он может? Почему он настолько эгоистичен и думает только о себе? А как же те, кому он дорог? Ставлю себя на его место и понимаю, не знаю, как бы поступила я. Нам слишком принципиально быть первыми, чтобы довольствоваться жизнью на тридцать процентов.

— Нет, Каро, это не бред. Но я знаю способ, я знаю, что смогу, и я знаю, что это не затянется на годы. Мне это нужно. И хоть я не хочу

видеть тебя на тренировках, это... — Он закусывает губу, то ли подбирая слова, то ли пытаясь выдать признание. — Это унижительно. Но ты делаешь меня сильнее, поэтому присоединяйся к нам сегодня.

— Присоединюсь.

Дар

Я подозревал, что эта тренировка станет моим персональным адом. Но шэх сегодня особенно зверствует. Словно пытается дать понять и мне, и Каро — мы не подходим друг другу. Точнее, я не подхожу ей. Намек понят, но сегодня не принят. Я знаю, на что иду, когда переступаю порог этого зала.

Каро напряжена, как взведенная пружина. Я уже неплохо изучил это ее состояние, когда она сначала бьет, потом думает. Но сейчас эта скрытая и тщательно сдерживаемая агрессия направлена не на меня. Каро злится на шэха. И даже не особо пытается это скрыть. Из чего делаю вывод: когда я ушел, ей что-то сказали. Вероятнее всего, про меня. Шэх? Или бабушка, а шэх поддержал. Вряд ли я об этом узнаю. Никто из этой троицы не скажет. Хотя, с Каро, в теории, можно хотя бы попытаться.

Пока лежу на матах и пытаюсь прийти в себя, а заодно срастить парочку спиц экзоскелета, сломавшихся во время тренировки, наблюдаю за тренирующейся Каро. Я впервые вижу ее в цеуньши, и только сейчас понимаю, насколько она безупречна. Сильная, ловкая и непробиваемая. Тело и магия, одинаково хорошо ее слушаются. Жалею, что не пришел заниматься раньше, тогда же, когда начала она. Мы могли бы стать достойными противниками. Сейчас я бледная тень. Мое тело неспособно на такую гибкость, а магия тратится на поддержание работы экзоскелета. Смотрю на воплощенное совершенство и понимаю — она меня вынесет с ринга за десять секунд. Но, как ни странно, это не так сильно задевает, как раньше. Возможно, потому что я не хочу воевать с Каро. А может быть, потому что я видел Каро другой — уязвимой. И я знаю, что и железной девочке иногда нужна поддержка и на ручки, просто, как правило, ее некому подхватить. А я могу. Не скажу, чтобы без усилий, но могу. И сделаю все, чтобы хотя бы это действие было мне доступно.

Каро спарингует с шэхом. Мягко и гибко уклоняется, уходя в красивое сальто назад, вытянутые носки ног чертят ровный круг. Вижу

подрагивающий воздух, повторяющий траекторию полета — ментальная волна, от которой шэх уклоняется, но с трудом, а Каро уже приземляется и идет в контратаку, закручиваясь в вихрь и приподнимаясь над полом. Черная коса извивает за спиной, как змея, а сама Каро сейчас похожа на изящную балерину.

Магия шэха другая — это черные, извивающиеся по полу ленты некромагической силы, которые бросаются Каро под ноги, пытаются сбить с траектории полета, и пару раз им это даже удается. Девушка теряет равновесие. Магия разлетается по залу не одной волной, а неприятными импульсами, которые цепляют даже меня, а Каро шипит сквозь сжатые зубы ругательства, но снова кидается в атаку. Раз за разом, не зная усталости, не отвлекаясь от процесса, с таким упорством, что перехватывает дух, заставляя меня подняться и попытаться стать хотя бы вполовину таким, как она. Тренировка с Каро вдохновляет и мотивирует. И это прекрасно. Собственная беспомощность не отзывается жгучим стыдом и досадой, как обычно — она повод стремиться за идеалом. У меня получится. Да, я никогда не достигну уровня Каро, но у меня нет такой цели, мне нужно стать не лучше ее, мне надо стать тем, кто ее достоин. Экзоскелет мешает мне чувствовать себя полноценным, поэтому я хочу избавиться от него в первую очередь, даже если придется вкалывать столько же, сколько вкалывает она или больше.

А в конце тренировки, когда измученно на матах валяюсь не только я, но и Каро, шэх безэмоционально сообщает, что со следующей тренировки я занимаюсь в общей группе. Вот это номер. Я не готов. Не физически. Эмоционально. Каро зло щурится. Она тоже. Стесняется меня? Или причина какая-то другая? Но вот, если, в теории, что произошло между ней и шэхом, я могу узнать, то ответ на этот вопрос мне точно не светит.

Каро

Я не понимаю, чего хочет добиться шэх. Не в его привычке срывать злость на учениках. Каждый его удар, каждая выматывающая тренировка — это всегда послание, но сегодняшнее я не поняла. Его он донести не сумел, что на шэха не похоже.

Хотел показать, что Дар никогда не поднимется на мой уровень? Так это и неважно. У него иные цели, мы не собираемся выходить на татами. От его побед и достижений в цеуньши не зависит ничего.

А остальное... работа на пределе возможностей, умение преодолевать сложности — все это мне близко и вызывает уважение. Он вымотал меня, Дара и лишь сильнее заставил меня укрепиться в мысли, что парень достоин моего уважения. Или целился шэх не в меня, а в него? Посыл был для Дара?

И этот категорический приказ перейти на тренировки в общую группу. К чему он? Я не понимаю и злюсь. Не понимаю, что нашло на шэха, и не хочу разбираться. Иду в душ, а когда выхожу немного успокоившаяся, тренер уже уехал. А его посыл так и остался для меня неизведанным. Я ослушалась и он злится? Что он имеет против Дара? Он же так толком и не объяснил. Решаю разобраться с этим после.

Не исключено, что шэх просто показывает свое недовольство и демонстрирует нам, что если хотим сложностей, то мы их получим, и только преодолев испытания, станем достойными свободного времени и возможности строить отношения друг с другом. Этот вариант, мне кажется самым реальным.

Дар ждет меня внизу у магмобиля. Сегодня он официально за кристаллом управления. Я знаю, что и за это пришлось воевать. Обычно парень передвигается в тайне от мирс Амелии, но сегодня, похоже, получил добро.

— Тебя можно поздравить? — Я указываю подбородком на черный матовый магмобиль, а Дар усмехается и пожимает плечами.

— Бабушка решила, что лучше разрешить управлять магмобилем и отдать кристалл, чем позволить мне и дальше гонять на осе назло запретам. Я умею добиваться своего.

— А ты? Как считаешь ты? Лучше официальный магмобиль, чем неофициальная оса?

— Я надеюсь, еще на ней погонять без боли и разрывающих мышцы спиц, — признается он и садится на водительское сиденье.

Обхожу магмобиль по кругу и ныряю в новый пахнущий свежей кожей салон. Тут роскошно.

— Бабушкин подарок?

— Да, — не спорит Дар, но смотрит настороженно, словно ждет, что я буду его осуждать.

— Он прекрасен, и я рада, что ты не на осе...

— Оса всегда останется моей любовью, но... — Дар задумчиво выкручивает руль. — Наверное, я доказал себе все, что хотел,

поэтому могу сделать выбор в сторону комфорта.

— Та победа на треке? — предполагаю я.

— Да, мне важно было поставить точку.

— Фрост будет мстить на зале,— признаюсь я осторожно. Не хочу говорить об этом, но считаю, что Дар должен знать. — Это ты понимаешь?

— Понимаю. — Он флегматично вздыхает. — Ты станешь презирать меня за то, что размазываю кровь по татами?

— Нет. — Я усмехаюсь. — Я не стану презирать тебя. Я навалю ему.

— Ага, и меня будет презирать вся группа. Нет уж.

— Не все такие, как Фрост. Многие у нас бывали закованы в частичные экзоскелеты — спорт-то травматичный. Они знают, что это такое.

— Мне хочется сбежать, — признает парень. — Сдаться и не приезжать в зал на общую тренировку. Я слабый и недостойный тебя. Но во всем этом знаешь, что самое главное? Я не могу тебя отпустить. Даже понимая, что недотягиваю. Знаю, это эгоистично.

— Так и не отпускай. — Я пожимаю плечами. — А с залом... Дар, если ты не готов, не ходи. Тебя никто не может заставить. А шэх и не будет.

— Он просто не станет меня тренировать вне общей группы, ты же его слышала.

— Хочешь, тебя буду тренировать я?

— Сильно обидишься, если скажу, что нет?

— Не обижусь. Шэх, и правда, лучше. И, Дар, как бы он не колзлил сейчас и не испытывал тебя на прочность, он не даст тебе пострадать.

— Я не боюсь физической боли, и ты это знаешь. Я не знаю, чего боюсь... — Он закусывает губу и на миг отвлекается от дороги, чтобы поймать мой взгляд. — Возможно, разочаровать тебя?

— Дар, неудача на татами, а это единственное, чего тебя может ждать на общей тренировке, не заставит меня разочароваться. Это бред.

— Она напомнит о моей слабости.

— О твоей силе, — упорно поправляю я. — И давай закончим этот разговор. Мне кажется, ты банально ноешь.

— Прости. — Дар усмехается. — Я действительно ною.

— Нытье меня разочарует скорее... хотя. Ты же понимаешь, не мне говорить о разочаровании. Я тоже не идеал. Грубая, нелюдимая с кучей фобий.

— Моя... ты ведь это понимаешь? Ты такая, и ты моя.

Зависаю и чувствую, как на губы наползает идиотская улыбка. Я его. Это так необычно и совсем непонятно, но откликается в душе. Я хочу быть его. Пусть это глупо, наивно и, вероятно, недолго. Но сейчас в этом моменте Дар — то, что мне нужно. То, от чего проще дышится и хочется открывать глаза по утрам. А еще его поцелуи стали для меня наркотиком, от которого отказаться не могу.

В его глазах ловлю отражение собственных мыслей и желаний и решительно выхожу из магмобиля, который останавливается на парковке перед колледжем. Опасно оставаться рядом с Даром, салон магмобиля надежно скрывает нас от людей и внешнего мира, а это чревато. Не сдержимся. Меня буквально потряхивает рядом с парнем. Кажется, скоро не смогу думать ни о чем, кроме его губ, а надо бы начинать нормально учиться. Хотя бы немного, потому что гранд, планы и шэх, который и так недоволен тем, в какую сторону свернула моя жизнь.

Весь день мы с Даром, как неразлучники, что порождает массу слухов, споров и косых взглядов. Наплевать. Меня сегодня не раздражает никто и ничто. Даже наглые девицы, которые явно хотят выдергать мне волосы. Я сама кому хочешь чего хочешь выдержваю, но сегодня слишком ленива и благодушна для этого.

Мы ходим, держась за руки, сидим вместе на лентях, в столовой и не замечаем никого вокруг. Почти не разговариваем, словно привыкаем к своему новому статусу. Я даже не думала, что так бывает. Мы на одной волне, не нужно громких слов, и какого-то вербального подтверждения того, что мы вместе. Мы просто поняли и приняли этот факт, как истину. Убрали сомнения.

Я поняла — не факт, что будет лучше. Не стоит ждать удачного момента, просто нужен свой человек, тогда и момент не имеет значения. Человек, от которого теряешь голову, рядом с которым тебя окатывает кипятком. Просто в определенный момент остается только он один, а остальные превращаются в серые тени, ты смотришь и не понимаешь, какого пола проходящие мимо тебя люди, потому что твой

фокус сосредоточен лишь на одном из них. Самом красивом, самом важном, том, который заставляет тебя дышать.

Сидим за столиком, спрятанным за фикусом. У меня свежавыжатый сок, у Дара — черный кофе. На тарелках еда, я даже не знаю, что в ней. Дар чего-то туда накидал, пытаюсь сочетать полезное и вкусное. Рассматриваю только сейчас — морепродукты и рис, много зелени. Я вообще неголодная. В животе бабочки, в голове вата. Хочется гулять и целоваться. Не хочется вспоминать про маньяка и предстоящие соревнования, но мир жесток, поэтому даже сейчас вполголоса снова обсуждаем вчерашний вечер.

Дар так и не отпускает мою руку, проводит большим пальцем по нежной коже запястья, переплетает наши пальцы, а я балдею, и, кажется, куда-то уплываю. Даже не замечаю, как к нашему столику подходят Кит и Мара с подносами. Никого не хочу видеть и делить мгновения счастья, но они друзья и нас не спрашивают.

Кит не в духе, но пытается вести себя как обычно. Хотя, мне кажется, ему обидно. Не из-за меня. Скорее из-за Дара. Кит не может без близнеца. Слишком врос в него, чтобы функционировать самостоятельно, а вот Дар давно сам по себе. Это на самом деле неправильно, но тут никто ему не поможет. Кит должен пройти этот квест сам.

Зато Мара, как всегда, сияющая и идеальная. Но вижу в ее глазах лед. Что-то случилось между ней и Лестратом? Проблемы дома? Напоминаю, что у нас с ней по графику тренировка. Мара вздыхает, но соглашается, что откладывать и дальше странно. Но домой мы решаем не ехать. Зал на минус первом этаже колледжа всегда свободен после трех. Почему бы не воспользоваться?

В зале к нам присоединяются Дар и Кит.

Киту просто нечем заняться, а Дар словно примагнитился ко мне, и это так необычно и волнующе. Нам хорошо вместе, и мы даже не на ножах. Оказывается, не кусаться с ним здорово.

Мара в светлом спортивном костюме. Короткий топ, открывающий плоский спортивный живот, низко сидящие на бедрах свободные спортивные штаны. На мне обтягивающий черный комбинезон, он обрисовывает каждый изгиб, каждую мышцу. Обычно, я избегаю таких вещей. Не люблю лишнее внимание, но сегодня мне хочется, чтобы мной любовался один конкретный парень. Правда,

постоянно ловлю взгляд залипающего на моей заднице Кита. Но с этим я ничего не могу сделать. Парень сам выбирает, на кого смотреть. И если ему нравятся недостижимые цели... что же это его выбор.

Мара хорошо физически подготовлена, и это приятно, она быстро все схватывает. Провожу стандартную разминку, немного помогаю ей потянуться. Парни лениво наблюдают за нами, развалившись на матах. Они болтают о своем и иногда перекидывают друг другу мяч. Нам не мешают, поэтому я начинаю разучивать с Марой базовый комплекс цеуньши, который называется порхание бабочки с цветка на цветок.

Он состоит из пяти последовательных элементов. Легких на первый взгляд, но требующих полной сосредоточенности. Несколько шагов на полусогнутых ногах, с разведенными руками, поворот. Еще несколько шагов, красивый прогиб с упором на руку, снова поворот, два шага назад. Прогиб с упором на другую руку. Сначала комплекс кажется практически неприменимым в бою. Просто дорожка из рандомных элементов, которые при всей кажущейся простоте серьезно нагружают мышцы, но потом я заставляю выйти к себе в пару Кита. Дар зло шуруется, но для него сегодня достаточно.

Прошу Кита атаковать и показываю Маре, как с помощью только что разученной нами дорожки, можно уходить от ударов. Потом к обычным движениям добавляю немного магии.

— Круто! — восхищается она и просит: — А покажи настоящее цеуньши, то, чего можешь ты. Всегда было интересно.

И я показываю. Соло, с которым заняла первое место на крутых соревнованиях в середине лета. Здесь все по-взрослому и магия, и элементы. Сальто, тройные прыжки, растяжка, удары, которые бьются в прыжке с поворотом.

— Невероятно... — тянет Мара. — Просто не верится, что подобное может вытворять человеческое тело.

— Я долго тренировалась. — Пожимаю плечами, для меня это так же естественно, как и ходить.

Падаю на маты рядом с надувшимся Даром и примирительно кладу голову ему на плечо.

— Почему не позвала меня? — тихо спрашивает он.

— Потому что после злого шэха нормально только лежать. Вот и наслаждайся.

— Каждым мгновением,— признается он, заметно расслабившись, и меняет позу, нависая сверху.

Тону в его глазах цвета весеннего льда, люблюсь черными росчерками теней от ресниц на выразительных скулах и красивыми губами. Мир сужается до них. Уплываю. Из этого зала, от смеющихся где-то на заднем фоне Мары и Кита. Есть только Дар, его мягкая улыбка и загорающее в глазах желание.

— Ты надела этот костюм, чтобы я не мог думать ни о чем другом и хотел придушить своего брата? — спрашивает он меня тихо и хрипло. Ведет ладонью по щеке, едва касаясь. Обрисовывает контур губ.

— А ты как думаешь?

— Ну, хорош уже обжиматься! — огрызается Кит, и мы нехотя отстраняемся друг от друга.

— Кофе пить пойдете? — более миролюбиво спрашивает Мара.

— Неа. — Мы с Даром синхронно мотаем головами и снова падаем на маты, взявшись за руки. Так и лежим, словно две морские звезды. Изучаем потолок и нам хорошо. Никогда не думала, что просто признание себе в том, что конкретный человек не безразличен, окунает с головой в счастье, даже если вокруг творится какая-то дичь.

Глава 13

Дичь настигает нас минут через пятнадцать в лице вышедшего на связь Лестрата, который сообщает, что хочет меня видеть. И в идеале у себя, потому что времени мотаться по всему городу у него нет, а поговорить хочется лично.

Лично — это плохо. О хорошем лично не разговаривают, и ощущение тихого счастья разлетается на осколки. Мне снова придется окунуться в мир, в котором у меня проблемы, а маньяк охотится за мной с неясной целью.

— Отвезти? — спрашивает все также лениво валяющийся на матах Дар, и я киваю. Одной ехать совершенно не хочется, да и займет намного больше времени.

Договариваемся с Лестратом о встрече. Даже получается выманить некроманта из управления в кафе неподалеку. Дар намекает ему, что жрать тоже нужно, на что Лестрат с усмешкой сообщает, что сегодня ел и так больше, чем обычно, спасибо мирс Амелии за завтрак.

Вот уж чьей работе я не завидую. Лестрат полностью поглощен ей. Не представляю, есть ли у него жена? Дети? У Дара этот вопрос вызывает смехок.

— У Лестрата характер даже для некроманта удивительно мерзкий. Нет. Он, насколько я знаю, одиночка.

Перед поездкой я успеваю зайти к себе в комнату, чтобы переодеться и принять душ. Вещей Энси нет. Мне жаль мою слабовольную подружку, которая сама роет себе могилу с парнем, который совершенно точно женится на другой, в дату, которую назначат его родители. Но это ее жизнь. Кто я такая, чтобы вмешиваться и пытаться наставить на путь истинный. Меня тоже не назовешь гуру в отношениях, просто я четко знаю, что никогда не буду на вторых ролях и с тем, кто меня обижает. Только вот с моим характером велик шанс, что я останусь одна, особенно, если Дар разобьет мне сердце. Или я ему... кто знает, как в итоге получится. Хотелось бы «долго и счастливо», но в хорошее я давно не верю. Пытаюсь жить сегодняшним днем. Это особенно приятно, когда день такой же, как сегодня — наполненный нежностью.

И так как Энси не вернулась, у меня одноместная комната, и это тоже замечательный подарок судьбы. Она не так часто балует меня подарками. А о том, что за этим столом сидела мертвая девушка, я постараюсь не думать. Я сильная и прекрасно знаю — живые на порядок опаснее мертвых. Бояться надо именно их.

Надеюсь, Лестрат сегодня скажет мне что-то новое про моего преследователя. Сегодня у меня в животе бабочки, и я жду исключительно хороших новостей, но прекрасно понимаю — зря.

С Даром встречаемся на парковке. Он стоит, прислонившись к матовому боку своего шикарного магмобиля. Еще совсем недавно я даже в мечтах не могла представить, что буду на таком кататься и тем более смогу целовать его хозяина. Я вообще не думала о безнаказанной возможности кого-то целовать. И желания такого не было.

А вот Дар... мне хотелось его целовать даже тогда, когда он меня сам по себе дико раздражал. Сейчас не могу отказаться себе в удовольствии.

Подхожу. Обнимаю за шею и прижимаюсь губами к губам, наплевав на то, что вокруг нас люди. Есть в этом какое-то особое удовольствие. Заявлять на него права.

Растерян, но не отталкивает. Мы с ним снова, будто гигантские магниты, которые притягиваются друг другу. Руки проходятся по моей спине осторожно, словно не решаясь сжать сильнее, а у меня перехватывает дыхание. От его прикосновений каждый раз пронзает разряд тока. Интересно, Дар ощущает меня так же. И поцелуй... нежность такая, что я уплываю. Нежные, ласкающие касания губ и мир вокруг перестает существовать. Даже голоса стихают, потому что мы тут одни, остальные просто неважны. Я разлетаюсь тысячами бабочек, никогда не думала, что во мне вообще есть это щемящее чувство, от которого наворачиваются на глаза слезы. Это новая я, и я немного ее побаиваюсь. Слишком уязвимая, хрупкая.

Мне так хорошо, что хочется большего. Уйти и скрыться ото всех глаз, но реальность тянет за собой, и мы с сожалением разлепляемся. Смотрим в глаза друг другу, и во взгляде Дара, подернутом дымкой желания, я ловлю отражение собственных чувств. Растерянность, уязвимость и жажда.

— Вау... — тихо произносит Дар с потерянной улыбкой и взъерошивает волосы. — Я ненавижу Лестрата.

— Я тоже, — признаюсь с сожалением и отступаю. Моя рука в его руке и отпустить мучительно сложно. Пальцы скользят по пальцам, прежде чем отпускаем друг друга.

Обхожу магмобиль, когда вижу смотрящую на меня в упор нашу однокурсницу, которая с какого-то перепуга считает близнецов собственностью. Испытываю жгучее раздражение. Кому и какое дело до нас?

Вопросительно вздергиваю бровь, а она, истекая ядом, шипит.

— Думаешь, что победила? Дар у нас неспособен на привязанности, неужели ты считаешь, что можешь его заинтересовать? Он с тобой временно, как избавится от этих штук, найдет себе кого-то попримечнее.

Ее выпад настолько смешон, что я даже не считаю нужным отвечать. Думала, придется себя сдерживать, чтобы не вцепиться в крашенные лохмы, но нет. Ничего, кроме мрачного удовлетворения не чувствую. Я действительно победила. Снова. Причем на этот раз там, где даже не собиралась сражаться. Просто сажусь в магмобиль и демонстративно хлопаю дверью.

Девушка намека не понимает и продолжает зло на меня смотреть, поэтому показываю ей неприличный жест, прежде чем отвернуться и забыть о ее существовании.

— Каро... — начинает Дар виновато, но я отмахиваюсь.

— Ты серьезно сейчас хочешь извиниться за слова какой-то идиотки? — хмыкаю я. — Дар, мне казалось, ты достаточно хорошо меня изучил. Мне все равно, что она говорит. Между нами все так зыбко, что сломаться может от чего угодно... мы сами прекрасно все портим, нам для этого не нужны никакие завистливые избалованные дряни.

— Ты ни на кого непохожа, Каро. Уникальная. Поэтому и зацепила, — признается парень, покачав головой.

Это приятно и немного смущает. Поэтому я отворачиваюсь к окну и фыркаю.

— Да уж. Мы оба с тобой уникальные настолько, что тошно. Поехали, а то Лестрат нас не дождется.

Мы едем молча. Одна рука Дара на кристалле управления, а вторая сжимает мою. Молчим, потому что сегодня и так сказано слишком много.

Лестрат назначил встречу в кафе на новой набережной Кейры, которая расположена вдали от исторической части города. Зато от колледжа добираться ближе. Этот мир мне привычнее, чем степенная неторопливость Поднебесного Горскейра.

Тут ритм жизни быстрее, а люди проще. Кафе оживленное, достаточно большое, но вполне уютное, с кожаными диванчиками и недорогим меню. Здесь много людей. Кто-то забегают, чтобы схватить стаканчик кофе навынос и снова нырнуть в сумасшедший ритм рабочего города, кто-то пришел перекусить. Вижу несколько компаний: молодежь, студенты, которые учатся не среди элиты, офисные работники, семьи с детьми.

Лестрат ждет нас за дальним столиком в правом углу, докуда практически не доносится музыка и чужие разговоры. Самое подходящее место для серьезной приватной беседы.

Перед некромантом большая тарелка золотистой картошки, нарезанной соломкой и обжаренной в масле. Огромный стакан кофе с какой-то невообразимой шапкой из сливок, посыпанных шоколадом и разноцветными сладкими шариками — явно из детского меню. У меня аж тошнота подкатывает к горлу. Я такое не переварю.

— У тебя ничего не слипнется? — спрашивает у него Дар, кивая на стакан.

— Не переживай, у меня все отлично, — отмахивается некромант и руками отправляет в рот очередную порцию картошки.

— Как ты при таком режиме питания не жирный?

— Если есть один раз в два дня, в целом пофиг, что ты в себя закинул. Организму в любом случае будет не хватать. Присаживайтесь, времени мало.

— Что-то случилось? — напрягаюсь я, опускаясь на кожаный диван напротив некроманта. Есть не хочется, мне, кажется, достаточно нюхать запах обжаренной картошки. Я наедаюсь исключительно с него.

— Да, — невозмутимо отвечает Лестрат. — У меня перерыв заканчивается, а смерти в этом городе, к сожалению, происходят в любое время. Поэтому буду краток. Все же это дело, не совсем то, чем

я обычно занимаюсь. А остальные мои обязанности никто не отменял. Хорошо, что сейчас меня страшует Ян. Раньше было вообще сложно. Но это все лирические отступления. Каро, я понимаю, тебе будет неприятно это слышать, но...— Лестрат опускает глаза и задумчиво разглядывает трубочку, вытащенную из кофе. На ней сливки. Я тоже невольно перевожу взгляд, потому что пауза затягивается, и сливки, наверное, это важно.

Лестрат, наконец, собирается с мыслями и вскидывает на меня свои черные, затягивающие глаза, которые внушают ужас. По спине бежит холодок. Я окончательно убеждаюсь — ничего хорошего я сейчас не услышу.

— Твоя мать, Каро. Она была на празднике. И, как понимаешь, это не тянет на обычное совпадение.

— Что? — Сердце падает в желудок.

И это такое неприятное ощущение, от которого хочется избавиться, но дыхания не хватает. Свободное падение, и совсем не то, что приносит ощущение окрыления. Нет, это чувство, сжимающегося от страха желудка, в момент, когда из-под ног выбили опору, и ты летишь в пропасть.

— Но как... — наконец, справляюсь я со спазмом и получаю возможность говорить. — Я ее не видела, и это не то мероприятие, которое она может себе позволить. Я совсем не элита, знаешь ли. А она и тем более.

Сердце начинает стучать как бешеное, я оправдываюсь, судорожно пытаюсь разобраться в царящем в голове хаосе. Мне важно найти объяснение ее присутствию там. Дар чувствует мое состояние и берет за ледяную руку, успокаивающе сжимая пальцы. Выдыхаю, стараясь вернуть возможность рационально мыслить.

— Она была там, не как гость. Она работала на кухне...

Это похоже на правду. Мама часто подрабатывала на банкетках. Но так далеко от дома? И там, где оказалась я? Действительно, поверить в такое совпадение непросто, но мне хочется. Потому что если нет... я потеряю последнюю надежду на то, что когда-то что-то для нее значила. А это очень больно, несмотря на то что вроде бы давно отболело. Я долгое время так считала, но сейчас понимаю — считала неправильно.

— То есть имела доступ, в том числе, и к игристому, в котором было зелье? — понимающе уточняет Дар, а я чувствую, что просто улетаю в бездну. Мы с матерью неблизкие люди. Я до сих пор виню ее за случившееся со мной, но никогда в самых ужасных мыслях я не допускала, что за всем этим может стоять она. А если такие предположения и проскальзывали в голове, я упорно гнала их прочь.

— Да... — мрачно говорит Лестрат.

— И что дальше? Где она? — выдавливаю я вопрос. В голове шумит, и картинка перед глазами плывет.

— У нас. Ее задержали. Но пока не допрашивали... хочешь с ней поговорить?

Сердце снова делает скачок, а желудок нехорошо сжимается.

— Нет. — Мотаю головой. — И не очень верю в ее виновность. Прости. Пока это не укладывается у меня в голове по многим причинам.

— Я понимаю, Каро. Это мать. Тяжело принять такое, но все очевидно.

— с Виксом тоже все было очевидно. И где он сейчас? — раздраженно спрашиваю я, и Лестрат мрачно кивает.

— Понятно, что мы все будем проверять. Но пока других новостей у меня нет. Ты в порядке?

— Нет. Я не в порядке. У меня сложные отношения с матерью. Но это... это даже для нашей ситуации перебор. Я не могу понять, зачем?

— Иногда у маньяков своя изощренная логика, которая недоступна нормальным людям, — сочувственно говорит Лестрат, а я заторможено смотрю в одну точку. Мне плохо. Я не думала, что она сможет ранить меня сильнее, чем уже ранила.

Доедаю в тумане. Лестрат что-то говорит, я, вроде бы, даже отвечаю ему, но сама нахожусь где-то не здесь. В прострации. Прощаюсь на автомате, так же сажусь в магмобиль. В ушах шумит, а мир вокруг кажется далеким и нереальным.

Плохо помню, как мы добираемся до колледжа. Радуюсь, что успела оттренироваться с утра с шэхом. Если бы поехала на тренировку в таком состоянии, в котором нахожусь, сейчас не смогла бы сделать ничего. Да и не поехала бы. Выходить на татами, когда ты плохо соображаешь, где находишься, чревато. А еще не хочу, чтобы

меня кто-то в нем видел. Точнее, видели Волк и шэх. Я поборю это состояние, переживу эту ночь и завтра смогу.

До соревнований остается слишком мало времени, чтобы позволить себя быть слабой. Мне нужно аккумулировать все силы. А как, если их неоткуда взять?

У меня словно выбили почву из-под ног. Не сразу замечаю, что плохо вижу дорогу перед собой, потому что слезы застилают глаза .

— Каро, ты как? — осторожно спрашивает Дар, когда мы поворачиваем к колледжу. Это первые слова за всю дорогу, и я благодарна парню за минуты тишины. Они мне были необходимы, чтобы немного выдохнуть.

— Не понимаю...— честно отвечаю я. — Я с ней не общалась. Почему меня так ранит ее поведение? Почему я ее предательство переживаю, так же остро, как и в двенадцать лет? Мы же с тех пор почти не общались.

— Потому что, это твоя мать. — Дар пожимает плечами и смотрит на меня с сочувствием.

— А твоя? Прости, если вопрос бестактный.

Мне правда неловко, но я давно собиралась спросить. Сейчас вот подвернулся случай. Мара говорила,но мне хотелось бы услышать от Дара.

— Да нет, нормальный вопрос, — отвечает Дар, с удовольствием меняя тему. — Родители погибли, когда мы с Китом были маленькими. Я почти не помню, ни маму, ни папу. Нас воспитала бабушка. Поэтому и говорить про них не больно.

— А моя меня и не воспитывала... но такого я даже от нее не ожидала.

Вздыхаю и качаю головой.

— Не понимаю ее мотивов. Зачем? И знаешь... — Закусываю губу и отворачиваюсь к окну, прежде чем продолжить. — Не уверена, что хочу знать. Лестрат предлагал поговорить с ней... Но что мне даст этот разговор? Только еще большее разочарование.

— Но если она, то тогда, получается, все закончилось?

— Не знаю. — Я вздыхаю и выхожу из магмобиля, который уже, оказывается, давно на парковке. Я даже не заметила, когда мы приехали. Оказавшись на улице, понимаю, что сейчас приду к себе в комнату и там буду одна. Одиночество — это последнее, чего я хочу.

Но разговор не клеится, Дар смотрит на меня с сочувствием, но видно не понимает, что делать и как меня поддержать. Я и сама не знаю. Вряд ли парень видел меня такой — сломленной. В истерике видел, видел злую, а сейчас я сама себя пугаю.

Он провожает меня до двери комнаты и желает спокойной ночи, собираясь уйти, а у меня сжимается желудок от необходимости оставаться одной. Легкое касание щеки губами, и я не могу его отпустить. По лицу текут слезы.

— Останься со мной, — прошу со всхлипом. Вижу сомнение в глазах и добавляю. — Пожалуйста. Просто не оставляй меня сегодня одну.

Парень нерешительно кивает и делает шаг ко мне навстречу, а я обнимаю его и утыкаюсь носом в плечо, вдыхай ставший родным запах. От едва ощутимого аромата парфюма ведет и ледяной комок в груди тает.

Пропускаю Дара вперед себя в комнату, испытываю неясное смущение. Он уже бывал у нас, но именно сейчас мне кажется, что тут очень мало места, не очень убрано, и вообще идея позвать его к себе уже не кажется такой хорошей, но идти на попятную странно и стыдно, поэтому стараюсь вести себя максимально естественно.

— Устраивайся, но у нас, конечно, не так удобно, как у тебя дома.

— Каро, — усмехается парень. — Не забывай, преимущественно я живу на соседнем этаже.

От неловкости сбегая в душ. В душ идти тоже при нем неловко, мне кажется, в этом поведении можно уловить какой-то намек. Впрочем, Дару не нужны намеки, я зря загоняюсь. Переодеваюсь в уютную пижаму. Мягкие штаны и такая же однотонная кофта с длинным рукавом, а когда возвращаюсь, понимаю, что Дара нет.

На душе становится неприятно, но я не успеваю надумать себе разного, потому что он возвращается. Тоже с влажными волосами после душа и домашней одежде.

— Я посчитал, что душ мне тоже не повредит, — признается он и с наслаждением падает на мою кровать, а я морщусь. Вот что за человек? С его экзоскелетом такие прыжки чреватые и явно болезненны.

Это вечер тишины. Мы лежим на кровати и молчим. Дар обнимает меня за плечи, а я дремлю, уткнувшись ему в плечо, и даже

не сразу замечаю, что ткань рубашки уже мокрая от моих слез.

Он медленно перебирается мои волосы, которые проскальзывают между его пальцев словно шелк.

— Почему ты так редко носишь их распущенными? — спрашивает он, и я признаюсь.

— Ему так нравилось. Распущенные и завитые, длинные, как у куклы. Не хочу быть куклой, поэтому распускаю только после душа. Знаю, что это глупо. Возможно, когда-нибудь избавлюсь от этой фобии.

— А почему тогда не обрежешь? — задает Дар вполне резонный вопрос, и я думаю, как описать свои чувства.

— Потому что длинные волосы для меня — символ победы над ним. Я мечтала обрезать их все время, пока находилась в плену, потому что знала: с длинными волосами стану безупречной и умру. Но волосы отрасли, а я все еще жива. С каждым годом волосы становятся длиннее, а я все дальше от того кошмара. Для меня это символично, — признаюсь я и добавляю с невеселой усмешкой. — Была дальше от кошмара.

— Все образуется, — говорит Дар, целует меня в макушку, а я меняю позу и обнимаю его за талию. Ребро экзоскелета тыкается мне в щеку, и я вожусь, устраиваясь поудобнее.

— Тебе не больно? — спрашиваю обеспокоенно.

— Мне всегда больно, — признается он. — Ты не представляешь, как я хочу снова стать нормальным. Иногда мне кажется, что мысль об этом сведет меня с ума, но и отпустить ситуацию я не могу.

— Но ведь шэх дал тебе надежду?

— Или ее призрак. Никто не знает, возможно ли это.

— Если возможно, то у тебя непременно получится, — уверенно говорю я. — Ты всегда добиваешься, чего хочешь.

— А если нет?

— А если нет, то все усилия, которые ты потратишь, тоже будут не зря. Ты и так совершаешь невозможное каждый день в этом экзоскелете. Станешь еще сильнее, еще увереннее, движения будут более плавными, и боль уйдет. Цеуньши творит чудеса. И шэх творит чудеса. Поверь.

— Но если я не смогу, то полноценным никогда не стану. Ты всегда будешь круче. Зачем тебе такой парень?

— А ты всегда будешь богаче. Мне начать загоняться по этому поводу?

— Нет. Это как раз нормально. Парень и должен быть богаче.

— Почему?

— Потому что на нем ответственность.

— Глупости, — говорю я и обнимаю его крепче, а Дар тихо смеется и снова запускает пальцы в мои волосы, заставляя меня мурлыкать, как кошку. Страх и боль отступают. Предательство матери еще жжет в груди, но уже не так сильно. Завтра новый день, и он непременно будет лучше.

Глава 14

Нам сложно друг от друга отлипнуть даже на следующий день. Мы проросли друг в друга. Слишком долго отрицали очевидное, и теперь нам необходимо быть рядом. Мне кажется, если я отпущу Дара и останусь одна, в мою жизнь снова ворвется кошмар. А я этого не хочу. Я хочу покоя. Но в то же время понимаю, что это неправильно. Я всегда функционировала как самостоятельная единица, и нельзя расслабляться. Это слабость, а я панически боюсь быть слабой.

К тому же и у Дара есть дела. Он словно извиняется передо мной, когда говорит, что до тренировки, которая сегодня вечером будет у нас совместной, ему нужно заскочить домой. Бабушка периодически работает с ним и его магией, делая все, чтобы высвободить, как можно больше магической энергии.

Ему тоже не хочется расставаться. Я вижу по глазам, но невозможно постоянно цепляться друг за друга. Нам важно понять — если мы ненадолго расстанемся, мир не рухнет. Дар уезжает, пообещав заехать за мной перед тренировкой. Добираться в город все так же неудобно. Проводив его, я иду в столовую. Потому что в любовном угаре есть тоже забываю, а вечером тренировка.

Так погружена в свои мысли, что не замечаю никого и ничего вокруг, поэтому неожиданный голос, который обращается явно ко мне, заставляет вздрогнуть.

— Все же, значит, он...

Поднимаю глаза и вижу Кита, который подпирает стену. Они так похожи с Даром, что сердце ускоряет бег, но отличает их выражение лица. Взгляд воспаленный и злой.

— Ты знал это.

Я пожимаю плечами. Я, действительно, не скрывала, поэтому суть претензий от меня ускользает.

— Знал, но думал, он оттолкнет тебя, — признается парень и проводит рукой по волосам, взлохмачивая светлую, падающую на глаза челку.

— И почему же? — От слов Кита становится обидно. Неужели я недостойна? Впрочем, конечно, недостойна и знаю это. Мы из разных

социальных слоев, и когда-нибудь это станет проблемой.

— Ты — вызов и напоминание Дару о его несовершенстве, потому что сама ты совершенна, — говорит Кит хрипло, а у меня вспыхивают щеки. — Умная, красивая, талантливая. Ему сложно с теми, кто, по его мнению, лучше. Наши отношения сильно разладились по этой причине.

— Ты считаешь себя лучше его? — усмехаюсь я и качаю головой. От Кита я такого снобизма не ожидала, но парень поясняет.

— Я — нет, и то, что ты выбрала не меня, прямое тому подтверждение. Дар — да. И это проблема...

— Мы разберемся, Кит..

— Это значит «не лезь»? — спрашивает он с болью.

— Да. — Я киваю. — Это значит «не лезь». Мне кажется, тебе не нужна я. Просто на меня обратил внимания Дар...

— Нет, Каро не нужно решать за меня, что нужно мне и почему. Мне просто не везет с девушками. Они всегда выбирают кого-то другого... неважно это мой брат или кто-то еще... ты не первая, кто предпочел не меня. Но ты, пожалуй, честнее. Ты не давала надежды, но все равно умудрилась залезть под кожу.

— Я не хотела этого.

— Знаю, но от этого не менее больно, — сообщает он и уходит, а я понимаю, что есть расхотела.

Разговор с Китом выбивает из колеи и оставляет неприятный осадок. Вроде бы и понимаю, что не виновата, но на душе кошки скребут, поэтому весь остаток дня я нахожусь в напряжении. До приезда Дара. Но даже с ним я не могу уже расслабиться. Нам предстоит еще одно испытание — тренировка, и я заранее готова сражаться за него.

Контролировать себя получается лишь до тех пор, пока мы не приезжаем в клуб. Я чувствую напряжение еще до того момента, как мы заходим в зал. Идем, держась за руки, и наши парни, которые считают меня своей, смотрят зло. Дар для них — вызов, некто посягнувший на меня, экзоскелет тоже как красная тряпка для быков. Мне это не нравится и иррационально злюсь на шэха, который поставил нас в такую ситуацию намеренно. Не только Дара, но и меня. Мне не комфортно в родном зале, потому что я волнуюсь за парня и ничего не могу с собой поделать.

Только Волк, пожалуй, нейтрален. Он просто знает чуть больше остальных и, думаю, предполагал чего-то такое. Он даже здоровается с Даром. Да, пока настороженно и издалека, но это уже неплохо.

Фрост шуруется. Здесь, в отличие от трека, он как рыба в воде. Не конкурент мне или Волку, но вот остальным вполне. И я понимаю, Фрост отомстит. Обязательно выйдет с Даром на татами и, как и в гонке, сдерживаться не будет. Только тут он в своем праве, травму проще представить, как несчастный случай. А я не могу этого позволить. Не хочу, чтобы Дар страдал из-за того, что Фрост с чего-то решил, будто имеет на меня какие-то права.

Сам Дар невозмутим. Мимолетно кивает Волку, отвечая на приветствие. Нагло ухмыляется Фросту, и я понимаю, что злит его сильнее. В этом весь Дар, нарываться даже там, где не стоит этого делать.

Дар выходит на татами без майки. Низко сидящие на бедрах штаны и сверкающий экзоскелет, который только подчеркивает развитую мускулатуру. Отросшие волосы собраны в маленький хвостик на макушке. Начинает привычно разминаться, не обращая внимания на заинтересованные взгляды девчонок и в большинстве своем агрессивные — парней. Он другой. Выделяется на общем фоне, не только экзоскелетом. А своей независимостью, нахальным взглядом. Я сама долго боролась с желанием ему всечь. Не сразу поняла, что это защитная реакция.

Первый выпад следует от Фроста. Он уже размялся и жаждет крови, поэтому делает выпад, едва в зале появляется шэх. В этом тонкий расчет — при шэхе можно выяснять отношения только на татами, поэтому не прикопаешься.

— А что у нас инклюзивная секция?— выплевывает парень, и меня подрывает. Но шэх успевает отрезать первым.

— Мне кажется, твоего мнения не спрашивали, Фрост. На татами все равны. Я, кажется, учил вас этому?

— Нам опустится до его уровня? Я не понял? Потому что совершенно очевидно ему до нашего не подняться. Вы же сами говорили, цеуньши — это не благотворительная организация. Мы сильнейшие, и отбор сюда строгий.

— Ну, значит, он этот отбор прошел. Подвергаешь сомнению мою квалификацию? — Шэх вздергивает бровь.

— До твоего уровня и опускаться не надо, — не выдержав, замечаю я и выхожу в круг, начерченный на татами. Фрост смотрит на меня с усмешкой. Честно сказать, шэх такое не приветствует, и я жду, что он меня выгонит. Я зла, а злость не лучшая помощница, но учитель кивает Фросту, выставляя его со мной.

Ловлю холодный взгляд Дара, замечаю руки сжатые в кулаки, и становится не по себе, но парень молчит, и я тоже не отступаю. Это убийство для Фроста, и все это понимают. Но сегодня я его не жалею, бью жестко, вынося гарантированно, чтобы не очухался до конца тренировки и не смел лезть к Дару. Это в моих силах. Я не зря лучшая.

Понимаю, что сделала, когда Фрост с окровавленной физиономией смотрит на Дара.

— Ну че, как тебе, когда за тебя дерется девчонка? — презрительно спрашивает он, а я понимаю, что сама того не желая, просто шла на поводу у Фроста. Он хотел унижить Дара и, желательно, не своими руками. Видимо, унижить через меня ему показалось отличной идеей. Сдерживаюсь, чтобы не добить лежащего, такого шэх точно не позволит.

— Она дралась за себя, — спокойно отвечает Дар, но я вижу, что его взгляд леденеет. — Ты не предлагал мне спарринг. Ты заранее решил, что круче, как тогда на треке... а это чревато поражением. Всегда.

— Она всегда будет прикрывать твою жопу, а знаешь почему? — не сдается Фрост. — Потому что знает, ты слабее любого из нас. Зря пришел.

— Заткнулись! — рыкает шэх. — Фрост. Если ты не способен себя контролировать, ты сидишь дома и не появляешься на тренировках. Каро, научись уже отвечать за себя и свои действия. Дар, тебе придется учиться взаимодействовать с остальными. Это всем понятно?

На душе муторно. И вроде бы мне не в чем винить себя, и Дар скандал не устраивает, но все равно остался липкий осадок. Хочется сбежать и поговорить с парнем, но нельзя. Тренировка. Шэх точно не оценит.

Дар на меня не смотрит. Тренируется, как машина. Методично, не понижая нагрузку, хотя объективно видно, что ему лишку и пора тормознуть. Но останавливаться он не умеет, я вижу в каждом его

движении адреналин и злость. В спарринге он заваливает парочку наших парней. Да, новичков, но и сам Дар только пришел. Это его первая тренировка в команде. Я невольно думаю, на что же он был способен без экзоскелета? Ему просто дается любой спорт. Даже сейчас. Но он перегибает, ему всегда мало. На спицах кровь, поджарое, прокачанное тело блестит от пота, а на лице восковая маска. На меня парень не смотрит, и я злюсь, но его тоже не трогаю, хотя хочется отвесить подзатрещину, потому что позиция «сделаю себе хуже всем назло» мне неблизка.

Даже Волк косится на Дара с опаской, потому что понимает — мой парень отбитый.

— Дар, отдыхает! — припечатывает шэх, но парень только бросает на него ледяной взгляд, продолжая тренироваться. Но с шэхом бесполезно качать права.

— Или отдыхаешь, или это твоя последняя тренировка! — рыкает он.

Дар, останавливается, подхватывает с лавочки полотенце, которое уже в крови и не прощаясь стремительно выходит из зала, кидаюсь за ним, но шэх осекает и меня.

— Куда? Твоя тренировка не закончилась! Каро, я ведь тебя предупреждал! Или ты тренируешься и не отвлекаешься, или я убираю то, что тебя отвлекает! Думай о себе, твой парень может постоять за себя сам. Ты ему не мамочка.

Кровь приливает к щекам, Фрост на лавке мерзко хихикает, как гиена. До тех пор, пока проходящий мимо Волк не бьет его в солнечное сплетение, коротко, резко и незаметно. Шэх и делает вид, будто не заметил такое самоуправство, хотя всем в этом зале доподлинно известно, когда надо, у шэха есть глаза даже на затылке.

Мы возвращаемся к тренировке. Не сразу замечаю, что Волк тоже ушел вслед за Даром.

— То есть Волку можно, а мне нет? — шиплю обиженно и едва не пропускаю удар от Элины, что совсем позорно, но все же успеваю уйти, закручивая вокруг себя ментальные потоки. Тихонько толкаю ими соперницу на маты. Она летит на спину, но уходит в красивый кувырок и снова атакует, вспыхнув огоньком. Красиво и эффектно. Достойная смена растет.

— Каро, Волк мог просто выйти по своим делам, не могу же запретить ходить своим ученикам в туалет? Ты же бросила все, когда ушел Дар. Нельзя так! Не заставляй меня отчитывать тебя при всех! — предупреждает он. - До соревнований несколько дней! Соберись уже!

У меня получается взять себя в руки и отработать тренировку до конца. Даже навалить Волку, который возвращается почти сразу же. Без сил падаю на татами, с трудом отскребаю себя и иду переодеваться. Надеюсь увидеть Дара в коридоре, но его там нет. К сожалению, окна раздевалки выходят на парковку. На душе муторно. Не мог же он уехать и бросить меня? Или мог? Вполне в стиле того, прошлого Дара.

Мрачно иду в душ, сушу волосы и выскакиваю на парковку с колотящимся сердцем и дрожащими руками. Ненавижу себя за эту истеричную слабость.

Все же мог. Магмобиля Дара нет, а мне становится обидно. Нет, не потому, что Дар психанул и уехал, а потому что бросил меня, прекрасно зная, что добираться до колледжа неудобно. Зная, что за мной охотится маньяк. Нет, я, конечно, решу проблему, как решала всегда, но больно оттого, что "мы" закончились так быстро.

— Каро!

Оборачиваюсь на знакомый голос и вижу за спиной Волка с сумкой, перекинутой через плечо. Вот сейчас бы я с удовольствием превратилась в невидимку. Неужели он не мог тактично пройти мимо?

— Поехали, отвезу. — Из уст друга это звучит даже не как предложение, скорее, как констатация факта. Злюсь.

— Сама доберусь! — Огрызаюсь недовольно, так как мне больно, обидно и совершенно точно я не хочу, чтобы кто-то видел меня в таком состоянии. А Волк ведь молчать не будет, обязательно спросит, почему Дар кинул меня тут одну. А я не знаю ответа на этот вопрос. Но друг удивляет.

— Прости, не выйдет, — упрямо заявляет он и пожимает плечами. — Я обещал Дару доставить тебя в колледж в целостности и сохранности.

— А вы уже друзья? — фыркаю я, не собираясь признаваться, что от души немного отлегло. Дар уехал, но не перестал за меня волноваться. Это подкупает.

— Друзья. Не друзья... какая разница. В отношении тебя у нас одинаковое мнение, тебя лучше не оставлять одну.

— Раз он так беспокоится обо мне, почему не остался и не подождал меня сам?

— Ну, мне кажется, этот вопрос тебе лучше задать ему. Не находишь? — спрашивает Волк, а я морщусь. Совершенно точно, я не буду задавать Дару этот вопрос. Я, вообще, не готова никакие вопросы ему задавать. Это он ушел, а не я. Вот пусть и приходит тоже он. Мне кажется, это справедливо.

— Не нахожу. Поехали, — огрызаюсь я и направляюсь к осе друга.

— Ты неправильно вела себя, Каро. Ты хоть это понимаешь? — говорит мне в спину Волк, и я резко притормаживаю, сжимая кулаки и впиваясь ногтями в руки, чтобы не сорваться.

— Как неправильно? Фрост бы его покалечил!

— Вот в этом ты и не права. — Волк вздыхает, словно пытается разговаривать с неразумным ребенком. — Дар сильнее, чем ты думаешь. Ему не нужна твоя защита. Неужели, ты просто не можешь поверить в него?

— Я не хочу им рисковать.

— Ну, я и говорю, что ты ведешь себя неправильно. — Волк качает головой, но больше не спорит. Я тоже не спорю, но на душе паршиво. Ну почему я не должна была вмешиваться? Почему я не могу защитить того, кто мне важен?

Именно об этом я думаю всю дорогу. Примеряю на себя шкуру Дара и к моменту, когда оказываюсь на территории колледжа, почти признаю свою неправоту. Первый порыв идти к Дару и поговорить, но мы оба взрывные. Я еще не до конца осознала свою вину и злюсь, что он не ценит заботу. Он тоже, подозреваю, вряд ли остыл. Решаю, что нет ничего такого, что не может подождать до утра.

Немного параноит необходимость оставаться одной в комнате. Мне все еще страшно. Но я решаю, что нужно перестать бояться любого шороха. Уже на подходе вижу тонкую полоску света, и сердце начинает биться быстрее. Хотя это совершенно ненормальная реакция. Я все еще живу не одна.

Не ошибаюсь в своих подозрениях. В нашей комнате Энси.

— Ой! — испуганно подскакивает она, когда я захожу, и едва не роняет банку с чаем с верхней полки, но успеваает поймать налету.

— Ты решила вернуться? — спрашиваю я осторожно. Понимаю, Энси может быть здесь, только если разругалась с парнем. Но девушка, потупившись, улыбается.

— Да нет, забежала за некоторыми вещами. Но вышла раньше, еще полчаса свободных. Чай? — Она демонстрирует мне банку, и я, кивнув, соглашаюсь. Почему бы и нет? Все лучше, чем сидеть одной в темноте.

Мы болтаем пару часов, а потом Энси в один момент, получив сообщение, подрывается. Хватает сумку и поспешно прощается, даже не допив свой чай.

— Прости, Каро, но мне нужно спешить! Я была так рада тебя видеть! — тараторит она, надевая ботинки, а я смотрю на эту нервозную суетливость, и мне становится противно, хотя неправильно испытывать это чувство, если не к подруге, то к приятельнице точно. Но как же нужно себя не уважать, чтобы так зависеть от парня. Мне никогда подобного не понять.

Проводив Энси и закрыв за ней дверь, решаю лечь спать. Слишком длинный день, ссора с Даром, которая так и не была облечена в слова, общая накопившаяся усталость, заставляют меня вырубиться тот же миг. Радуюсь, что хотя бы заставила себя раздеться.

Сон липкий, тяжелый и какой-то неестественный. Я словно муха, упавшая в мед. Вроде бы пытаюсь проснуться, но не могу. Сон затягивает все глубже, лишая сил и возможности сопротивляться. Еще бы понять почему, но в голове вата. Борюсь со слипающимися глазами, но очень быстро забиваю. Ведь непонятно, почему мне нельзя сейчас засыпать. Ночь, я у себя в комнате в безопасности.

Просыпаюсь от крика и то того, что кто-то трясет меня за плечо. Подрываюсь резко и едва успеваю задержать руку, занесенную для удара. Вовремя замечаю у своей кровати заплаканную и, похоже, напуганную Энси.

— Я... я... — всхлипывает она. — Я думала, что ты умерла! Каро! Я так испугалась! Я пришла... а ты... — захлебывается слезами подруга.

— Так! Объясни...

В комнате полумрак. Явно раннее утро, спросонья я соображаю плохо, поэтому не сразу улавливаю несоответствие. Сажусь на кровати и с удивлением тарашусь на пышную юбку, прикрывающую колени.

— Что это за хрень? — Не сразу соображаю, что говорю это вслух.

— Тебе лучше посмотреть на себя в зеркало... — осторожно произносит Энси, а от ужаса в ее глазах, у меня леденеет где-то в районе солнечного сплетения.

Я подскакиваю, несусь к шкафу с зеркальными дверцами и с ужасом смотрю на себя, пока Энси рассказывает.

— Мы поругались с парнем... — печально вздыхает она. — Я каждый раз наступаю на те же грабли... но это неважно. Я психанула и уехала. На этот раз совсем. Захожу, а тут ты... — Она снова всхлипывает, а у меня дрожат руки и губы.

Смотрю на себя в зеркало и понимаю, что близка к тому, чтобы просто уплыть в обморок. Мои гладкие черные волосы завиты крупными упругими локонами, собраны с висков и заколоты на затылке крупным кукольным бантом. Неестественный румянец на щеках, наклеенные длинные ресницы и, по-особому покрашенные алые губы, делающие кукольный образ еще более правдоподобным. Из одежды на мне платье, с пышной юбкой и кружевом. Очень знакомое платье, его словно заказывал в той же мастерской, в которой заказывал его Он.

Кто-то ночью сотворил со мной такое, а я, даже подозревая опасность, не смогла проснуться. Накрывает паника и отчаяние, и я чувствую, как, отступив, начинаю сползать по стене, закрыв голову руками. Меня сносит волной панической атаки.

— Каро! — зовет меня Энси откуда-то издалека. — Каро! Да что же такое!

Она мечется передо мной, а я даже на эту суету не могу отреагировать. Когда Энси это понимает, то, разрыдавшись, выскакивает из комнаты, оставив меня одну в прострации. А мне наплевать. Мне сейчас вообще на все наплевать, я словно не здесь.

Глава 15

Кто-то приходит. Ко мне обращаются по имени, но я среди лиц, слившихся в одно, среди голосов, которые что-то от меня требуют — вижу только его. Дар. Только он способен вытянуть меня из оцепенения и заставить дышать, двигаться, говорить.

Отступают обиды, становится неважно, кто и почему ушел, не попросил прощения. Мне нужен он. Здесь, сейчас и всегда.

— Каро!

Дар расталкивает кого-то из преподавателей и подхватывает меня на руки прямо с пола. Хочу сказать, что ему «нельзя», но молчу. Потому что сейчас я слабая, сильный он. Я покоряюсь этой силе. Обхватываю его за шею и с рыданиями утыкаюсь в воротник рубашки. Мне все равно, куда и зачем он меня несет. Лишь бы был рядом. С ним я чувствую себя живой, а не куклой.

— Все пошли отсюда! — рыкает парень, на набившихся в комнату людей. Энси своими воплями собрала кучу зевак. Как всегда.

— Молодой человек... что вы себе позволяете? — возмущается кто-то из преподавателей. Я даже не могу понять, кто. Перед глазами пелена слез. В голове туман. То ли, потому что не прошел эффект зелья или заклинания, которым на меня воздействовали. То ли, я значительно слабее, чем представляла себе.

— Вы видите, ей плохо!

— Так, может, врача? — суетливо предлагает Энси, пытаюсь угодить. На ее лице застыло встревоженное выражение.

— Ее шэха и Лестрата. Больше никого не нужно, — коротко отрезает Дар.

— Некроманта? — в ужасе выдыхает девушка.

— Не мельтеши! Пожалуйста! Кит! — кричит Дар, и я понимаю, что второй близнец тоже здесь. А я его даже не заметила.

— Я тебя услышал, — отзывается он. Фокусирую взгляд и вижу только спину Кита, который уходит, чтобы выполнить поручение брата. Когда надо, между ними воцаряется удивительное взаимопонимание.

— Молодой человек, куда вы ее несете? — доносится сбоку, и Дар рвано отвечает:

— В душ! Чего непонятного? Ее пугает этот образ! Нужно смыть дурацкий грим.

Заполнившие мою комнату люди, что-то спрашивают, но Дар их не слушает. Запихивает меня ванную комнату и под возмущенные вопли преподавательского состава захлопывает дверь. Меня постепенно начинает отпускать, но я все равно напугана и растеряна.

— Каро, дыши! — просит Дар, открывая воду. — Просто дыши и ни о чем не думай. Сейчас все будет хорошо! Ты свободна, жива и здорова. Это главное.

Киваю и беспрекословно позволяю избавить меня от платья. Трясет. Мелкая дрожь, пробивающая до костей. Противно, потому что мне переодели даже нижнее белье. Сейчас на мне кружевные панталоны с рюшами, как на фарфоровой кукле.

— Я не понимаю, как он мог зайти! — рыдаю я. — Я была заперта. Я снова ничего не чувствовала. Я нигде не могу быть в безопасности. Это выбивает из колеи.

— Это я виноват...

Дар избавляет меня от последней одежды и засовывает в ванну, льет побольше пены и для надежности задергивает шторку.

— В чем? — нахожу в себе силы и спрашиваю я. Пока сложно сосредоточиться на его речи. Но когда получается, страх отступает, и я чувствую себя лучше. Живой.

— Я не должен был психовать и уходить вчера. Не тогда, когда тебе угрожает опасность.

— Ты не можешь всегда быть со мной рядом... — устало отзываюсь я.

— Я должен всегда быть с тобой рядом.

От этих слов становится тепло, а, может быть, от обжигающей воды, которая стремительно наполняет маленькую ванную.

— Ты ведь не уйдешь сейчас? — тихо спрашиваю я. — Вот сейчас мне точно нужна твоя поддержка.

— Не уйду, — соглашается Дар. Я отодвигаю шторку, потому что пена заполнила ванну до краев и я плотно спрятана под ней. Хотя, даже когда Дар меня раздевал, я не испытывала стыда или смущения. Он мой. Слишком мой, чтобы между нами остались преграды. Сейчас

я понимаю, это отчетливо. И это осознание, как вспышка среди ясного неба.

А парень, тем временем, наносит на мои волосы шампунь, осторожно смывая кукольную укладку, и я расслабляюсь, распределяет по прядям кондиционер, а я смываю с себя непривычный, плотный макияж, нанесенный так умело, словно это делал бьюти-маг.

С водой уходит страх. Когда вылезаю и заворачиваюсь в свое привычное и уютное полотенце, уже почти чувствую себя собой.

— Стой, — командует парень. — Сейчас принесу тебе что-нибудь из одежды.

— Хорошо.

Я киваю, отказываясь признаваться, что не хочу отпускать Дара от себя даже ненадолго. Пока его нет, вытираю волосы, тщательно просушивая их полотенцем.

Дар возвращается с халатом буквально через минуту и уверенно говорит.

— А сейчас мы уходим отсюда.

— Откуда? — подозрительно уточняю я.

— Из этой комнаты. Ты тут больше не живешь.

— А где я живу? — задаю еще один очень важный, на мой взгляд, вопрос.

— У меня.

— Дар, не хочу показаться занудой, но у тебя живет Кит.

— Я думаю, он решит эту проблему. Может ночевать здесь. Энси все равно пропадает у парня.

Сил спорить нет, и я позволяю себя увести от толпы и комнаты, которая вызывает у меня ужас. Оказавшись в комнате парней, просто сворачиваюсь клубочком в кровати Дара и тихо радуюсь, что Кита нет. Не хочу никого видеть, только Дар меня не раздражает сейчас. Подушка пахнет им. Едва уловимый запах знакомого геля для душа. Прикрываю глаза и успокаиваюсь, уткнувшись в него носом. Меня действительно отпускает. Дар прав. Я жива, здорова и свободна. Что еще нужно? А нужно мне не бояться, страх выматывает, и я на грани, а в ближайшее время сил потребуется очень много.

Дар присаживается рядом со мной на кровать и кладет руку на плечо. Перебирает волосы, и я начинаю дремать. Молчим. Дар

начинает говорить первым и совсем не о том, о чем я жду. Не знаю, это хорошо или плохо, но, безусловно, полезно.

— Ты ведь понимаешь, что твоя мать сейчас далеко отсюда? — осторожно интересуется он. — Она в камере. Уверен, Лестрат ее не выпустил...

— И что ты хочешь сказать? — устало спрашиваю я. Его пальцы в моих волосах успокаивают, и я не хочу думать про маньяка.

— Она не виновата, Каро... ты ведь понимаешь это?

— Я сразу об этом говорила. Она слабая, Дар. Она может только идти у кого-то на поводу.

— И, думаешь, идет?

— Я уже ничего не знаю. Я не знаю ее. И не хочу узнавать.

— Мне кажется, тебе нужно с ней поговорить. Она может знать что-то. Если она жила с твоим похитителем, возможно, она знает о нем что-то. Что-то такое, чего не знают другие.

— К чему ты клонишь? — уточняю я, понимая, что избежать разговора не получится. Да и неправильно, поэтому беру себя в руки и заставляю подняться, но подушку, пахнущую Даром не отпускаю, прижимаю к животу.

— Тот, кто преследует тебя, точно не сам маньяк, — продолжает парень. — Он мертв, об этом говорят все. Начиная с твоей матери, заканчивая служителями лечебницы. Но тот, кто сейчас изводит тебя, слишком хорошо знает ту историю. Слишком. Мне кажется, в тот период времени он был где-то рядом, наблюдал за происходящим, но со стороны.

В словах Дара есть истина. Мне тоже приходило это в голову.

— Именно поэтому мама попала под подозрение. Она знала его лучше всех.

— А что, если был еще кто-то?

— Дети? — уточняю я, в целом очевидную вещь.

— Возможно. Или кто-то, кому он был дорог. Если кто-то знает о них, это твоя мать. Тебе нужно с ней поговорить, Каро. Если она кому-то расскажет правду, то только тебе. Она не лучшая мать, и я ее ни в коей мере не оправдываю, но может быть полезна.

— Наверное, ты прав... — нехотя соглашаюсь я, хотя даже мысли о необходимости с ней общаться вызывают болезненные спазмы в

районе живота. — Но не сейчас. Сейчас я не хочу ни с кем говорить, не хочу думать...

— А чего ты хочешь?

— Чтобы ты меня поцеловал, — признаюсь я и тянусь губами к губам.

Сопротивления не встречаю. Дар сам качается в мою сторону и впивается в губы жадным поцелуем. Я рядом с ним всегда, как на вулкане. Между нами не бывает штиля. Всегда все сложно и немного больно, и от этого особенно сладко. Горячее дыхание, обжигающие прикосновения, от которых моментально срывает крышу. Из головы вылетают абсолютно все мысли. Маньяки, платья куклы, соревнования — все становится неважным. Только вкус его губ, уверенные движения и будоражащее, зарождающееся внутри живота желание.

Воздух между нами наэлектризован, и мне определенно не хватает Дара. Всего его, а не только губ. Одних поцелуев мало. Его тело рядом кружит голову. Провожу ладонями по напряженной шее, очерчиваю пальцами спицы экзоскелета, перемещаюсь на плечи, обрисовывая под тонким шелком рубашки совершенный рельеф. Борюсь с желанием расстегнуть пуговицы и ощутить кончиками пальцев его кожу. Но для этого придется немного отстраниться, а я пока не готова.

Судорожный выдох в губы и Дар усиливает напор. Горячие руки на моей спине, съехавшие с плеч полы халата и влажные, горячие движения его языка. Это лучший антистресс, который только можно придумать.

— Дар...

Со стоном отстраняемся друг от друга, я попутно натягиваю халат и прячу пылающее лицо за распущенными волосами. Кита не учили стучаться? Или это не актуально, когда заходишь к себе в комнату? Как же неловко!

— Вай-вай! А я иду приводить в порядок Каро! — слышу задорный голос Мары и все же поворачиваюсь. Она подпрыгивает за спиной Кита, пытаясь через его плечо разглядеть, что творится в комнате. — А ее уже привели!

— Еще нет... — хрипло отзываюсь я, мечтая, чтобы все ушли. Но, думаю, это вряд ли возможно.

— Там приехали Лестрат и шэх. Тебя ждут. Директор снова в гневе, рвет и мечет... — сухо отзывается Кит и добавляет. — Каро, будь осторожна.

— В чем дело?... — расслабленное настроение улетучивается. — Я и так...

— Твоя жизнь не только маньяк, — поясняет парень. — Если завалишь соревнования, директор попытается тебя выкинуть...

Сердце падает в желудок. За всеми этими событиями я забыла, насколько шаткое мое положение в колледже. Меня взяли только за спортивные заслуги. Пока никаких результатов я не показала, учусь редко, а вот проблем вокруг меня много. Отчасти я даже понимаю директора, но мне от этого не легче.

— Я сделаю все от меня зависящее. Сейчас вот, например, преодолею себя, схожу в свою комнату, переоденусь и отправлюсь делать вид, что со мной все нормально перед шэхом, Лестратом и директором.

— Никуда идти не надо, ничего преодолевать тоже. — Мара, наконец-то, пробирается в комнату, протиснувшись мимо Кита. — Я принесла тебе одежду.

— Снова свою? — вздыхаю я.

— Ну, зачем же? — удивляется девушка. — Твою. Из шкафа. Но хочешь, за своей схожу?

— Не нужно! — отмахиваюсь я и, схватив вещи из рук Мары, сбегая в ванную комнату переодеваться. За время нашего короткого диалога Кит успевает уйти, а мне становится неловко. Мне определенно не хотелось делать ему больно, и чтобы он застал нас с Даром в такой провокационной позе, тоже не хотелось. Но он тоже хорош. Что мешало постучать?

Дар порывается идти со мной говорить с шэхом, Лестратом и директором, но я пресекаю на корню этот порыв. В некоторых вещах я хочу сохранить самостоятельность. Точнее, во всех. Слишком заманчиво переложить свои проблемы на другого. На того, кто поддержит, не даст упасть в бездну и все решит. Но я привыкла рассчитывать только на себя. А Дар... у нас с ним все так болезненно нежно и непонятно... я пока не могу рассчитывать на него. Не потому, что в него не верю. Я не верю в себя.

Когда оказываюсь в кабинете директора, у меня ощущение, что все повторяется. Директор недоволен, шэх мрачен, Лестрат расспрашивает, пытаюсь вытянуть подробности, а я устала и хочу, чтобы все закончилось. Мелькает мысль, а, может, ну его все. Просто собрать вещи и уехать. Куда-нибудь далеко, где не нужно учиться, завоевывать место под солнцем, кому-то что-то доказывать. Преподавать цеуньши детям где-то на берегу моря. Куда заниматься ходят просто, чтобы развеяться, а не ради высоких наград и достижений, но мне видится это слабостью, а еще предательством по отношению к шэху. А еще я не уверена, что маньяк не найдет меня и там. Нет уж, с проблемами нужно разбираться здесь и сейчас. Нельзя убегать от них всю жизнь. Я не хочу этого.

— Каро, — обращается ко мне директор в конце разговора, когда я сотый раз пересказываю вчерашний вечер и сегодняшнее утро. — Ты ведь понимаешь, что твое обучение тут зависит от твоих спортивных побед. А пока я вижу, что ты занята всем, кроме твоей спортивной карьеры.

Наверное, я бы задохнулась от возмущения, если бы Кит меня не предупредил, а так только молча сжимаю зубы и позволяю шэху ответить за меня.

— Когда Каро сюда поступала по гранду, ей обещали отличное образование и, естественно, безопасность, которую вы своим студентам, похоже, предоставить не можете.

— На что вы намекаете? — возмущенно поджимает губы директор.

— Да, вам не намекают, а прямо говорят, — вставляет свое веское слово Лестрат. — Это я вам, как магследователь подтверждаю.

— Вы не магследователь.

— А простите, я штатный некромант магследования. Действительно, что это я себя в должности-то понижаю. Вам нужно молиться, чтобы то, что тут творится, не дошло до попечительского совета...

— Вот я и молюсь! Молюсь денно и ночью. И именно поэтому... — Он в упор смотрит на меня и жестко произносит. — Хочешь тут учиться, побеждай. Все ясно?

— Да, мне все ясно, — говорю я и поднимаюсь, намереваясь уйти, но меня останавливает шэх.

— Еще пять минут Каро. Я хочу сказать при тебе. Следующие несколько дней ты живешь у меня.

— Что? Почему?

— До соревнований три дня, — поясняет он. — Тебе надо готовиться.

— А учиться мне не нужно?

— А это пусть скажет нам директор...

Директор крайне недоволен. Он морщится, мнется, но потом говорит:

— Прогулов не будет. Проблем с преподавателями тоже. Я все решу. Твоя задача готовиться к соревнованиям...

— Но... почему? Изначально мне говорили, поблажек в связи с соревнованиями не будет? А сейчас, получается, вы даете добро?

— Изначально, у меня по колледжу не шастал маньяк, — отрезает директор. — Найдите того, кто ей угрожает. А ты принеси первое место, а потом я надеюсь, мы забудем все, что тут происходило, и наконец-то установится рабочая атмосфера.

— Это, что меня выгнали, что ли? — возмущенно уточняю я, оказавшись в коридоре. — Типа занимайся, где хочешь и чем хочешь, лишь бы подальше от колледжа.

— Типа того, — отвечает вместо шэха Лестрат.

— А если я не хочу уезжать?

Шэх вздыхает и поворачивается ко мне. Смотрит сурово из-под нахмуренных бровей. Новичков такой его взгляд обычно пугает. Меня — нет. Я знаю, за ним скрывается не злость, а собранность. Он сейчас подбирает слова.

— Каро, я знаю, ты считаешь, что я имею что-то против Дара и, возможно, подумаешь, будто я пытаюсь изолировать тебя от него. Но это не так. Я не против него. Я за тебя. И ты сама знаешь, перед соревнованиями, чтобы получить крутой результат, надо думать о соревнованиях. Только о них. Ты не в лучшей форме, но у тебя есть три дня, чтобы все исправить. Я ведь могу на тебя рассчитывать?

— Да.

Я киваю, но понимаю, что не чувствую уверенности, которая всегда была со мной.

— Тогда пошли.

— Подожди, возьму кое-какие вещи и скажу Дару, что следующие три дня меня не будет.

Глава 16

Следующие трое суток я пашу, как проклятая. Так, как не выкладывалась уже давно. Наверстываю упущенное. Шэх расслабляется, считая, что, наконец-то, я в порядке.

Но я не в порядке. Я на пределе. Чувствую себя, как натянутая струна. Достаточно мелочи и она порвется. Мечтаю, только чтобы произошло это после того, как я докажу, что все еще чемпион. Мне важно закрепиться в колледже, поэтому сосредоточена на предстоящих соревнованиях. Но полностью выкинуть из головы всю остальную жизнь я тоже не могу.

Я знаю, мать отпустили, и держу в голове, что после соревнований должна съездить к ней. Пытаюсь не думать об этом, потому что соревнования будут когда-то, а сейчас можно расслабиться, пока до травмирующего разговора долго. Знаю, это позиция страуса, прячущего голову в песок, но иначе не могу.

Даже в день соревнований просыпаюсь с похожими мыслями — до разговора долго. Мне нужно сосредоточиться на сегодняшнем бое. Это отборочный тур, билет на следующие более престижные соревнования. Я не сомневаюсь, что пройду этот тур. Но моя задача более амбициозная. Я должна стать сегодня первой. Этого от меня ждут в колледже, этого ждет от меня шэх. И, в целом, за минувшие три дня я убедилась, что не утратила физическую форму из-за вынужденных пропусков. Я боюсь признаться всем и даже, пожалуй, себе в том, что потеряла гораздо большее — уверенность в своей непобедимости. Я знаю, как это плохо, но пока не могу ничего сделать. Могу только надеяться, что это не скажется на том, как я буду вести себя на ринге.

Я эти дни не слышу ничего про маньяка. То ли план шэха сработал. Я не остаюсь одна, Волк проверяет мою комнату, прежде чем я туда захожу, я не появляюсь в колледже, даже в клубе ужесточили правила, и туда никто не может зайти с улицы. То ли мой преследователь затаился. Но в этом случае я не сомневаюсь в том, что он снова проявит себя. И даже подозреваю когда.

С Даром я вижу урывками на тренировках. Мы настолько в разных лигах, что почти не пересекаемся. Шэх гоняет меня, у Дара более легкая программа, но он тоже пашет. Правда, чаще всего в другом конце зала. Пару раз закусывается с Фростом и один даже умудряется уложить его на лопатки. Да, исключительно потому, что Фрост склонен недооценивать противника, но этот случай позволяет Дару окончательно завоевать симпатию наших парней. К нему еще относятся настороженно, но я вижу, что принимают за своего. С Волком у них вообще, похоже, зарождается дружба. По крайней мере, они часто стоят в паре и, вполне себе непринужденно общаются.

Мне без Дара тоскливо. Но вечерами я вырубаясь в тот же миг, как оказываюсь возле кровати, поэтому тосковать особенно некогда. У шэха сейчас живет Волк, как понимаю, следит за мной, и Кристина — мелкая, зашуганная. Она недавно занимается, с матерью проблемы. Девчонка не нужна никому. И очень напоминает меня. Я была такой, когда попала к маньяку. Она тоже знает, что у меня неприятности и за мной нужно присматривать, никого чужих не пускать в дом и, если что, сразу звать Волка или шэха. Так и живем.

Я присматриваю за ней, они с Волком и шэхом за мной. Шэх отвозит меня на тренировки, Волк обратно, и только с утра перед соревнованиями наш распорядок нарушается. За мной приезжает Дар. Шэх недоволен, но не возражает. А мне приятно, что парень решил меня поддержать. Это на самом деле очень для меня важно.

— Я бы сам ее отвез, — говорит ему шэх.

— Не сомневаюсь, — Дар пожимает плечами. Он стоит в дверях, привалившись плечом к косяку. Светлая кофта без горла, бежевые штаны и белоснежные кроссовки. Я не могу перестать любоваться им. — Но хочу отвести сам.

— Ей не стоит отвлекаться.

— Я вроде как не в тюрьме, — огрызаюсь невежливо, но поделаться ничего с собой не могу. Я очень хочу, чтобы сегодня меня отвез именно Дар. В этой своей светлой кофте, красиво обрисовывающей мышцы, в бежевых модных штанах и дорогих кроссовках. Я хочу сидеть в салоне его магмобиля и вдыхать запах новой кожи. Мне жизненно необходимы положительные эмоции.

Шэх закатывает глаза и поднимает руки, показывая, что не хочет с нами сражаться. А я прихватываю свою спортивную сумку и

запрыгиваю к Дару в магмобиль.

Поцелуй обжигающей жаркий. Жадный, от него все замирает внутри, и меня окатывает волной жара. Я так скучала! По его обжигающим губам, наглым рукам и той энергетике, которая исходит от Дара. Как жаль, что мы спешим, и нет возможности уехать на край света и остаться одним. Дыханья не хватает, и я торопливо отстраняюсь, понимая, что скоро у шэха возникнут вопросы, и он не постесняется заглянуть к нам в окно. Не хочу краснеть и оправдываться.

— Поехали, — шепчу я, и парень срывается с места, без слов понимая, почему я спешу уехать.

— Ты ведь вернешься после соревнований? — спрашивает меня он. — Скучаю.

— Вернусь, конечно. Я тут как в клетке. Шэх думает, что мне так лучше...

— Это не так?

— Нет. И мне страшно, — признаюсь я Дару, как только мы отъезжаем от дома шэха. Не знаю почему, но парню я могу это сказать. Друзьям и учителю не смогла. Постоянный страх отравляет мне жизнь. Я стала дерганая, нервная и неуверенная. Меня отпускает только рядом с Даром.

— Почему? — удивляется он. — Для тебя это рядовые соревнования. Что может пойти не так?

— Я могу пойти не так. — Вздыхаю и поворачиваюсь к окну, изучая знакомые улицы города. — Цеуньши было для меня преодолением. Чем больших высот я достигала, тем дальше отступали страхи и прошлое. А сейчас все перемешалось.

— Ты считаешь, если маньяк рядом, ты стала слабее? Каро, это же бред!

— Знаю. — Пожимаю плечами. — Но я понимаю это разумом, а где-то глубоко внутри я маленькая и слабая девочка, которая боится любого шороха.

— Каро, не дай ему тебя победить. Он просто пугает откуда-то издалека, а ты уже готова сдаться. Я не узнаю тебя.

— Я сама себя не узнаю. Наверное, я просто устала и не верю, что все это закончится. Просто темнота впереди.

— Не смей так говорить, — приказывает он. — Каро, ты сильная. Я, когда впервые увидел тебя — это была первая мысль. Какая же она сильная, я не смогу так.

— Ты меня ненавидел!

— Конечно, — не спорит он. — Потому что понимал, я никогда не поднимусь на твой уровень. Не пытайся сейчас опуститься до моего. Ты заставила меня снова захотеть сражаться за то, что для меня важно.

Мне действительно становится лучше с приездом Дара, разговор возвращает веру в себя, и я успокаиваюсь окончательно. К моменту, когда мы подъезжаем к спортивному комплексу, в котором будет проходить соревнования, у меня даже появляется подобие боевого настроения.

Иду переодеваться, Дар коротко чмокает меня в нос и спрашивает.

— Взять тебе кофе?

— Можно, — соглашаюсь я. — Переодеюсь и выйду к тебе. Шэх еще не подъехал. У нас есть минут пятнадцать, а потом он заберет нас на разминку и инструктаж.

— Хорошо. Я как раз встречу Мару и Кита.

— Они подъедут?

Для меня это настолько радостно, что не могу сдержать улыбку. Так вышло, что друзей за пределами клуба у меня нет. А это так приятно, когда за тебя болеют с трибун.

— Конечно. Они не могли пропустить.

В раздевалку я захожу в приподнятом настроении. Ищу шкафчик со своим именем на дверке, открываю его, и к моим ногам вываливается засушенный цветок и записка. Сердце подскакивает в груди, а ледящий душу страх возвращается. Я смотрю на нежные высохшие лепестки и сложенный вчетверо желтоватый лист бумаги и хочу сбежать, но вместо этого присаживаюсь и дрожащими руками разворачиваю записку.

«Ты моя Каро. Как и раньше. Покорная и послушная. Ты ходишь, дышишь и просыпаешься утром, потому что я позволяю тебе. Но скоро все закончится. Ты вернешься туда, где твое место на полку для кукол. И в этот раз я закончу то, что должен».

Буквы плывут перед глазами, и я, кажется, забываю, как надо дышать. Маньяк знал, когда ударить и как это сделать максимально эффективно.

— Каро, все хорошо?

Ко мне со спины подходит Вэл и заглядывает в глаза, а я понимаю, что по щекам текут слезы. У меня все определено не хорошо, но я вымучиваю из себя улыбку и киваю.

— Да, все нормально. Не переживай.

— Ну я вижу, что нет. — упирается внимательная мелкая. Тебя бросил твой богатый и красивый парень? Я слышала, Фрост говорил, что он тебя обязательно бросит. Но Фрост — придурок. А Дар хороший. Ну мне так казалось...

— Фрост, действительно, придурок, — отвечаю я заторможено. — Меня никто не бросал. Прости, мне надо переодеться и выходить в зал. У меня, правда, все хорошо.

Вэл смотрит на меня настороженно и качает головой. Не верит. Это правильно. Но от того, что мне плохо и страшно ничего не меняется. Мне все равно надо выйти на татами и выложится на максимум, но сначала убрать слезы. Здесь не только наши. Раздевалка начинает наполняться участницами. Они все могут оказаться сегодня со мной в спарринге, нельзя показывать слабость. Любая из них может быть причастна к травле. Если кто-то хотел дезориентировать меня на соревнованиях... что же. У них это вышло, но я не подам вида. Скрывать истинные чувства я научилась. Но как же это тяжело.

Переодеваюсь и, сжав зубы, выхожу в зал, где на трибунах уже собираются болельщики. Нахожу взглядом Дара с двумя стаканчиками кофе в руках. Рядом с ним Кит, Мара и внезапно Лестрат. Тоже пришел поболеть за меня? Внезапно, но приятно.

Чуть в стороне вижу Энси и ее парня, которые мило щебечут. Это мне кажется странным, но потом на их же ряду замечаю еще несколько знакомых лиц. Ильяс с каким-то незнакомым мне парнем, девчонки из группы. Цуньши так популярно или все пришли посмотреть на меня? Внезапно слишком большое для меня количество знакомых лиц тоже начинает нервировать. Я привыкла, что зрители — это некая безликая, незнакомая мне масса. Те, кому я небезразлична обычно где-то недалеко от татами. Шэх, друзья по секции, которые ждут своего выхода.

Дар замечает меня и спускается. Взгляд сосредоточен, кажется, он уже научился по лицу понимать мое настроение. И видит, что я не в порядке.

— Все хорошо? — спрашивает меня он, и я отрицательно мотаю головой и протягиваю ему смятую в кулаке бумажку и цветок, который успел развалиться.

— Нет. Я нашла это в шкафчике.

Парень бегло читает записку. Вручает мне кофе и утягивает за собой к Лестрату. Я успеваю вкратце объяснить ему, что произошло, прежде чем на татами показывается шэх. Он делает знак руками, и я торопливо прощаюсь со всеми. Пора.

— Я все больше склоняюсь к тому, что кто-то хочет твоего поражения.

— Ну или чтобы я загремела в дурку. — Я пожимаю плечами и ухожу. Я уже вся в соревнованиях. Привычно выкидываю все мысли, страхи. Меняется дыхание и походка. Мне нельзя потерять это состояние. Оно слишком сейчас неустойчивое. Мне нужно выдержать несколько часов, а потом, пожалуй, я могу позволить себя разрыдаться.

Мне удастся взять себя в руки не сразу, и на разминке у меня неприлично дрожат руки. Их дрожь я скрываю, что говорит шэх, пропускаю мимо ушей. Но я была столько раз на соревнованиях, что ничего нового не услышу. Растягиваясь, разгоняю кровь по венам и магию, которую буду использовать. Эти привычные действия очень успокаивают.

— У тебя все хорошо? — спрашивает Волк, остановившись за спиной.

— Нет. Но я справлюсь, — коротко отзываюсь я, не прекращая разминку. Волк ловит мою ногу и фиксирует у головы, помогая.

— Точно справишься? — уточняет он, взволнованно.

— У меня нет другого варианта.

— Может, шэху скажешь?

— Что я ему скажу, Крист? — Я, опускаю ногу и обращаюсь к другу по имени, что делаю крайне редко. — Что я снова напугана? Что меня специально напугали здесь, перед соревнованиями? Что это изменит? Предлагаешь забить и не входить на татами? Сразу сдаться?

— Ты права. Ничего.

Парень вздыхает и отступает, а я поворачиваюсь к нему спиной. Мне надо остаться одной хотя бы на пять минут, чтобы справиться с тем, что творится у меня внутри, но времени нет. Уже объявляют построение, и я следую за всеми в общий зал на официальное

открытие, когда объявляют пары для первого тура, распределяют татами, на которых будут проходить спаринги.

Вся эта суэта привычна, и я среди готовящихся к выходу на татами спортсменов, суеющих судей, орущих тренеров успокаиваюсь. Эта суматоха мне знакома, тут я, как рыба в воде.

Первый бой выигрываю, даже не отвлекаясь от мыслей про маньяка. Этот раунд на выбывание, отсеивает самых слабых. Здесь даже не напрягаюсь. У меня уровень в несколько раз выше, чем у соперника. И моя задача не победить, а не покалечить.

Иногда меня удивляет, насколько несправедлива жеребьевка. Девчонку-соперницу мне откровенно жаль. У нее нет шансов, даже если я просто буду стоять. Но все мы прошли через это. Через бои с более сильными соперниками, ощущение, что ты никогда не сможешь пробиться в высшую лигу, но за всем этим при должном упорстве наступает долгожданная и пьянящая победа.

Второй раунд серьезнее. Наблюдаю за соперницей, которая мне незнакома, и понимаю, что, скорее всего, тоже без проблем одержу верх. Всех сильных я знаю и уже давно, а это новое лицо. Значит, маловато опыта.

С теми, с кем реально придется тяжело, мы постоянно пересекаемая на татами. Мое внимание сосредоточено на Уейси Гилморт — высокая и рыжая, она крушит соперников, даже не пытаясь немного тормознуть. Подсознательно чувствую, что в финале окажусь именно с ней. Она сильная и целеустремленная — у нее есть все шансы на победу.

Вторая победа дается почти так же легко, как и третья. А вот на четвертой приходится попотеть. Полуфинал. И в нем собираются, как правило, уже сильные противники. С ними нельзя действовать расслабленно, нельзя отвлекаться, и это, оказывается, одно из самых тяжелых испытаний.

Только в этом бою я понимаю, насколько несобрана, когда едва не пропускаю летящий в мою сторону удар ледяного вихря. Обидно было бы вылететь из-за такой глупости. Уворачиваюсь, прокатившись по татами и бросая в ответ ментальную волну, от которой противница уходит, сделав, сальто назад. Не даю ей сориентироваться в пространстве и добиваю ментальным ударом, который использую

крайне редко. Не люблю его с тех пор, как он искалечил человека, пусть этот человек и был достоин гореть в аду.

С того момента, как я спаслась от маньяка, впервые используя свой дар, я научилась контролировать ментальное воздействие, но конкретно этот весьма действенный прием использовать не люблю. Слишком плохие воспоминания с ним связаны.

— Каро, соберись, — припечатывает шэх после боя, показывая, что заметил мое состояние. — Уейси — сильный противник. Она не простит тебе несобранность. Ей эта победа нужна не меньше, чем тебе. Она будет мстить за свой проигрыш летом.

— Все знаю, — отвечаю я и принимаю из рук Волка бутылочку воды. Выдыхаю, и на минуту прислоняюсь спиной к стене. Я рада, что друзья и Дар не отвлекают на меня между боями, мне нужно быть максимально сосредоточенной. С ними я бы расслабилась. Привожу в порядок мысли и выхожу на самый важный сегодняшней бой. Я должна стать сегодня первой, иначе придется попрощаться с самоуважением и местом в колледже.

Это самые сложные пять минут. С финалом всегда так. Пять минут, которые в обычное время ты просто не замечаешь, тут растягиваются в целую жизнь. И от них зависит все. Сердце стучит, как сумасшедшее. Пульс бьется в висках, и я не реагирую ни на кого и ни на что, кроме своей ярко-рыжей соперницы, в глазах которой сверкает азарт. Мы обе опытные. За нашими плечами много выигранных. Последнее время я беру верх. Иногда мне просто везет. Иногда я оказываюсь объективно сильнее. Но Уейси не отчаивается, и ее воле к победе можно позавидовать. Сейчас моя противница на пике формы, чего не скажешь обо мне. Придется нелегко.

Приближаемся друг к другу осторожно и неспеша. Медлим. Ее окружает плотный кокон магии воздуха. Ветер треплет волосы и долетает даже до меня. Сильная. Воздух потрескивает. Мою магию невидно, но она всегда со мной.

Уейси не выдерживает первая и делает движение-обманку, я уклоняюсь вправо, и мне под ноги тут же летит поток ветра. Очень простой, примитивный и поэтому действенный ход. Я просто прыгаю, пропускаю поток ветра под собой, ухожу в сальто, сокращая расстояние между нами, и бью. Не магией, а просто вертушкой с разворота. Уейси

не ожидает и отлетает к ограждениям ринга. Добиваю ментальной волной.

В ответ меня отшвыривает волной ветра. Падаю, ухожу в плавный кувырок назад и тут же поднимаюсь на ноги, пропуская над головой удар, не поднимаясь, подсекаю противницу и снова бью ментальным ударом. Просыпается азарт.

Мы обмениваемся ударами, контратаками, расходимся и снова сходимся на татами. Ни она, ни я не можем взять вверх. Наш бой красивый, зрелищный и равный по очкам. Я достаточно хорошо изучила судейскую систему, чтобы понимать это. Мне нужно быстро и зрелищно поставить точку.

У меня есть козыри в рукаве. Подпрыгиваю и закручиваюсь в коронный вихрь. Ментальная волна такая сильная, что способна соперничать с ветром, подчиняющимся Уейси. Главное, вовремя затормозить и хлестнуть противницу наотмашь. Увернуться практически нереально. Я четко выполняю элемент, пока не вижу мелькнувшую в толпе красную клетчатую рубашку. Миг, который совершенно дезориентирует. Я, наверное, где-то даже отчасти понимаю, что это не может быть маньяк, но его рубашку затертую, безразмерную с нагрудными, вечно оттянутыми карманами, словно он носит в них все личные вещи, я запомнила навсегда.

Быстро беру себя в руки, но вот эта минутная дезориентация становится роковой, я не докручиваю элемент, магия с хлопком развеивается, и я лечу вниз, увлекаемая порывом ветра, которым управляет Уейси. Это поражение. Удар выбивает из легких воздух, перед глазами темнеет, а следующий удар заставляет меня пролететь кубарем по татами и с хрустом врезаться в столб. Я слишком хорошо знаю звук ломающихся костей. Кажется, сейчас я вылетела не только из колледжа, но и из спорта. Это последняя мысль прежде, чем я отключаюсь.

Глава 17

Открываю глаза, кажется, тут же после того, как отключилась и не сразу понимаю, что произошло. Вокруг меня люди, вижу обеспокоенные лица: Шэх, Волк, Уейси, пробирающийся через толпу, собравшуюся у ринга, Дар.

— Ты как?— спрашивает учитель. А я не знаю. Медленно поворачиваю головой, пытаюсь сесть и понимаю, что с поддержкой могу это сделать. Все, похоже, не так страшно, как я себе это представляла. Руки-ноги шевелятся, перед глазами правда плывет картинка, головой я приложилась знатно. Но вроде больше повреждений никаких нет, хруст ломающейся кости оказался неприятной иллюзией. Видимо, я просто сильно приложилась головой.

— Все в порядке, — говорю я, преимущественно для Дара. Мне не нравится видеть в его глазах страх. Меня быстро осматривает лекарь, вливает в рот какую-то горькую настойку, проводит руками по телу, сканируя на повреждения, и я чувствую теплую волну. Все в порядке. Мне бы радоваться, что я ничего не сломала, но проигрыш запоздало накрывает с головой. Это самое болезненное поражение в моей жизни, и последствия у него могут быть неприятными и сильными для меня.

Пытаюсь прийти в себя. Дар стоит в стороне. Вокруг меня лекари, тренер, персонал. Для всех важно убедиться, что я не пострадала серьезно. Но самые сильные травмы на соревнованиях не физические, я потеряла уверенность.

— Каро, что произошло? — спрашивает меня шэх, когда лекари уходят. — Все же шло хорошо. Какая проблема возникла в самом финале?

Поднимаюсь, не желая ни с кем разговаривать, ни с ним, ни с Даром. Мечтаю остаться одна.

Прихрамывая, иду в сторону раздевалок. Шэх отправляется за мной следом. Дар — нет. Хорошо. Не хочу никого видеть. Скоро будет награждение, не собираюсь даже подниматься на трибуну. Для меня второе место — это проигрыш. Фиаско и крушение всех надежд. Я

почти уверена, что из колледжа меня выгонят, и это очень больно осознавать.

— Каро, я жду ответ, — напоминает о себе тренер.

— До соревнований я нашла записку и высушенный цветок у себя в шкафчике... — нехотя признаюсь я.

— Почему не сказала?

— Не было времени. — пожимаю плечами и морщусь от боли в грудной клетке. Все же я достаточно сильно приложилась. — Лестрат был в курсе. А во время соревнований я видела в толпе на трибунах Его...

— Прямо его? — скептически уточняет шэх, и я пожимаю плечами. Откуда же я знаю? — Я видела его рубашку... этого оказалось достаточно.

— Каро, кто-то в рубашке смог вывести тебя из равновесия?

— Это точно была его рубашка. — упираюсь я, злясь от того, что чувствую себя ущербной. — И да, вся эта ситуация выводит меня из равновесия.

— Сегодня на кону стояло твое будущее...

— Спасибо, что напомнил! — огрызаюсь я, раздраженно. — А то я не знаю, но он методично уничтожает мою жизнь! Что я с этим могу поделать?

— Он уничтожает твою жизнь, лишь потому, что ты ему это позволяешь! — отрезает шэх, а мне становится зло и обидно. Как будто я во всем виновата! Но это не так. Шэх чувствует мое возмущение и продолжает. — Он за все время не пытался вступить с тобой в контакт. Он просто пугает. И больше ничего не делает, а ты не можешь взять себя в руки. Тут ты была в безопасности. Да и, вообще, непохоже, что он хотел как-то с тобой взаимодействовать.

— Он убил девушку. — напоминаю я.

— Девушку, не тебя, — возражает шэх. Он играет тобой, и ты выдаешь ему нужные реакции и гробишь свою жизнь и спортивную карьеру. Переодевайся и выходи на награждение. Сделанное не изменишь, но, Каро, если ты вылетишь из колледжа, думала ли ты, как сложится твоя жизнь? Я не смогу вытаскивать тебя постоянно, хоть и буду стараться раз за разом.

— Но я не виновата... — несчастно всхлипываю я, а шэх смотрит на меня с жалостью.

— Я понимаю, Каро, но спорт не терпит слабости, и директор колледжа тоже. Сейчас ты проиграла, а Уенси победила, маньяк твой победил, и всем нет дела до причин произошедшего. А мне бы хотелось, чтобы победа осталась за тобой и в этой ситуации, и в этой жизни.

Шэх выходит, а я с рыданиями опускаюсь на лавочку. Мне просто отвратительно. И я точно не пойду ни на какое награждение. Я просто хочу остаться одна.

Жду пять минут и поспешно переодеваюсь. За такое меня не поглядят по головке, но меня и так нечасто гладят. Сегодня я разочаровала всех, и вряд ли сумею разочаровать сильнее. Я не могу и не собираюсь делать вид, будто все хорошо. Стоять и улыбаться, когда выворачивает наизнанку — это не мое. Я всегда болезненно воспринимала проигрыши, но сегодня... сегодня мне особенно «плохо». А плохо я предпочитаю переживать в одиночестве, поэтому и собираюсь сбежать.

— Каро, ты куда? До награждения пять минут! — дергает меня Волк, который поджидает под дверью, явно по указке шэха.

— Уйди, а? — без особой надежды прошу я, понимая, что даже при нем не хочу рыдать, а сдерживаюсь буквально из последних сил. Это не первое мое поражение, но единственное, которое случилось потому, что меня буквально морально вымотали. И единственное, которое будет стоять для меня будущего. Потому что из колледжа меня попрут. Им нужен был только повод.

— Шэх разозлится, — пытается убедить меня друг.

— Он и так злится. — Я пожимаю плечами. — Я не выйду на награждение сегодня. И мне все равно, что обо мне подумают.

— Каро, ты вторая. Это не трагедия. Случайность. Так бывает.

— Для меня трагедия. Волк уйди. Пожалуйста.

Он чувствует, что я на грани, и отступает, а я спешу по направлению к черному ходу, чтобы ни с кем не столкнуться по пути. Здесь многолюдно: спортсмены, тренера, группы поддержки. Но на меня не обращают внимания, и это прекрасно. Выскакиваю на парковку и прижимаюсь к стене, закрывая глаза и пытаюсь отдышаться. По щекам текут слезы.

— Каро...

Открываю глаза и вижу перед собой запыхавшегося Дара. Он, похоже, бежал за мной.

— Уйди... — прошу слабым голосом.

— Каро? — Он подходит ближе, пытаясь обнять.

— Уйди! — рыдаю я и толкаю его в грудь, но парень не отшатывается, а стоит, как скала. Снова поднимаю руки, чтобы оттолкнуть, но он перехватывает запястья и прижимает их к стене. А я даже сопротивляться не могу. Просто злюсь и рыдаю.

— Значит, все так просто? — шипит он, склоняясь к моим губам.

— Захотела, позвала. Захотела ,оттолкнула. Так, Каро?

— Ты видел, что там произошло?

— А что там произошло? Может быть, ты мне рассказала об этом? Может быть, как-то пояснила свое состояние? Ты не думаешь, что я волновался, а?

— Я проиграла, если ты не заметил!

— Я заметил, но до сих пор не понимаю, причем твой проигрыш и мы? — с болью говорит он, надеясь достучаться. Но я не хочу принимать его доводы. — Я нужен тебе только тогда, когда ты того хочешь, но в любой момент ты считаешь, что можешь просто оттолкнуть? Ничего не объясняя? Прости, но я так не хочу. И не могу. Я живой Каро...

— Я тоже! — всхлипываю я. — Поэтому уйди! Я никого не хочу видеть и тебя не хочу тоже!

— Как скажешь... — огрызается Дар, сдаваясь, и отступает, а мне сразу же становится холодно и неуютно. Словно, где-то в глубине души я обижаюсь на то, что парень так быстро пошел у меня на поводу. Идиосткое состояние.

Смотрю на него, и у меня внутри все переворачивается. Я действительно ловлю в глазах Дара отголоски тех эмоций, о которых он говорит. Становится стыдно за собственную несдержанность, но поздно. В глазах парня появляется лед. Такой знакомый, от которого сжимается сердце. Я знаю, какой Дар, когда он закрывает свое сердце.

Дар делает еще один шаг назад, а я стою, закусив губу, и молчу. Я сама его прогнала. Так что теперь?

— Хотя... какого демона? — внезапно спрашивает он, преодолевает расстояние, разделяющее нас, и впивается в губы жадным, пробирающим до мурашек поцелуем.

Я задыхаюсь. Дар вымещает на мне обиду и злость, все то, что не смог донести в разговоре. Мы оба не способны сказать словами, что нам больно. Разговариваем через поцелуй, через сбивающееся дыхание и легкие укусы, через мои болезненные всхлипы и его участившееся дыхание. Так понятнее и проще.

Прислоняюсь спиной к стене, потому что ноги становятся ватными, и Дар меня буквально впечатывает в нее своим телом, запускает руки в волосы и углубляет поцелуй, который с каждым мигмом становится, все откровеннее и чувственнее. А у меня уходит обида и боль, покидают негативные эмоции, и я начинаю чувствовать себя сильной. Благодаря ему.

Чувствую, как разжимается комок нервов, и на смену ему и безысходности приходит что-то волнующе-горячее, зарождающееся внизу живота. В ушах шумит кровь, я провожу руками по плечам парня, закапываюсь руками в его волосы и пропускаю шелковые пряди между пальцами.

Мне так мало его. Давно уже мало, и я хочу, чтобы в сегодняшнем дерьмовом дне было что-то хорошее. Я знаю, Дар способен заставить меня забыть обо всем, и мне это необходимо. Но только вот сейчас не место и не время. Мне страшно от того, что рядом с ним я напрочь забываю от людей, которые ходят по улице. У меня срывает крышу и это волнующе-приятно, но в то же время пугающе. Хочу терять от Дара голову там, где нет людей.

— Увези меня отсюда,— прошу, отстранившись, и целую снова, потому что без его губ плохо и больно. Чувствую, как под руками напрягаются плечи. Парень отстраняется и на секунду мне становится страшно, что он меня оттолкнет. — Поехали. Не будешь больше прогонять?

— Нет. — Мотаю головой, и Дар ведет меня к магмобилю.

— Но обещай... — парень задерживает на мне взгляд. — Сегодня ты не вспоминаешь больше ни о поражении, ни о маньяке. Не думай о плохом. Просто расслабься и выкинь из головы все мысли. Я знаю, ты сильная. Ты сможешь снова стать ей, тебя не сломал маньяк, почему ты позволяешь это сделать его призраку? И соревнования не стоят твоих нервов. К тому же второе место — проигрыш только для тебя, Каро. Но не думаю, что первый и сама знаешь, не последний. Не мне учить справляться с поражениями.

Дар совершенно прав, я не могу разобраться сегодня ни с одной из проблем, значит, будем решать их завтра. Вздыхаю и позволяю усадить себя в магмобиль. Гадаю, куда он меня повезет к себе домой? Но там его бабушка и неловко. В общагу? Там может быть Кит... но Дар удивляет, потому что он привозит меня в «Облака». Ни о каком уединении речи не идет. Чувствую себя раздосадованной и обманутой.

— Но... — Я хмурюсь. Иногда мне кажется, что Дар избегает переходить со мной какую-то одним им очерченную грань. И я не могу понять почему. Не уверен? Во мне или в себе? И вообще, мне всегда казалось неуверенность — это не про Дара. Несмотря на травмы, на то, что он считает себя недостойным, это непохоже на него.

— Каро, тебе нужно отвлечься, развеется, отдохнуть, — спокойно говорит он, словно не понимая причин обиды. — Потанцевать, в конце концов.

— Не думаю, что тут уместно... — показываю на свой вид, совсем не для похода по ночным клубам. Даже теряюсь и не могу его описать, поэтому просто не заканчиваю фразу.

— Каро, это облака тут уместно все. И сегодня поют Ангелы. Ты же их любишь. Не отказывайся от того, что тебя действительно нужно.

Смотрю на него, и обида отступает. Я, действительно, хочу расслабиться, слушать Ангелов и Дара. Все. Это мой план на сегодняшний вечер.

«Облака» впечатляют. С Китом мы дошли только до дверей, возле которых шумно, людно и немного пугающе. Здесь воздух пропитан надеждой и готовностью на все ради билета в будущее. Я кожей ощущаю эту жадную надежду. На меня смотрят зло, как на более удачливую конкурентку. От этого немного некомфортно. Дар обнимает меня за талию собственническим жестом и ведет за собой сквозь толпу ярко-накрашенных и разодетых девушек, что убеждает меня в том, что я в этом месте буду смотреться неуместно.

Ну и наплевать. Когда это меня волновало мнение посторонних? Наверх нас поднимает плотный туман, в который мы шагаем, держась за руки. Выходим из него, как из облака, прямо в центре просторного, белого коридора. Здесь тише и спокойнее. По стенам стоят мягкие диванчики, а маленьких столиках, вазы с цветами и бокалы. И я понимаю, насколько Дар был прав — в облаках нет дресс-кода. Сидящие за столиками люди одеты очень по-разному. Кто-то в

вечерних нарядах и сверкающих камнях, а кто-то примерно, как и я. В повседневном. Это странно и необычно, а еще подкупает. Совершенно не ожидала, что мне может понравиться. Здесь я чувствую себя спокойно и свободно. И в этом для меня есть какая-то магия.

— Куда нам? — с интересом спрашиваю я, и Дар уверенно ведет вглубь коридора мимо диванчиков и столиков. — А тут разве нет охраны? Мы так свободно вошли. Как же все те люди внизу? Зачем они караулят, если попасть сюда так легко?

— Они просто не смогут попасть, — пожимает плечами парень. — «Облака» — что-то типа закрытого клуба. Попасть сложно, подделать членство невозможно. Магия не пропустит посторонних. Она основана на крови элиты Горскейра. Ты смогла пройти, потому что со мной. Вот и они ждут, что их кто-то проведет.

— А зачем? — удивляюсь я. Дар снова пожимает плечами.

— Им кажется, что как только они попадут сюда, их жизнь изменится... но это не так. Многие не понимают и живут надеждой зацепиться. Удачно выйти замуж или просто подцепить богатого любовника. Парни хотят завести связи, ну или богатую любовницу. Определенный ряд людей манит мир больших денег и сильной магии.

Через просторный зал Дар ведет меня к вип-ложе, которая расположена у самой сцены. Это даже не вип-зона, а пространство, примыкающее к низкой сцене, куда могут спускаться и сами музыканты.

Над сценой по бокам на платформах, похожих на облака, парят столики, но много людей и перед сценой, за пределами нашей вип-зоны.

Концерт еще не начался, и Ангелы, уже в костюмах и с масками на лицах тоже тут. Их волосы, как и маски либо серебряные, либо золотые. Необычно и завораживающее. У меня сердце замирает. От трепета избавиться сложно, ничего с собой поделать не могу. Музыканты кажутся мне неземными существами.

Кроме нас, в зоне несколько незнакомых пар постарше, компания девчонок наших ровесниц — красивых, стильных. Они не спускают с Ангелов взгляда, но не подходят. Тут словно царит негласное правило. Не отвлекать музыкантов. Только наблюдать. Несколько столиков пустует, и это кажется мне странным, поэтому я озвучиваю свой вопрос Дару.

— Это выкупленные места, — поясняет он. — Тут нет случайных людей. Все свои.

Слова Дара подтверждают люди, которые подходят к нам, здороваются. Один из Ангелов поворачивается и машет.

Дар сдержанно улыбается и подводит меня к столу, а парень с золотыми волосами и в такой же маске, пылливо смотрит на меня. Я чувствую его заинтересованный взгляд и смущаюсь. Не могу различить даже цвет его глаз. Они пылают алой магией.

— Привет! Давно тебя не было на наших выступлениях.

Голос Ангела, которым тот обращается к Дару, искажен магией, поэтому кажется хрустальным. Необычным, словно действительно разговаривает Ангел. Но при этом с женским, голос не спутаешь в нем отчетливые, мужские бархатистые нотки.

— Все как-то не складывалось. — Дар пожимает плечами.

— Сейчас сложилось. Так получается...

— Как видишь.

Чем дальше, чем больше я понимаю, что разговор Дару не комфортен, но почему? Если Дар не хотел общаться с этим парнем, зачем привел меня к нему на концерт? Я ведь не просила. Я, вообще, ничего об этом не знала.

— Представишь свою прекрасную спутницу? — спрашивает Ангел, продолжая буравить меня взглядом, от которого становится неспебе.

— Каро, — говорит Дар, но я вижу, делает это без удовольствия и мне Ангела не представляет, но это и неудивительно. Их фишка в том, что никто не знает ни их лиц, ни имен, ни реальных голосов. Они Ангелы — неземные создания с чарующими голосами. Кто они, неизвестно. Ангелы появляются на сцене и растворяются за кулисами. Тайна их жизни покрыта мраком. Их пытаются разоблачить постоянно, но пока ни у кого не вышло.

— Ты красивая, Каро, — сообщает мне Ангел, и мне кажется, что у него под маской обезоруживающая улыбка. А я теряюсь, мне почему-то неловко слышать комплимент. К тому же, в обычной одежде, после дня соревнований назвать меня красивой, язык не поворачивается. Но кто я, чтобы спорить с одним из Ангелов? Раз он считает меня красивой, так оно и есть, по крайней мере, на этот вечер. И мне действительно приятно быть красивой, но не для него, а для Дара.

Дар бросает на Ангела недружелюбный, пытливый взгляд, и златоволосый, хмыкнув, отступает и берет в руки микрофон. Он прекрасно понимает, что вызывает зависть и делает это намеренно.

— Эта песня для тебя, Каро! — звучит инфернальный голос, и мне почему-то кажется — не для меня. Для Дара. Способ позлить его. Только вот зачем?

— Что вы не поделили? — спрашиваю я тихо. — Вы ведь неплохо знакомы. Так ведь?

Дар не спорит, его взгляд задумчивый и, мне кажется, направлен куда-то вглубь себя.

— Знакомы... а поделили... не знаю. — Дар безразлично пожимает плечами. — Все и ничего. Не бери в голову — это просто приятель по развлечениям... тем, которые были до того... — указывает на свой экзоскелет. — Иногда накрывает ностальгия. Иногда меня. Иногда его, и прежний дух соперничества встает между нами. Даже забавно, но больно.

— Скучаешь по тому времени, когда вы зажигали вместе?

Парень смотрит на меня слишком внимательно, словно пытается заглянуть в душу, а потом отвечает вопросов на вопрос.

— А ты бы не скучала?

Глава 18

Молчу не потому, что не знаю, что сказать, а потому что слова подбирать чертовски сложно. Между нами опять очень непростой разговор. У нас всегда все сложно. Я почти смирилась с этим.

— Не знаю. Возможно, нет. Все зависит от того, чего бы я приобрела в новой жизни, и чем бы мне пришлось пожертвовать ради возвращения в старую. Например, тобой я жертвовать не готова.

— А я ничем не собираюсь жертвовать. Зачем? Я просто хочу вернуть то, что было. Я избавлюсь от экзоскелета и верну себе тот арсенал возможностей, который у меня был. А пользоваться ими или нет, решу потом. И все у нас будет хорошо.

— А сейчас плохо? — спрашиваю я.

— А ты сама ответь на этот вопрос.

Ответ крутится на кончике языка, но я понимаю «плохо» не у нас. Мое плохо вокруг нас, «мы» - это единственное хорошо. Еще бы понять, как это донести до Дара.

Мне жаль, что Дар так уперт в своем желании переломить ситуацию, которая определенно сейчас не желает ломаться. В нем я вижу отражение себя, и это очень отрезвляет. Я понимаю, что не хочу быть сломленной. Я никогда не была такой, я всегда преодолевала и гораздо более весомые трудности. Я начинаю понимать это под выворачивающие наизнанку песни Ангелов.

В них столько боли, надежды и прозрения, что я словно очищаюсь сама. Переосмысливаю события последнего времени. Я жива все еще. Я все еще могу занять призовые места, я учусь в престижном колледже, со мной рядом сидит самый красивый и невероятный парень и мне, демоны задери, нравится эта жизнь. Жизнь, в которой есть любовь и перспективы, жизнь, в которой я могу стать успешной и жить, а не выживать. Жизнь, в которой в мой бокал вышколенный официант наливает розовое игристое — такое свежее, со щекочущими язык пузырьками. Мне нужно быть сильной и вывести на чистую воду того, кто играет со мной. Еще бы понимать, как это сделать?

Концерт продолжается, а вот бутылка шампанского закончилась. Мне сложно осознать, что она вся во мне. Задумчиво смотрю на бокал.

— Заказать еще? — ровно спрашивает Дар, моментально разгадав мой взгляд. Он что хочет меня напоить? Отрицательно мотаю головой.

— Пожалуй, воздержусь. Будет неловко, если меня потянет танцевать на столе.

— Не переживай, — хмыкает парень и притягивает ближе к себе на диванчике, чтобы я положила голову ему на плечо. — Все, что случилось на облаках, остается на облаках. Вряд ли тут кого-то удивишь или впечатлишь, после сестры Яна Яриши и Рюка, никогда не думал, что буду скучать по этим двоим.

— Я боюсь удивить себя, — отшучиваюсь в ответ и переплетаю свою руку и его. Пальцы нагрелись и уже не дрожат. Кажется, я преодолела некую грань. После того как упадешь в самую бездну, начинается путь наверх. Это неизбежно. Просто падать больше некуда.

Ангелы заканчивают последнюю композицию, и в зале гаснет свет, чтобы в полнейшей темноте под потолком вспыхнули огненные крылья и рассыпались магическими искорками, оседающими на пол, столы и посетителей. Совершенная иллюзия, от которой захватывает дух и волшебное завершение вечера. Я благодарна Дару за то, что он меня сюда привез.

— Тебе стало хоть немного лучше? — интересуется парень, пока ведет меня к магмобилю. Меня слегка пошатывает, в голове розовые пузырьки и немного сладкой алкогольной ваты.

— Мне стало много лучше, — признаюсь я. — Спасибо тебе за незабываемый вечер. А если меня не выпрут из колледжа... будет совсем отлично.

— Ну об этом Мара позаботится, не переживай. Домой?

Смотрю на него с вызовом и отвечаю.

— Ну все зависит от того, что ты под этим подразумеваешь...

— Сам не знаю. — Дар пожимает плечами. — Где для тебя дом, Каро?

— У меня его нет... а для тебя?

— Там, где бабушка, воспоминания... но... я не уверен, что хочу тебя отвезти туда.

— А куда хочешь?

Парень откидывается на спинку кресла, словно о чем-то серьезно думает, молчит, а потом произносит.

— Я могу показать тебе то место, которое стало бы моим домом полгода назад, если бы я не был в экзоскелете. Мы с Китом планировали начать вольную жизнь. Точнее... теперь я понимаю, что это я планировал, а Кит, как всегда, шел у меня на поводу. Как его отпустить, Каро?

— Он сам уйдет, Дар, как только его собственная жизнь станет для него ближе, чем твоя. Как только собственные проблемы поглотят твоего брата сильнее, чем твои.

— То есть в его жизни должно произойти дерьмо, чтоб он стал самостоятельным? — невесело уточняет парень.

Неприятно это говорить, и я просто грустно улыбаюсь.

— Ответ на свой вопрос сам. Когда ты, Дар, разорвал связь с близнецом и стал самостоятельным?

Дар не отвечает, но срывается с места так, что меня вжимает в спинку магмобиля. Кажется, он нашел нужный ответ.

За стеклами магмобиля смазанным пятном мелькает город. Зажигаются магические фонари, а извивающаяся между мостами трасса превращается в сверкающую фарами магмобилями ленту или извивающуюся змею, которая, сверкая, ползет по улицам ночного Горскейра с окраин, продвигаясь в центр, чтобы сожрать... интересно чего? После шампанского мысли мои стали причудливы и загадочны. Я сама их пугаюсь.

Мы мчимся, обгоняя поток. Дар — прирожденный водитель, и хотя, после победы на треке, он не садится больше на осу. Просто потерял к ней интерес, но и тихая езда — это не про него. Он не обгоняет кого-то специально, не пытается соревноваться, просто кажется, что он живет и дышит быстрее, чем поток.

Парень задумчив и сосредоточен, я не отвлекаю его, не спрашиваю, куда именно мы едем. Мне просто хорошо и спокойно. А ему нужно подумать, в том числе и о том, что он не может за Кита стать самостоятельным.

Район, куда мы въезжаем новый, уважаемый и непохожий ни на элитный центр со старинными индивидуальными особняками, ни на таунхаусы, в которых живет шэх на окраине, которые больше напоминают загородный поселок для среднего класса. Непохож он и на

небольшие дома-муравейники в западной части нижнего Горскейра — там ютятся рабочие, студенты из необеспеченных семей и доживают свой век старики, которые не скопили за всю свою жизнь ни на что поприличнее.

Здесь же бетон, стекло и дорогие магмобили, рестораны и кафе на первых этажах, шлагбаумы, ведущие на закрытую территорию. Ухоженные лужайки и закрытый подземный паркинг, откуда лифт, состоящий из клубящегося тумана, поднимает нас на последний этаж к пентхаусам, принадлежащим верхушке элитного сообщества города. Точнее, новому поколению элиты, тем, кто предпочитает городскую суету, верхние этажи и ритм большого города неспешной жизни центральной части Горскейра. Здесь панорамные окна, джакузи и самая современная магия, которая дарует полный комфорт. Все это узнаю от Дара, пока мы поднимаемся на последний этаж.

— Это квартира родителей, — поясняет Дар, открывая передо мной массивную дверь. — Я родился первым, поэтому она досталась мне. Какие-то минуты решили все. — Хмыкает он.

— А Кит? — уточняю я обеспокоенно. Не может же быть, что второму близнецу родители не оставили ничего. Нет, я знаю, что у братьев есть бабушка и состояние исчисляется не одной квартирой в элитном районе, но все равно становится немного обидно.

— Родители купили эту квартиру перед нашим рождением, — поясняет парень. — Когда мама узнала, что у нее будет двойня, отец купил еще одну такую же квартиру, но в соседнем подъезде. Вот она принадлежит Киту. Мы должны были приехать сюда в прошлом году, когда нам исполнилось по восемнадцать. Но не приехали... — мрачно заканчивает он, снова погружаясь воспоминаниями в прошлое.

— А сейчас? Что ты хочешь сейчас, Дар? Почему не съедешь сейчас? Ты достаточно мобилен, чтобы жить один.

Парень внимательно смотрит мне в глаза. Мы стоим у приоткрытой двери в коридоре, погруженном в полумрак и, кажется, я сейчас забуду, как дышать. Настолько мне волнительно быть рядом с ним. Воздух дрожит от напряжения между нами. Я даже разглядывать квартиру не хочу, не принципиально что там дальше в глубине коридора. Важно лишь то, что между нами.

— Я до сих пор хочу сюда переехать... — тихо отвечает он и скользит подушечками пальцев по моей щеке. Нежно и чувственно.

Прикрываю глаза, поддавшись этой невинной, волнующей ласке. — Но здоровым и с тобой... иначе все просто не имеет смысла.

Молчу. Неверяще смотрю на него, не в состоянии переварить все сказанное. Мне одновременно волнительно и больно. Волнительно от того, что он хочет быть со мной, и это серьезнее, чем я предполагала, и больно потому, что для него это возможно лишь, если он снимет экзоскелет. У него я и здоровье идем рука об руку. Он не допускает отношений, счастья ничего, если не станет свободным в его понимании этого слова. И мне это совершенно не нравится, потому что жизнь слишком коротка, чтобы откладывать ее на потом.

— Дар, а если не получится? — осторожно спрашиваю я. — Ты настолько заиклен на экзоскелете, что меня пугает. Это долгий путь.

— А ты не готова ждать? — с вызовом спрашивает он и хочется ему вмазать, так как дурак. Как только мне начинает казаться, что Дар адекватный, он снова выкидывает какую-нибудь дичь.

Молчу, потому что нет. Не готова. Точнее, не понимаю, зачем нужно ждать чего-то, что для меня непринципиального. Почему нужно жертвовать счастьем здесь и сейчас, чтобы возможно, когда-нибудь получить его в более полном объеме? Но в то же время понимаю, что Дар к ситуации относится совсем по-другому, и я не знаю, как сказать правильно. Пока я подбираю слова, Дар, как всегда, решает сам, и, конечно же, не так.

— Ты не готова, Каро, да? Одно дело быть со мной, когда тебе плохо, когда все летит в бездну, а другое — представить, что все это может быть на всю жизнь?

— Ты — идиот, — все же сообщаю ему очевидную вещь.

— Я калека, который не может ни на что рассчитывать, пока не переломит ситуацию. Увы, но это правда, Каро. Вопрос во времени, как быстро тебе надоест со мной возиться.

— Это твои тараканы в голове, — отрезаю жестко, чувствуя, как меня начинает трясти от злости. — Твои, а не мои. Мне все равно есть экзоскелет или нет. Ты хочешь его снять? Что же похвально, но я не понимаю, зачем из-за этого ставить жизнь на паузу здесь и сейчас? Ты злишься, что я не хочу подождать? Дело не в желании, дело в том, что я не понимаю, почему «мы» зависим от того, снимешь ты экзоскелет или нет! Ты не думал, о том, что жизнь конечна и иногда быстрее, чем

мы того желаем, и вместо того, чтобы наслаждаться со мной каждым ее мигом нам доступным, ты предлагаешь подождать.

— Потому что я хочу быть достойным тебя. Вот и все.

— Будь. Экзоскелет ничего не значит.

— Для меня — значит!

— Так, ради разнообразия подумай не только о себе! — взрываюсь я. — Думаешь, я не вижу, что ты меня отталкиваешь? Каждый раз, как я оказываюсь достаточно близко, ты рушишь все и создаешь дистанцию, словно боишься перейти на новый уровень. Это странно, Дар.

— О чем ты? — подозрительно спрашивает парень, будто не понимает, а я смотрю на него со злым вызовом и стаскиваю через голову кофту, оставшись в низко-сидящих на бедрах штанах и простом спортивном лифчике. Подцепляю резинку на волосах и стягиваю ее, позволив им упасть шелковой волной на плечи.

— Вот об этом... — делаю еще один шаг навстречу и спуская по бедрам брюки. Посмотрим, что ты сделаешь сейчас. Сбежишь? Если так, то ты точно идиот, Дар! А с идиотами мне не по пути. Конечно, ничего из этого я не говорю. Молчу, но думаю, парень и без слов догадается, какой ультиматум я ему поставила.

— Каро... — хрипло шепчет он, чуть отступая. В глазах огонь и боль, и мне очень интересно, что победит. Потому что, если сейчас он скажет «нет». Я уйду, и это будет окончательно и бесповоротно. Мне тяжело сражаться за двоих. Да и ему тоже.

Прав шэх, права мирс Амелия. Мы оба сломанные, нам трудно даже с самими собой. Вытягивать другого из бездны постоянно, когда сам все больше в нее погружаешься, нельзя, есть риск утонуть на пару. Своих демонов мы можем победить только сами.

Переступаю через упавшие на пол брюки и остаюсь перед ним в простом и лаконичном комплекте. Да... не совсем то, в чем принято соблазнять парня, но я не предполагала, что этот вечер закончится так, а не на пьедестале с золотым кубком. Впрочем, сейчас я осознаю, что не жалею. Это внезапно. Дар меня волнует сильнее, чем спорт, маньяк и будущая жизнь. И это такое неожиданное ощущение, которое, пожалуй, я хочу сохранить. Именно оно позволяет мне чувствовать себя живой и справляться с трудностями.

Вопрос испытывает ли Дар те же чувства? Я принципиально ничего не отвечаю. Да и что можно ответить на твое имя, которое прошептали низким и хриплым шепотом. Я просто приближаюсь к парню. Спускаю с плеча бретельку лифчика и вижу, как Дар сглатывает. Кадык перекачивается по горлу, и это единственное, что выдает волнение парня.

— Я не могу... — тихо говорит он, оказываясь в момент рядом. Медленно и мягко возвращает бретельку на место дрожащими пальцами, а поцелуй нежный и легкий очень быстро перестает таковым быть. Может, хочет, но почему-то упрямо тормозит. И это упрямство на ровном месте выводит меня из себя.

Отвечаю со всей злостью и болью, прикусывая губы, подавляя и пытаюсь доминировать, что получается с трудом. Дар всегда ведет. Этого у него не отнять, ведет даже тогда, когда каждым прикосновением говорит «нет». Раздраженно пытаюсь сорвать с него рубашку, и пуговицы со звоном летят на пол.

— Что ты творишь, Каро? — хрипло спрашивает он, отстраняясь.

— А ты как думаешь?

Трусь носом о его нос и ласкаю пальцами шею, там, где кожу вспарывают спицы экзоскелета, потом тянусь губами и нежно ласкаю мочку уха.

— Ты ведь знаешь, я не могу так... — Губами чувствую вибрации его голоса, когда скольжу по шее. — Мне нужно избавиться от этой фигни, тогда я полностью смогу принадлежать тебе...

— Иногда мне кажется, что ты просто трус или я тебе не нравлюсь! — злюсь я, и напоследок чувствительно прикусываю мочку его уха, Дар стойчески молчит. А я отрываюсь от него и толкаю ладонями в грудь. — Думаешь, до меня не доходили слухи о твоём бурном прошлом?

Дар мрачнеет.

— И это было уже после того, как ты получил экзоскелет! Чем я хуже? — Этот вопрос, действительно не дает мне покоя и злит.

— Ты лучше... и я не хочу видеть в твоих глазах сожаление... я хочу, чтобы тебе досталась лучшая версия меня, а не то, что есть сейчас... как ты этого не понимаешь?

Отступаю на пару шагов. Дар тяжело дышит, рубашка расстегнута, некоторые пуговицы вырваны с корнями, и мне не

стыдно, но, видимо, моих усилий оказалось мало, чтобы переломить его. Мои собственные демоны даются мне с трудом, демоны Дара мне недоступны, а значит, я снова проиграла.

Подхватываю с пола кофту и брюки и направляюсь к выходу.

— Собралась уходить прямо так? — бросает он мне в спину хрипло и устало.

— Думаешь, не смогу за себя постоять, если кто-то воспримет это, как приглашение? — С вызовом дергаю бровью и берусь за ручку двери. На самом деле, одеваться всегда не так эротично, как раздеваться, поэтому планирую сделать это не на глазах у парня. А еще, пожалуй, я все же сегодня поплачу. Два проигрыша за один день — это как-то лишку. Даже для меня.

Глава 19

— Стой!

Окликает меня Дар, когда я уже на пороге, догоняет и ловит рукой за шею. Мягко, но настойчиво. Он за моей спиной, а его пальцы властным движением фиксируют горло. Парень тянет на себя, и я послушно позволяю это сделать, практически мурча от удовольствия. Горячее дыхание возле моего уха и жаркий злой шепот.

— Я не пущу тебя никуда в таком виде, Каро...

— Попробуй, удержи, — бросаю я с вызовом, который на этот раз он принимает. Не поворачивая меня себе, властно за подбородок запрокидывает мою голову, укладывает затылком на свое плечо и зло и жадно целует. Этот поцелуй жалит. Дерзкий, обезоруживающий и сбивающий всю спесь. Напоминает мне, что я все еще маленькая и наивная девочка, а вся моя бравада лишь попытка казаться старше и смелее. Я улетаю от настойчивых и наглых движений языка Дара, забывая обо всем на свете. Почему я, вообще, хотела уйти? Сейчас это неважно.

Парень затаскивает меня обратно в квартиру, рывком захлопывает дверь и сильнее прижимает меня спиной к себе. Горячее рваное дыхание на коже, от которого спина покрывается мурашками. Дар зол, и это заводит и немного пугает. Адская смесь, порождающая всплеск адреналина. Я чувствую ягодицами горячее возбуждение парня, и сердце начинает стучать сильнее, а губы пересыхают, едва он отрывается от меня и прикусывает мочку уха. Одна рука по-прежнему нежно ласкает мое горло, а другая, обжигая прикосновениями скользит по моему животу, и это настолько острое, невероятное ощущение, что не получается сдержать хриплый стон.

Голова кружится от волнующих, чувственных касаний, откровенных поцелуев, наглых рук, которые исследуют мое тело. Сейчас смелый Дар. Я робею под его напором, потому что для парня не осталось красных линий и табу, меня сносит волной его желаний — такого искреннего и откровенного. На минуту накатывает смущение, хочется тормознуть, но я не привыкла отступать и есть подозрение, что если Дар тормознет, волшебство исчезнет, и мы вернемся в исходную

точку сомнений и непонимания. Не хочу. Смелый и уверенный в себе Дар меня заводит сильнее.

Я даже не успеваю сообразить, как ловко он избавляет меня от лифчика, а себя от рубашки. Все это, не прекращая жадных, нахальных поцелуев.

Отступает и смотрит на меня из-под длинной челки взглядом, подернутым дымкой желанья. Проводит языком по нижней губе, заставив мое дыхание сбиться. В ответ на этот бесстыдный взгляд тело реагирует само, низ живот сводит от горячей волны желанья, а грудь тяжелеет. Еще где-то в глубине души есть потребность прикрыться, но я борюсь с ним. Мне нравится, что Дар изучает меня с восхищением. Стесняться мне точно нечего.

— Ты охрененная, — признается хриплым, низким шепотом. — У меня сносит крышу с первого взгляда, как я тебя увидел. В тот момент, когда ты уложила меня на лопатки, я понял, что однажды... уложу на лопатки тебя, но ты не будешь злиться...

— Почему же тянул? — спрашиваю я.

— Хотел быть сильнее... — обезоруживающе искренне признает он. — Думал, что нельзя уложить на лопатки того, кто превосходит тебя по всем параметрам...

— Тогда... — закусываю губу, отдавая себе отчет, что сейчас все просто может прекратиться, но не могу не узнать. — Почему передумал...

— Потому что... — смотрит мне в глаза так проникновенно, что меня затапливает кипятком. Дар неправ. Сейчас я слабая. Очень слабая и ловлю от этого кайф. — Мне кажется... передо мной ты ляжешь на лопатки сама... для этого мне не нужна сила...

От этого заявления возмущенно вспыхиваю, но сказать ничего не успеваю, потому что он не дает. Обхватывает мое лицо руками и снова жадно целует, заставляя отступить под его напором.

Лопатками ложусь на стену, и парень тут же подхватывает меня под ягодицы, сжимая и притягивая к себе. Обвиваю его талию ногами и охаю от неожиданно сладко острых ощущений, когда наши тела сталкиваются. На Даре еще брюки, на мне трусики, но мне уже кажется, что мы полностью обнажены. И это волнующе-сладко. Огненные губы на миг прихватывают сосок, и я выгибаюсь, застонав от удовольствия. Запускаю пальцы в растрепанные волосы Дара,

требуя продолжения, но парень слегка отстраняется, чтобы уставить на меня своим наглым, самоуверенным взглядом. Плыву. Дыхание сбивается, и я оказываюсь полностью дезориентирована.

Заметив мою реакцию, парень удовлетворенно хмыкает, и с тихим рыком толкается в меня, заставляя прочувствовать свое желание каждой клеточкой тела. Кровь стучит в висках, и я плавлюсь в обжигающих руках Дара. Между нами кипятки, растворяюсь в его тихих столах, рваных движениях и поцелуях-укусах. Жалящих, но таких оглушающе сладких. Губы горят, зацелованная грудь пульсирует, а щеки пылают.

Я распята на стене. Горячая волна прокатывает по телу и становится преступно мало того волшебства, которое происходит между нами. Мне хочется чувствовать парня каждой клеточкой тела. Разделяющие нас куски ткани мешают и раздражают, но Дар не спешит. Словно дразнит меня.

Тело, там, где его не касаются руки Дара, сводит от желания, наглые пальцы подцепляют краешек трусиков и пошло размазывают влагу между складками, чуть сдавливая, нажимая. То весьма чувствительно, то порхая, как крылья бабочки. Задыхаюсь и почти теряю сознание от острых, таких непривычных ощущений.

Выгибаюсь в его руках, и Дар поднимает меня чуть выше по стене, горячие уверенные губы снова обхватывают сосок, и не получается сдержать стон, так как пальцы продолжают ласкать, проникая все глубже в меня, действуя все увереннее. То, что он творит с моим телом нечто невероятное, волнующее и запретное. Пожалуй, я действительно слабо представляла, на что иду. Щеки горят, сердце колотится, как бешеное, а по телу пробегает болезненная дрожь удовольствия. Это такой сплошной, кайф, что сил сдерживаться не осталось и я практически улетаю, но Дар хрипло шепчет.

— Рано расслабилась... это только начало или ты думала, со мной будет так просто? Нет, Каро, тут ты на моей территории.

Лишившись его губ и пальцев, недовольно хнычу, но ничего членораздельного сказать не могу, потому что в голове туман, а ноги ватные. Я вообще неспособна думать и разговаривать, только подчиняться безмолвным приказам парня, который полностью подчинил себе мое тело.

Дар позволяет обессиленно стечь по его телу вниз и коснуться кончиками пальцев пола. Трусики мокрые насквозь, поэтому тонкий материал почти не ощущается. Жесткая ткань его брюк, обтягивающая внушительное достоинство, слегка царапает нежную кожу промежности через влажную ткань, и я снова всхлипываю от слишком острых, но почему-то недостаточных ощущений. Мне его преступно мало.

Дар отступает на шаг, и я сразу же чувствую холод и волнение, но он медленно тянет по моим бедрам трусики, и сам опускается на колени к моим ногам. Шумно выдыхаю, жар приливает к щекам. Губы скользят, повторяя движения рук сверху вниз. Язык влажно проходится по соску и скользит по ребрам. Обрисовывает контур пупка и нагло опускается ниже, заставляя меня вскрикнуть, от пронзившего желания. Дар целует меня уверенно и порочно, испытывая мое тело на прочность. Это так оглушающе остро, что пугает. Ощущения на грани, слишком сильно раскрывающие меня. Настолько поглощающие, что я боюсь в них раствориться.

Испуганно дергаюсь, но парень подхватывает мои ноги, закидывает на свои плечи, лишая последней возможности сбежать. Я могу только молить о пощаде, но пока сдерживаюсь. Мне не хочется, чтобы Дар прекращал. И я теряюсь от того, насколько я в этот момент противоречива.

Обжигающее, жалящее движение внутри меня, от которого теряется связь с реальностью. Я никогда не чувствовала так ярко, остро волнуяще. Это все сразу. Полет, падение, фейерверк, я одновременно хочу все стыдливо становить и не прекращать никогда. Невольно выгибаюсь навстречу его губам. Забываю, как дышать. Кажется, еще секунда и я не вспомню, кто я и как здесь очутилась. Наслаждение пульсирует внутри меня. Несколько настойчивых, уверенных движений его языка и теплая сладкая дрожь растекается по телу от низа живота. Кусаю губы и всхлипываю, невольно зарываюсь пальцами в волосы парня. Пытаюсь свести ноги, стараюсь удержать в этом мире, но не могу, они на плечах парня. Его руки уверенно сжимают мои ягодицы, а язык продолжает творить нечто невообразимое.

Сопротивляюсь, пытаюсь сдержаться и сохранить разум, но Дар побеждает. Он точно знает, что делает. Глубокий поцелуй-укус и

следом мягкое, словно порхание бабочки, касание языка, и я разлетаюсь на тысячу осколков, все еще не в силах осознать, что со мной произошло.

Я шокирована и обессилена. Голова чумная, а руки и ноги дрожат. Если бы Дар не подхватил меня на руки, наверное, я бы не устояла. Обвиваю руками его за шею, утыкаюсь носом в ключицу и вдыхаю будоражащий запах любимого тела, слышу, как сумасшедше стучит его сердце. Невольно ловлю этот ритм, понимая, что Дар своего еще не получил. Это не кульминация — всего лишь прелюдия, и сама мысль об этом заставляет сердце биться быстрее.

Обстановку квартиры рассмотреть так и не получается. Я вообще плохо соображаю, куда меня несут на руках. Только чувствую прохладные шелковые простыни, на которые падаю спиной. Сзади панорамное окно и холодный лунный свет, падающий в центр комнаты. Любуюсь застывшим Даром. Грудная клетка тяжело вздымается, глаза поблескивают в темноте. Красивый, слишком темно. Лунную дорожку не назовешь полноценным освещением, но парень все равно завораживает. Любуюсь его силуэтом. Каждая мышца выделена из-за падающих теней, плоский живот с двумя косыми мышцами, скрывающимися под ремнем брюк. Нетерпеливо ерзаю и не отдавая себе отчет, хищно облизываюсь, когда Дар берет за пряжку ремня.

— Кароо-о... — хрипло выдыхает он, поймав мой жадный взгляд.
— Нельзя же так...

— Почему? — интересуюсь я, меняя позу. Подползаю к краю кровати и ловлю парня за ремень, жадно подтягиваю к себе. Дар смотрит на меня с усмешкой и не мешает экспериментировать. Ослабляю пряжку, дергаю за ширинку и спускаю по его бедрам брюки. Жадно ловлю реакцию парня, когда провожу ладонью вверх-вниз, ощущая под руками горячую плоть. Волнующе. Его дыхание сбивается, превратившись в тихий рык, и я повторяю это же движение.

Дар одним рывком избавляется от боксеров и брюк, а я восхищенно мурлычу. Хочу его. Трогать, ласкать, изучать. Мне невероятно нравится ловить его реакции, мне нравится, что сейчас он закусывает губу и запрокидывает голову, пытаюсь сдержать стон, когда я изучаю его тело. Он так напряжен, что мышцы вздулись и там, где в

них впиваются спицы экзоскелета, появилась кровь, но я знаю, Дар не поменял бы это ощущение на отсутствие боли. Эта наша с ним реальность. В ней удовольствие и боль идут рука об руку. Дар не замечает дискомфорта. Парень сейчас в моих руках. Гладкая, шелковистая плоть под моими ладонями, движения, дающие полную власть и возбуждение, которое, кажется, не может быть сильнее.

— Т-с-с-с... — тормозит меня он и берет инициативу в свои руки.

Опрокидывает на кровать, запечатывает рот поцелуем и нагло вклинивается между моими бедрами, раздвинув ноги коленом. Я вся мокрая, изнывающая от желания и немного сумасшедшая. Горячая плоть нежно скользит между влажными складками, и я, вскрикнув, от слишком ярких ощущений, вцепляюсь зубами в плечо Дара.

— О-уч-шш, — шипит он, и я испуганно разжимаю зубы, но в ответ слышу тихий смех и обещание, от которого сносит крышу и внутри все переворачивается. — Ну что, погнались?

Заданный хриплым, срывающимся шепотом вопрос и первое, глубокое, болезненное проникновение, которое заставляет выругаться, выгнуть в спине и замереть. Дар послушно притормаживает, кусает в ухо и снова шепчет.

— Ты же сама хотела, — второе скользящее движение уже чувствуется не так остро, и получается различить другие оттенки ощущение — волнующие, будоражащие, волшебные. Выдохнуть и переварить не успеваю. Он врзается в меня снова, заставляя вцепиться в плечи и инстинктивно двигаться ему навстречу. Медленно, волнующе, скользко.

— Кайф... — бормочет парень, прикусывая мне шею, и снова мучительно медленно и глубоко вбивается в меня, вызывая очередной микровзрыв. Я уже не соображаю ничего. Рядом только он. В моей голове, в мыслях. Наши тела стали единственным целым, и двигаемся мы в едином ритме.

Дар нежно ласкает мою грудь, рисует круги на животе и спускается пальцами ниже, нажимая, поглаживая так, что я со всхлипом снова улетаю, успеваю только поймать его отрывисто хриплое:

— Прости, а сейчас для меня...

От одного этого обещания меня снова уносит в космос, а Дар словно срывается с цепи, увеличивая напор. Я и представить не могла,

что это может оказаться насколько всепоглощающе, волнительно, крышесносно.

Глубокие, рваные движения, бешеный ритм до сбивающегося дыхания и кругов перед глазами. Я настолько не контролирую процесс, настолько завишу от ритмичных движений, что полностью подчиняюсь парню, буквально растворяясь в нем.

Глубокие, почти до болезненности удары, плавные с растяжкой, а потом срывающиеся на сумасшедший ритм. Кровь стучит в висках. Я снова уплываю, вцепляюсь зубами ему в плечо и опять взрываюсь, так ярко и всепоглощающе, что на какое-то время, кажется, теряю сознание. С тихим хриплым стоном сверху на меня падает Дар и впечатывается поцелуем в шею.

— Моя... Это было охренительно, — шепчет он, а я даже ответить ничего не могу. Потому это действительно так. И от этого «охренительно» мышцы у меня дрожат не меньше, чем после хорошего кардио.

Дар

Каро спит, свернувшись, как кошка на моей кровати и замотавшись в шелковое покрывало графитового цвета. Материал, собирается в складки и красиво очерчивает идеальную фигуру. Девушка совершенна в отличие от меня. Отточенное многочасовыми тренировками тело лучше, чем у любой модели. Ни грамма лишнего жира, узкая талия, бесконечные ноги, красивая грудь. Она вся красивая, длинные волосы, спускающиеся почти до ягодиц, чувственные губы и невероятно длинные ресницы. Мне странно ощущать ее своей. В этом есть нечто неправильное. Мне кажется, что Каро достойна кого-то лучшего. Да хотя бы Кита. Но тут я даже ревновать не могу, прекрасно вижу — мой брат ей полностью безразличен. Небезразличен ей я. Такие эмоции искренние и яркие не подделаешь. Каро не настолько талантливая актриса. Да и не в ее правилах играть. Она прямая, бескомпромиссная и искренняя. Это в ней привлекает даже больше, чем красота.

Курю в открытое окно. Знаю, в этом элитном комплексе такое не приветствуется, да и сам я не сторонник сладко-терпкого табачного дыма. Не мое это.

Тонкая темно-коричневая сигарета лежала тут на полочке с незапамятных времен. С того времени, когда я много, чем баловался.

Сигареты — это лишь один из способов проверить границы дозволенного. Сегодня рука потянулась к ней сама. Последний запретный аккорд этого вечера.

Каро меня победила, я сдался, хотя обещал себе этого не делать. Не присваивать ее себе, не привязывать слишком сильно, чтобы она могла всегда уйти, если у меня ничего не выйдет. А сейчас... сейчас мы вросли друг в друга так, что не разодрать. Мне даже думать больно о том, что, возможно, однажды придется отпустить девушку, если вдруг я стану еще слабее.

Вытягиваю руку с зажатой сигаретой в приоткрытое окно. На улице ночь. Светятся окна дома напротив, где-то внизу виднеются фонари, а в просвете между низкими облаками желтеет луна — бледная, наполовину скрытая в дымке.

Огонек сигареты светится в темноте, как одинокая звезда. Тонкая струйка дыма поднимается в небо. Поблескивающий в лунном свете экзоскелет обвивает запястье. С ненавистью смотрю на него. Нет. Я так и не привык. Я не могу воспринимать его как то, что помогает мне передвигаться и быть почти нормальным. Для меня это ограничитель.

Сосредотачиваюсь и тяну из себя магию. Неприятно, болезненно и до головокружения тяжело, зато тонкие проволоки начинают медленно скрываться под кожей. Шиплю от боли и усиливаю нажим. Выступает кровь. Злюсь и действую слишком порывисто. Руку пронзает острой болью, сдавленно ругаюсь, и сигарета летит вниз из ослабевших пальцев. Огонек гаснет, а окровавленный экзоскелет снова встает на место. Захлопываю окно и сбегая в ванную, надеюсь, что не накапал на пол кровью и Каро ничего не заметит.

Да, я не слушаюсь ни бабушку, ни шэха. Я тренируюсь всегда. При каждом удобном случае, и я верю, до того, как я смогу убрать экзоскелет осталось не так много времени. Меньше, чем они пророчат. Мне хватит сил, я знаю. Мне есть ради кого бороться, а значит, цена неважна.

Глава 20

Каро

Мне так хорошо и уютно, как не было уже давно. То ли потому что здесь удивительно удобные подушка и кровать, то ли из-за того, что этой ночью я сплю в объятиях любимого мужчины. Просыпаюсь от поцелуя. Это так приятно, что на губах улыбка. Хочется мурлыкать кошкой и никуда не ходить, но такую роскошь я позволить себе не могу.

— Вставай, соня, а то мы рискуем опоздать в колледж, — говорит Дар и целует меня в нос. — Парень в домашнем. Спортивные штаны, футболка, которая, кажется, ему маловата, и взлохмаченные светлые волосы. Дару идет абсолютно все. Даже экзоскелет, который я воспринимаю частью его.

— Не рискуем! — отвечаю я и лениво потягиваюсь, заворачиваясь в покрывало. Как же не хочется вставать и выходить в этот жестокий и неприятный мир. В мышцах легкая тяжесть, как после хорошей тренировки. Мне нравится это ощущение. — Мы сегодня прогуливаем колледж. Так что можно сильно не спешить.

— Да? — удивляется парень. — Не то чтобы я против, но вчера ты переживала, что тебя выгонят, а сегодня хочешь прогулять? В этом есть какая-то логика?

— Я и сегодня переживаю, — лениво отвечаю я и рискую узоры пальцем чуть ниже закатанного рукава рубашки, старательно обводя пальцем изгибы проволоки экзоскелета. — Но ты сам сказал, Мара решит вопрос с директором, значит, переживать не о чем. По крайней мере, пока. А мне надо решить вопрос с маньяком. Маньяк мне видится на данный момент более важной задачей, нежели колледж.

— И как ты собираешься решить вопрос с маньяком?

— Не знаю пока. — Вдыхаю и снова падаю на подушки, тут безопасно и уютно. Хочу, чтобы так было всегда. И я сделаю для этого все возможное. — Но я точно знаю, мне необходимо поговорить с матерью. Если кто в курсе, то это она. Были ли у моего кошмара дети? Кто предложил ей подработку на приеме? Откуда взялась кукла в квартире? Я уверена, она знает ответы на эти вопросы и расскажет,

если на нее надавить. Только вот до этого момента я сама не была уверена, что выдержу этот разговор. Давить бы не получилось. Слишком много эмоций вызывала у меня каждая встреча с ней.

— А сейчас выдержишь?

— Да. — Я отвечаю, немного подумав, потому что это не праздный вопрос. И после размышлений добавляю. — Если со мной поедешь ты. Ты ведь поедешь со мной, Дар? Одной мне будет справиться тяжелее.

— Конечно, — соглашается он. — Только давай не будем допускать прошлых ошибок и, если хотим вернуться к вечеру, возьмем магмобиль с водителем. Так будет эффективнее и проще.

— Как скажешь. — Я удовлетворенно киваю. — Если за рулем будешь не ты, даже лучше. Все твоё внимание будет принадлежать мне, а дорога неблизкая.

— Понял, — парень усмехается. — Нам необходим магмобиль с перегородкой, которая отделяет салон от водителя.

— Это было бы неплохо, — говорю и я, откинув покрывало, поднимаюсь. Странно, но я не испытываю смущения, рассекая перед Даром обнаженной, скорее, мне это нравится. Впрочем, мне всегда нравилось его дразнить, даже когда мы не были вместе. Сейчас просто в нашей игре появились новые, намного более интересные грани.

Выезжаем часа через полтора, потому что пока я в душе, ко мне приходит Дар, и это новые грани наших отношений, очередное обнажение души. Неторопливые поцелуи в шею под теплыми, льющимися на нас струями воды, тихий шепот на ухо, от которого вспыхивают щеки и торопливые, рваные движения.

Наслаждение такое пронзительно острое, что требуется время, чтобы прийти в себя. Я плаваю в нирване, а Дар мягкими массирующими движениями наносит шампунь на мои волосы. Откидываю голову парню на плечо и прикрываю глаза, полностью отдаваясь во власть его нежных рук, которые с головы переносятся ниже и скользят по телу, рождая новую волну жара и желаний.

Мы слишком долго сознательно избегали близости, с нашего знакомства, с того самого мига, когда между нами летали искры, которые мы старательно игнорировали, и сейчас не можем насытиться друг другом. Для меня все это в новинку, и хочется познавать его тело

снова и снова, но, к сожалению, у нас нет возможности сбежать ото всех и насладиться обществом друг друга. По крайней мере, пока.

— Обещай, — шепчет мне Дар, снова проходясь губами по влажной шее. — Когда все закончится, мы сбежим с тобой в Монарко...

— Монарко... — тяну я, зажмурившись. — Это даже звучит как нечто очень жаркое...

— Монарко — это море, солнце и мы... тебе там понравится. Я научу тебя кататься на доске по волнам.

— А это... — хочу спросить возможно ли кататься на доске в экзоскелете, но не хочу рушить момент, но парень понимает и сам, поэтому отвечает жестко, но уверенно.

— Когда все закончится, на мне не будет экзоскелета, Каро. Вот увидишь...

Мне не нравится его повернутая упертость в этом вопросе, но я не спорю. С одной стороны — это бесполезно, с другой — не хочу ругаться, но обещаю себе вернуться к этому разговору. Мне страшно, что Дар со своей непробиваемой решимостью натворит глупостей. Моя задача — убедить его не спешить. Я знаю, мне это по силам. Главное, подобрать правильные слова.

Я вытираю волосы полотенцем, когда раздается стук в дверь. Напрягаюсь, но Дар успокаивающе машет рукой и идет открывать. Не удержавшись, выглядываю следом. Парню передают два больших пакета с логотипами известных брендов.

— Не люблю второй день надевать те же вещи, — поясняет парень. — К тому же, кто-то оторвал мне на рубашке пару пуговиц. Кстати, второй пакет для тебя, — добавляет он и протягивает его мне. Послушно принимаю из рук. С одной стороны — не хочу, чтобы он за меня платил — это смотрится как-то... ну, короче, мне не нравится, как это смотрится. С другой... я хочу чистую одежду. И второе желание сильнее.

Внутри нижнее белье, как я люблю — открытый лаконичный комплект и простое черное платье до середины икры, которое будет хорошо смотреться с моей спортивной обувью. Все из качественного материала, отлично сидящее. В этом платье я выгляжу утонченной, но не чувствую дискомфорта.

Когда выходим из дома, на парковке нас уже ждет длинный тонированный магмобиль. Пафосный, дорогой и комфортный. Действительно, водительскую и пассажирскую зону отделяет глухая перегородка. Внутри салона удобные кресла, столик между ними, белая кожа и прохлада. В мини баре холодное игристое. Когда Дар наливает мне бокал, вопросительно вздергиваю бровь.

— Не рано ли начинать пить?

— Игристое за завтраком — гарантия хорошего дня, — беспечно отзывается парень. — К тому же, дорога длинная, разговор предстоит тяжелый, поэтому просто расслабься и получай удовольствие.

Получать с Даром удовольствие невероятно легко. Он знает в этом толк. И я всю жизнь, проведя в ограничениях, сейчас учусь по новому воспринимать этот мир. Мир без преград, финансовых сложностей и неудобств.

Игристое в моем бокале не нагревается оно с легким привкусом чернослива и южного солнца. На тарелке маленькие бутербродики с красной рыбой, сыр с белой плесенью и какие-то экзотические фрукты, которых я не знаю. Мягкие кожаные кресла магмобиля удобные. В них совершенно не устаешь, и дорога воспринимается, как приятно приключение с красивым и будоражащим воображение парнем.

Дар нежный, внимательный, заботливый, и у меня от него сносит крышу. Бесконечная дорога, которая могла бы показаться скучной, пролетает в один миг. Потому что я дышу им. В этом есть еще один плюс: кроме обычного человеческого счастья, я не накручиваю себя перед разговором с матерью. Бабочки в животе, розовая вата в голове — лучшее средство, чтобы не загоняться из-за проблем, существующих в реальности.

Дар предлагает хорошее решение, чтобы не травмировать меня еще сильнее. Мне идея встретиться с матерью на нейтральной территории кажется очень удачной, и я пишу ей сообщение, назначая встречу в одном из небольших кафе в центре города. Там всегда тихо. Но находится оно в самом центре, с одной стороны, там можно спокойно поговорить, с другой — там всегда люди, и нет болезненных воспоминаний, которые накрывают меня в нашем дворе. Действительно, лишний раз себя травмировать нет смысла. Мне нравится, что рядом есть тот, чей взгляд не такой, как у меня.

Некоторые решения, которые предлагает Дар, такие простые и очевидные, что удивительно, как я могла сама их не видеть.

Мать удивлена. Я никогда сама ей не писала, а когда писала она, чаще всего игнорировала сообщения. Не отвечала, если она пыталась связаться со мной голосом, поэтому сейчас не сомневаюсь — она бросит все дела и примчится. Слишком долго она ждала, чтобы я сделала хотя бы маленький шагочек ей навстречу. И мне немного не по себе от того, что мое желание поговорить не имеет ничего общего с родственными отношениями. Я не простила ее, и вряд ли прощу, как бы она того не ждала. Поэтому я и не общалась с ней. Не хотела давать ложную надежду. Сегодня — это исключение. Жаль, что придется это ей сказать, но иначе я не могу.

Мой расчет оказывается верен. На встречу она соглашается практически молниеносно, даже не уточнив, что мне нужно и это хорошо. Не приходится вступать в диалог, который мне совершенно неинтересен. Главное, что она будет в условленном месте к нужному времени. После того как приходит ответ, начинает немного потряхивать, потому что пути назад нет, и именно сейчас меня накрывает полным пониманием, на что я иду. Первый наш полноценный разговор с тех пор, как я узнала, что все то время, пока маньяк меня держал взаперти, моя мать продолжала жить с ним в соседнем доме и даже ничего не заподозрила.

Мы въезжаем в город ближе к пяти вечера, когда солнце начинает скрываться в зависших над горизонтом тяжелых облаках. Мрачная серость пасмурного вечера навеивает тоску, как и предстоящий разговор, но из головы еще не выветрились пузырьки игристого, а за талию меня обнимает самый красивый парень на земле, поэтому я продолжаю улыбаться.

Выходим из магмобиля, держась за руки, и в кафе — весьма уютном и симпатичном — оказываемся раньше матери минут на сорок. Я успеваю осмотреться. Здесь все изменилось с того времени, как я тут бывала еще ребенком. Оказывается, в этом месте вполне приличная кухня и почти отличный кофе, который я заказываю себе во время ожидания. Не хочется ничего девчачьего, поэтому пью обжигающе горячий, крепкий и черный, как смоль. Обычно я подобный не очень люблю, предпочитая более мягкие, молочные вкусы, но сегодня мне нужно максимально взбодриться и выплыть из

этой ленивой неги, в которую меня вогнала ночь с Даром. Я сейчас слишком благодушна для разговора с матерью, могу оказаться чересчур слабой и мягкой для того, чтобы ее дожать.

Столик в нише как нельзя лучше подходит для конфиденциального разговора. Руки слегка дрожат. Дар чувствует мое волнение и осторожно сжимает холодную ладонь, согревая и успокаивая.

— Не дергайся, — тихо говорит он мне. — Все будет отлично. Вот увидишь. А на обратную дорогу у нас еще одна бутылка игристого.

— Так и спиться можно, — вымученно улыбаюсь я, а парень тихо смеется. — Тебе это не грозит, ты постоянно на спортивном режиме.

— Если меня не выгонит шэх за поведение на соревнованиях. Психовала, продула, не вышла на награждение, а потом и вовсе исчезла больше, чем на сутки...не удивлюсь, если мой шкафчик уже кому-то отдали, а меня вычеркнули из жизни клуба.

— Каро... — мягко тянет парень, и я снова плыву от его низкого, бархатистого голоса. — Ты ведь знаешь, что шэх так не сделает. Тебя ценят и одна осечка... это просто одна осечка. Все прекрасно понимают, ты соберешься и всех порвешь.

— Спасибо, — шепчу я. — Ты не представляешь, насколько мне важны твои слова. Особенно сейчас.

Мать появляется за пять минут до назначенного срока. Едва вижу ее на улице за стеклянными дверями кафе, как вся моя уверенность рассыпается. Хочу сбежать, но некуда, мать влетает в кафе так, словно чувствует, что я могу уйти, и стремительно направляется к нашему столику.

Я даже не могу заставить себя быть вежливой, а грубить не хочу, поэтому просто замираю, чувствуя, как сводит судорогой мышцы на лице, прекращая его в восковую маску. Пусть она уйдет быстрее. Не могу ее видеть!

Чувствуя напряжение, Дар накрывает мою руку своей. Выдыхаю, и смотрю матери в глаза, пытаюсь прогнать весь негатив и вспомнить, зачем мы проделали такой путь.

— Каро, девочка моя... — начинает она дрожащим голосом. Черные, как и у меня волосы, собраны в небрежный пучок. На висках несколько седых прядей, которые она даже не потрудилась закрасить. Мама могла бы быть красива, если не жила всю жизнь с маньяком в

нищете. А так на ее лице следы усталости, кожа потускнела, появились морщины. На лбу слишком глубокая для ее возраста. — Я знала, что однажды ты пойдешь на контакт со мной.

— Я приехала по делу, не обольщайся, — отрезаю я и указываю головой на стул напротив. — Присаживайся.

Она послушно садится и складывает на стол перед собой руки с пересушенной кожей, похожей на пергамент. Длинные пальцы без маникюра теребят старую, потрепанную замшевую сумку. Я помню ее еще из своего детства. Впервые промелькивает что-то типа жалости к этой уставшей, несчастной женщины. Но она сама выбрала этот путь. Ее никто не заставлял.

— Знай, я всегда рада тебя видеть, и неважно, что тебя привело тебя ко мне...

— Даже так? — Агрессию подавить не получается. — Так, может быть, всю эту травлю организовала ты? Ты ведь неплохо знала все, что со мной произошло. У тебя в доступе были все материалы дела, его рассказы. Он ведь рассказывал тебя, что делал со мной в подвале? Про то, как отращивал волосы, заставлял играть с мертвыми подружками, запирали в шкафу? Ты ведь обо всем этом знала!

Она опускает глаза, а я чувствую, как меня трясет.

— Мы не говорили о тебе... это сложная и скользкая тема. — Наконец, она отвечает очень тихо и испуганно, и это служит для меня триггером.

— А! Вы даже не говорили обо мне! А о чем? О цветочках? О погоде?... О чем ты говорила столько лет с человеком, который хотел меня убить и не сделал этого лишь потому, что я не отвечала на сто процентов его пониманию красоты?

— Каро...я ведь не знала... я и представить не могла, что ты у него. Он так меня поддерживал, он позволил мне пережить мое горе...

Меня корежит от ее слов. Ей помогли пережить ее горе, а мое горе? О нем она думает? Впрочем, мне давно известен ответ — нет.

— Сейчас я не говорю о том времени, когда ты не знала, сейчас я говорю о ситуации после... после того, как ты узнала, но продолжала, как верная жена, ухаживать за ним в лечебнице.

— Но... ему ведь нужна была моя помощь... я не могла оставить его.

Качаю головой и понимаю, что разговор продолжать не могу, поэтому порываюсь встать, но Дар, который так и не отпустил мою руку мягко, но настойчиво ее сжимает, не позволяя уйти.

— Каро, ты приехала не ругаться. Ты приехала узнать конкретные вещи. Спрашивай.

Хочется психануть и послать куда подальше, и его, и мать, и вообще, весь этот гребанный мир, но потом я вспоминаю, что обещала себе быть сильной. Выдыхаю, и спрашиваю в лоб.

— Кто снова терроризирует меня, мама? Скажи. Ты ведь знаешь? Это ты или ты кому-то помогаешь?

Она смотрит на меня испуганно, и губы начинают дрожать. Я совершенно права, а она нет. Так почему же у меня впечатление, будто я обидела ребенка? Дурацкое чувство и совершенно сейчас неуместное. Когда в душе смешивается старая обида и жалость, становится особенно гадко. Даже дышать тяжело.

— Нет, Каро! Нет! Я бы... я бы никогда... — задыхаясь, начинает она. И столько в ее словах экспрессии из-за якобы несправедливых обвинений, что меня коробит.

— Не ври, — отрезаю я. — Про «никогда» не ври. Мама, я сбежала от него к тебе, я рассказала, что произошло, а ты...

Сглатываю, потому что душат слезы, а я очень не хочу разрыдаться при ней. Ни за что.

А вот мать начинает рыдать. Ничего нового. По щекам текут слезы, и она промокает их рукавом заношенной кофты, пока Дар молча не протягивает ей салфетку.

— Я не могла представить, что он способен на подобное! Правда, дочка! Тебя не было два года, я думала, ты повредила умом.

— Я буквально приползла к тебе с переломанными ногами, так как сбежала от этого уroda по крышам, и пришлось прыгать, я была почти с выезженным даром и пониманием, что впервые в жизни искалечила человека, и мне как-то надо научиться существовать с этим знанием и не сломаться... хорошо, пусть я покалечила не совсем человека и сделала это, защищая собственную жизнь, но ты не поверила мне! Ты сбежала помогать ему, смотреть, как там твой драгоценный, а меня просто укрыла одеялом и велела приходить в себя! Вдумайся, переломанного, искалеченного ребенка ты просто

положила полежать после того, как два года ребенок провел в плену. Это в твоём понимании нормально?

Ее начинает трясти. Меня тоже. Я словно снова возвращаюсь в тот день, когда боль, жар и спутанное сознание стало моей вселенной, в которой я не понимала, спаслась я или нет. И если я все же спаслась, то почему на свободе мне хуже, чем в плену.

— Каро, я не знала... — шепчет она.

— Что ты не знала? Я пришла к тебе. Ты видела, в каком я состоянии...

— Ты пришла, — продолжает оправдываться мама, заламывая руки. Ее сумка падает на пол, но она не обращает на это внимания. — Сама пришла. Я не думала, что все так серьезно. Но я вызвала врачей...

— Сначала ему... — припечатываю я. — Ты бросила меня тут и пошла спасать его.

— Я думала, он нашел тебя, спас, а ты испугалась и не смогла контролировать свой дар... именно об этом я подумала, когда ты вернулась. Я не поняла, что тебе плохо... ты же шла. Со сломанными ногами не ходят.

— Магия, шок, нечеловеческая воля... мне врачи сказали так. А вызвала ты их, лишь когда вернулась и обнаружила меня без сознания. Если бы я умерла, там у тебя на кровати, было бы еще хуже.

— Не говори так! Я, правда, переживала!

— Дело прошлое. — Я выдыхаю, понимая, что ничего не добьюсь. Не хочу развивать эту тему. Я пришла за другим. — Просто после всего этого не говори мне, на что ты способна, а на что нет.

— Ты никогда меня не простишь, да?

— Я не хочу об этом говорить. Я хочу просто узнать, если это не ты, и если ты никому не помогаешь, кто мог еще знать о том, что со мной произошло в деталях. У меня есть ощущение, будто меня изводит именно он... но ведь он умер, мама?

— Он умер... — Она утирает слезы, и не похоже, что врет. — И я никак не причастна к охоте за тобой. Правда.

— Тогда вспоминай, кто у него был, кроме тебя и его мертвых кукол?

Мама рыдает, обхватив себя руками и, кажется, не реагирует на внешние раздражители. Мне уже начинает казаться, что этот разговор

бесплезен, но она тихо говорит.

— Ребенок...

— Что ребенок?

— У него был ребенок. Он любил... но бывшая она отдала в приемную семью...

— Кто его бывшая? — напрягаюсь я. — Его ребенок? Как их найти.

Мама пожимает плечами.

— Не знаю... она умерла. Давно умерла, еще до того, как ты вернулась. Он собирался забрать ребенка себе, чтобы мы жили вместе. Любил...

— Но?

— Но ты спаслась. Ребенок остался в другой семье.

— Что за ребенок, мама? Ты его видела?

— Нет... — Она качает головой. — Он называл «ребенок»... и все. Я не вникала, мне было хорошо с ним без детей.

Я прикрываю глаза и массирую виски.

— Вот есть хоть кто-то, на кого тебе не насрать, кроме себя? Раньше я думала, что любовь к уроду застилала тебе глаза и ты перестала любить меня, собственную дочь. Но правда в том, что и его ты не любила! Ребенок... это все, что ты знала, и все, что тебя интересовало! Его ты тоже не любила. Ты всегда любила только себя и никого больше! Это хоть мальчик или девочка?

— Не знаю... — всхлипывает она. — Прости меня, я правда не знаю...

Глава 21

Тягостный разговор, тягостное послевкусие. Хочется прекратить все, как можно, быстрее. Я даже есть с матерью за одним столиком не могу. Это слишком сложное испытание для меня. При каждой нашей встрече я не прощаю ее, а, наоборот, только сильнее начинаю презирать. Когда узнаю все, что мне надо, поднимаюсь и выхожу без слов. Даже не прощаюсь. Да, невежливо. Но я искренне считаю, что вежливость еще надо заслужить. Она не заслужила. Дар, расплатившись, догоняет меня уже на улице. Я стою, подставив лицо ветру, и просто пытаюсь дышать. Колотит. И я почти не чувствую, что на улице начался дождь и ледяные капли лупят по лицу.

Мать за нами не идет. Остается внутри, и я благодарна ей за то, что она не стала пытаться продолжить разговор. Я и так сдержалась с трудом. Если бы она вышла сейчас и попыталась мне что-то объяснить и оправдаться, как любила делать, был бы скандал.

— Как ты? — спрашивает Дар, и я честно отвечаю севшим голосом.

— Никак.

Парень подходит и стискивает меня в объятиях, заставляя уткнуться носом в плечо, и это лучшее, что случилось со мной за последние несколько часов. Стою, прикрыв глаза, и даже не сразу замечаю, как по щекам начинают течь слезы, а вместе с ними приходит облегчение, словно внутри разжимается тугая пружина.

Мы еще какое-то время стоим просто обнявшись. Я слушаю биение сердца Дара и сама потихоньку прихожу в себя, словно напитываюсь силой и спокойствием, исходящими от парня. Только когда Дар чувствует, что я успокоилась, ведет меня к магмобилю и помогает сесть внутрь.

Первое время мы молчим, но я ощущаю поддержку Дара, через мою руку, которую он сжимает в своей. Даже молчание между нами уютное.

— Надо заехать к Лестрату, — наконец озвучивает парень мою мысль.

— Согласна. — Я киваю. — Значит, ребенок... я подозревала нечто такое... но как же много вопросов. Зачем его ребенку портить мне жизнь?

— Сложно сказать... вряд ли у психически повернутого идиота могли получиться нормальные дети.

— Думаешь, он кого-то брал с собой... к своим куклам?

От одной мысли волосы шевелятся на затылке. А Дар молчит, и это молчание красноречивее любых слов.

— Этот мужик... — подбирает слова Дар. — Он сильно был старше твоей матери?

— Ну-у... — Я пожимаю плечами. — Лет на десять, а может, плохо сохранился... кто же его знает?

— То есть мы имеем, по сути, диапазон возраста ребенка от десяти лет(десятилетка такое организовать не мог бы) и до тридцати?

— Возможно, но знаешь... мне кажется, это мой ровесник. И он учится в колледже, потому что проблемы начались, когда я попала в колледж...

— Или триггером послужила смерть маньяка. Какое-то время преступник прорабатывал план, а потом начал воплощать. Это просто совпало с твоим появлением в колледже. Думаю, у Лестрата хватит ресурса выяснить, кто из твоего окружения был усыновлен чуть больше пяти лет назад. И кстати, если речь шла об усыновлении, то ему не может быть тридцать. Он если и старше тебя, то ненамного. В общем, пусть Лестрат ищет.

— Да. А пока он ищет, я пойду своим путем.

— И каким же? — настороженно спрашивает Дар.

— Есть у меня одна идея, — уклончиво объясняю я. — Но мне необходимо ее хорошенько обдумать. Я выведу этого мерзавца на чистую воду.

— Обещай, что не будешь ничего предпринимать в одиночку, — просит Дар. — И обязательно скажешь мне.

— Конечно,— не моргнув, соврала я. Я не хочу подвергать Дара опасности. Это мой бой, и играть я буду по своим правилам.

Засыпаю на его плече. Хочется нежности и времени наедине друг с другом. Стереть поцелуями воспоминания о встрече с матерью, хочется, чтобы страсть снова вытеснила все плохие мысли, мне нужно это, как воздух. Но организм решает иначе — сон не хуже, чем секс, и

меня вырубает. Причем так резко и настолько я глубоко засыпаю, что открываю глаза, когда за окном уже мелькают огни ночного Горскейра.

— Сколько сейчас времени? — сонно спрашиваю я, потягиваясь и пытаюсь окончательно проснуться. Тело ломит, спать сидя не лучшая идея.

— Почти одиннадцать, — сообщает мне Дар. — Думаю, к Лестрату лучше заехать завтра. Поздно.

Я соглашаюсь. Мне и самой не хочется никуда ехать и ни с кем разговаривать. Несмотря на то что я проспала всю дорогу, все равно чувствую себя разбитой. А потом у Лестрата тоже рабочий день уже, скорее всего, закончился. Не дергать же человека из кровати.

Дар снова отвозит меня в квартиру, а не в колледж.

— Отсюда мы с утра успеем заскочить к Лестрату. Все равно к нему ехать. Так будет удобнее.

Я согласна, это место у меня связано с хорошими воспоминаниями. Иду в душ и потом снова отключаюсь, даже не вспомнив о том, что сегодня толком не ела. Зато на следующее утро просыпаюсь рано и бодрой, бужу Дара, и мы к началу рабочего дня отправляемся в управление к Лестрату.

Несмотря на то, что на парковке почти нет магмобилей, в холле бродят сонные еще не втянувшиеся в работу сотрудники, Лестарт ждет нас в кабинете помятый и несвежий. С синяками под глазами, в мятой рубашке и с непослушными волосами, собранными в небрежный хвост. На его столе пара смятых коробок из-под пиццы, стаканчики кофе, документы.

— Ты что, не был дома?

— Три дня, — отвечает он и, морщась, делает большой глоток кофе. — Не спал, толком не жрал... вот живу на одном кофе. Дело сложное попало. А у вас что?

— Так, может, мы потом зайдем... — Я сразу же даю заднюю. Куда Лестрата грузить еще моими проблемами?

— А ну, стоять! — одергивает меня некромант и я замираю и потом рассказываю, что все же решила на разговор с матерью.

Разговор с Лестратом занимает полчаса не больше и дальше мы едем в колледж. Я намерена во что бы то ни стало, быть обычной студеной, у которой роман с самым горячим парнем в колледже. Я точно уверена, там меня ждет маньяк, он хочет, чтобы я окончательно

сломалась, а вот у меня совсем другой план. Мне нужно показать, что все его усилия тщетны, тогда... думаю, он начнет совершать ошибки.

Последние дни, когда я так и этак крутила ситуацию в голове, позволили прийти к пониманию — маньяку нужно, чтобы я страдала, чтобы потеряла все, чего достигла. Если это ребенок моего мучителя, то задача свести меня с ума. Отправить туда же, где сгинул его отец... но нет. Я буду жить, улыбаться и демонстрировать успехи. А для этого придется пахать. Следующие соревнования в выходные. А сегодня в моих планах закрыть долги по учебе, окончательно уладить вопрос с директором и целоваться с Даром на переменах. Ну а потом идти вкалывать в зал, снова и снова, чтобы с триумфом взять первое место. И я очень сильно сомневаюсь, что маньяк позволит мне реализовать весь этот план, он будет мешать всеми силами. Мне просто нужно внимательно следить за своим окружением и не пропустить того, кто допустит ошибку.

Не попадают под подозрение только близнецы, и то не потому, что я влюблена в одного из них. А потому что их двое. А у маньяка ребенок один. И, кстати, в голове я всегда называю его «он», но про пол мама не сказала ни слова.

В колледж мы все же опаздываем. Хоть разговор с Лестратом и недолгий, потом мы просто сидим и целуемся в магмобиле на парковке возле управления, пока кто-то не начинает барабанить нам в окно. Только после этого со смехом уезжаем.

Успеваем только на вторую ленту. К себе я даже не захожу, поэтому являемся с Даром счастливые, сияющие, но без формы. Преподаватель смотрит строго, у нас и так не самые лучшие оценки, да и посещаемость хромает. Да и помнит нас преподаватель не с лучшей стороны. На первой паре мы с Даром устроили скандал, на второй нас заставили убираться в кабинете в качестве наказания, а после кто-то запер нас в кладовке, а потом мы преимущественно пропускали занятия, что не добавило нам очков, но сегодня мы стараемся вести себя тихо, как мышки, только перешучиваемся и рисуем сердечки в тетрадях друг друга. Мара смотрит на нас с умилением старшей сестры, Кит упорно пытается сделать вид, что ему все равно. Мне немного неловко перед парнем, но я гоню от себя мысли. Самое неприятное, что мне Кит нужен, даже не сведешь общение к минимуму.

Всю ленту невольно на него пялюсь, когда Дар не видит, обдумывая, стоит с ним поговорить или нет. А если стоит, то как лучше это сделать...

В итоге проблема решается сама с собой. Как только я остаюсь без Дара, который пошел нам за кофе, Кит подходит ко мне сам. Я сижу на подоконнике в самом конце коридора. Именно тут была первая стычка с этим близнецом. Я его тогда знатно приложила ментальной волной за просьбу извиниться перед Даром. Интересно, как так вышло, что в колледже, в котором я провела мало времени, у меня уже так много памятных мест.

— В чем дело, Каро? — спрашивает меня парень, рассматривая со злым вызовом. — Уже надоел мой брат, поэтому пожираешь глазами меня? Не сработает. Я не беру игрушки, принадлежащие Дару.

— Если бы мне надоел твой брат, я бы пожирала глазами кого-то другого, не так на него похожего. Не носи всякую фигню. И не ври, тебя никогда не смущало то, что я нравлюсь Дару. Я смотрела на тебя не поэтому.

— Тогда в чем проблема? Я думал, ты прожжешь во мне дырку взглядом.

— Мне нужна твоя помощь. Я хотела поговорить и прикидывала, как это сделать наименее болезненно для всех. Ты избавил меня от необходимости придумывать способ тебя выловить.

— Моя помощь? — фыркает Кит. — А Дар уже не подходит?

— Нет, Дар не подходит, — соглашаюсь без зазрения совести. — Он импульсивен и знаешь, как относится к своему экзоскелету. Он совершенно не в состоянии оценивать собственные силы и отступить, если их объективно не хватает.

— Что нужно от меня?

— Пока не знаю. — Я мрачно пожимаю плечами, думая, как лучше сформулировать мысль. — Мне нужно будет, чтобы ты отвлек Дара от меня тогда, когда мне это будет нужно.

— Рисково, Каро. Не играй им, — говорит Кит с болью.

— Кит, я почти знаю, кто маньяк. Но у меня нет доказательств. Мне надо вывести его на чистую воду, если Дар узнает, он не оставит меня ни на минуту. А тогда все усилия будут напрасны. В одном случае маньяк не клюнет ни на какую приманку, в другом Дар пострадает.

Поэтому тут речь не об игре Даром или его чувствами. Речь о его безопасности.

— А если пострадаешь ты?

— Это мой бой, и я его выиграю. Пойми. Рано или поздно эта тварь непременно меня подловит, дождетя момента, когда я буду одна, и расслаблена, и тогда ударит. Я просто хочу создать нужную ситуацию искусственно, заставить действовать сгоряча.

— Ты можешь сказать мне, кто это?

— У меня несколько кандидатур. Мне очень будет стыдно перед людьми, про которых я подумала такое, а они оказались не виноваты, — признаюсь я. — Поэтому прости, но я оставлю их личности при себе.

— Я помогу тебе, Каро... — мрачно говорит Кит. — Но мне не нравится эта идея.

— Мне она тоже не нравится... — признаюсь я. — Мне вообще ситуация эта не нравится, но что делать? Я люблю твоего брата, я хочу быть с ним, я хочу быть счастлива, но я должна поставить точку в этой истории.

— Может, логичнее довериться Лестрату?

— А я ему и доверяю. Он проверит мои догадки, но, понимаешь... маньяк хитрый, умный и ненавидит меня... только я могу спровоцировать его на глупости.

— Ну и как ты будешь его провоцировать?

— Я уже провоцирую.

— Не понял.

— Мой преследователь хочет свести меня с ума, дезориентировать, заставить паниковать, бояться жить, дышать. Заставить проигрывать. Мне просто нужно быть максимально счастливой и успешной, несмотря ни на что. Тогда он поймет, что упечь в психушку меня не получилось, уничтожить мою жизнь тоже, а значит, выход один — убить...

— Ты сумасшедшая.

— Поэтому и привлекаю вас с Даром. Разве не так?

— Не привлекаешь. — Качает головой Кит. — Мы тебя любим и будем делать все, что ты скажешь и знаешь... это пугает.

Меня тоже пугает признание Кита, но, к счастью, появляется Дар с двумя дымящимися крафтовыми стаканчиками кофе и спасает

ситуацию. Он смотрит на брата подозрительно и собственнический обнимает меня, вручив стаканчик кофе, но ничего не говорит.

Впрочем, и без слов понятно, Дар — недоволен, но мы с Китом делаем вид, будто этого не заметили. Синхронно переходим на обсуждение нейтральных тем. Скоро к нам присоединяется Мара, и разговор сворачивает на соревнования, на тренировки и разговор с директором.

— Скажи, мне нужно к нему зайти? — спрашиваю я, понимая, что совершенно не хочу этого делать. Я и сама прекрасно знаю, что подвела, облажалась и не достойна учиться в этом храме науки для золотой молодежи Горскейра.

— Позовет — сходишь... — Она пожимает плечами. — Не позовет... не сходишь. Не заморачивайся. Зачем ты все усложняешь? Как бы громко он ни возмущался, отчислять за первую неудачу не будет. До конца семестра тебе точно ничего не грозит, особенно, если лишний раз не будешь попадаться ему на глаза. Ну а потом, конечно, лучше подчистить все косяки. Кстати, что вы делаете вечером?

Дар смотрит на меня вопросительно, а я тяжело вздыхаю. Быть счастливой, не значит отказываться от обязательств. В конечном счете, во время тренировок я тоже счастлива.

— Простите, народ, но я теперь живу в зале. Мне и так достанется за то, что сбежала с награждения и потом пропала на сутки. Буду пахать и подчищать косяки. На следующих соревнованиях я должна взять золото.

— Мы в зале, — поддерживает меня Дар, а Мара вздыхает.

— А я надеюсь, что не придется страдать одной. Иногда мне кажется, что меня родителям подкинули! — в сердцах выдает она. — Меня так утомляют долгие семейные вечера с полезными знакомыми, что хочется выйти в окно!

Вроде бы простая фраза, но тут же напрягаюсь. Сердце пропускает удар, а в груди сворачивается привычный комок паники, я быстро беру себя в руки, продолжая наблюдать Марой, которая уже, кажется, забыла о брошенной вскользь фразе. Дочка мэра приемная? Интересно, такой поворот вообще может быть?

В дальнейшем разговоре не участвую, только иногда дежурно улыбаюсь, но этого никто не замечает, а значит, играть роль у меня пока еще получается. Что же в моем списке стало на одного

подозреваемого больше. Впрочем, про Мару я узнаю уже сегодня, никакой Лестрат не понадобится. Впрочем, чем дальше я размышляю, тем более бредовой мне кажется эта идея.

Если даже допустить, что Мару удочерили, то сделали это явно не в возрасте десяти-двенадцати лет, а именно столько ей было, как ребенка маньяка забрали в приемную семью. Когда это понимаю, меня немного отпускает. Хотя подозревать каждого человека, который оказывается с тобой рядом, невероятно тяжело. Но осталось недолго, я чувствую — мы на финишной прямой.

После пар целую Дара и иду в свою комнату, чтобы переодеться и собрать сумку в зал. Захожу с замиранием сердца. Если вдруг маньяк не оставил мне никакого подарочка, то... я сильно удивлюсь.

Когда захожу, то понимаю, что Энси вернулась. Сейчас ее нет, но на кровати небрежно брошенный халат, открытый учебник на столе и чашка с недопитым чаем, а на моей кровати. Плоская черная коробочка, перевязанная лентой. Не думаю, что этот подарок мне понравится.

Руки дрожат. Сначала я хочу открыть, но потом меняю свое мнение. Зачем? Я же решила переиграть маньяка, а значит, нельзя поддаваться на его провокации. Самое верное в моей ситуации — игнор. Поэтому коробочка без сожалений летит в мусорное ведро. Правда, переодевшись, я ее оттуда достаю. Нет, не потому, что дала слабину, а потому что посмотреть, что в ней обязательно надо. Только пусть этим занимается Лестрат. Так будет правильно.

Сую неприятный презент в рюкзак и выхожу на парковку, где меня уже должен ждать Дар. Не скажу, что мне легко. Сердце грохочет, а маленькая черная коробочка, кажется, жжет спину через плотный материал рюкзака, но я нацепляю на лицо лучезарную улыбку и едва не сбиваю с ног Ильяса, который идет мне навстречу.

— Ты что такая счастливая? — спрашивает парень, а я пожимаю плечами.

— А почему бы и нет? Прекрасная погода, прекрасный день. Разве это не поводы для счастья?

Парень раздраженно пожимает плечами и проходит мимо, а я недоуменно смотрю ему вслед. Все же очень странный персонаж. С нашей первой мимолётной встречи ведет себя так, будто мы с ним давно знакомы и дружим. По факту же, я могу по пальцам одной руки

пересчитать встречи с ним. Он точно не входит в круг моих близких знакомых.

— Что ему было нужно? — напряженно спрашивает Дар и провожает Ильяса недобрым взглядом. Меня это забавляет. Мой парень, оказывается, ревнив и готов агрессивировать на любого мужчину рядом со мной.

— Представления не имею, — отзываюсь я легкомысленно и чмокаю Дара в нос. — Поехали, нам нужно заскочить к Лестрату и постараться не опоздать на тренировку, на которой шэх будет меня убивать.

— Что-то случилось?

— Ну как тебе сказать... мне оставили подарок... очередной. И если его сделал не ты, а я сильно сомневаюсь, что в текущей ситуации ты стал бы мне устраивать сюрпризы, значит, подарок от преследователя.

— Что в нем?

— А я не стала смотреть. Не хочу. Устала, и он именно этого от меня ждет. Решила, пусть с этим разбирается Лестрат.

Дар внимательно смотрит на меня, но внезапно соглашается.

— Ты совершенно права. Ты слишком вникала в каждый намек маньяка, сама будила те воспоминания, которые не стоило трогать. Ограждай себя от плохого, ты достойна счастья и гармонии.

Эти слова трогают до слез, и в душе разливается непривычное, трогательное тепло. Я счастлива.

Мы отвозим черную коробочку Лестрату. Встречаем некроманта уже на выходе из управления, поэтому разговариваем на бегу.

— Пока никаких новостей, Каро, — с сожалением говорит он. — Но запрос я отправил. Думаю, нужные сведения потупят через день-два.

— А нельзя запросить личные дела студентов в колледже? — спрашивает Дар.

— Можно, но это вряд ли что-то даст. Там не содержится информации об усыновлении. Зачем она администрации колледжа? И, Каро, у меня к тебе один вопрос, почему сама не открыла? — спрашивает Лестрат, и я пересказываю ему свою позицию.

Некромант кивает, признавая правоту моей позиции, и становится чуточку легче, я словно передала груз, который несла сама кому-то

другому.

— Тогда посмотрю в магмобиле. — Он сосредоточенно изучает плоскую коробочку. — А сейчас простите, народ, но мне реально нужно бежать.

На тренировку я влетаю уже после начала и ожидаю, что Шэх меня отчитает, но нет. Он сосредоточен и не обращает на меня внимания, от того я вкальваю, будто это тренировка последняя в моей жизни. Что вполне вероятно, если я разозлила учителя сильнее, чем думаю.

Даже не смотрю, как дела у Дара, хотя привыкла ловить каждое его движение, каждый его шаг, отслеживать неудачи и маленькие победы.

Краем глаза отмечаю, что он снова сцепился с Фростом, что Волк мягко разрулил эту ситуацию. Вижу, как показательно падают перед ним девчонки, надеясь привлечь внимания, но не отвлекаюсь, это все происходит словно за стеклом — моя цель это выложится на сто процентов. Только так я смогу достичь своей цели — доказать всем, что я по-прежнему лучшая.

Шэх меня приглашает к себе в кабинет после тренировки. Одну, без Дара и, конечно же, отчитывает. Обтекаю как малолетка, но нахожу в себе силы все объяснить свое поведение на соревнованиях и пообещать исправиться.

— На кону твоя карьера, Каро. Если на следующих соревнованиях ты также среагируешь на внешний раздражитель, на своей карьере можешь ставить крест. Надеюсь, ты это понимаешь.

— Не стоит так рано списывать меня со счетов, — прошу я.

Глава 22

Следующая неделя превращается в череду сменяющих друг друга событий. Я закрываю долги в колледже, много тренируюсь, гуляю с Даром и встречаюсь с друзьями. Пытаюсь жить полной жизнью и постоянно быть на виду и старательно игнорирую своего преследователя, хотя это не всегда легко. Я как взведенная пружина, и самое главное не взорваться раньше времени.

В один из дней меня снова запирают, на этот раз в туалете ночного клуба. В этот клуб нас пригласила Мара. Паническую атаку я ловлю, но Дар успевает меня вытащить вовремя.

Мне присылают записки, сухие цветы и платья, но я чувствую, фантазия моего мучителя начинает иссякать. Чем чаще на меня валятся «приветы», тем активнее я себя веду, тем чаще появляюсь среди большого скопления людей и тем усерднее тренируюсь. Моя цель близка, теперь я веду свою игру.

Я знаю, что выведет маньяка из себя — моя победа, поэтому перед соревнованиями я по-настоящему собрана. Испытываю настоящий азарт, злой, спортивный. Это видит шэx и ободряюще хлопает меня по плечу. Такая я ему нравлюсь.

Меня поддерживают Дар, Волк, Мара с Китом, Энси, которая сегодня снова со своим парнем. Вижу в толпе Ильяса с компанией, девчонок из нашей группы. И на миг становится страшновато. Вдруг я снова не смогу одержать победу, но прогоняю эти мысли от себя. Глупости. Сегодня меня не способно остановить ничего. Среди этих людей, поддерживающих меня с трибуны, есть тот, кто желает мне зла, и вчера Лестрат назвал мне имя. Точнее, два, это удивительное совпадение, усложняющее задачу. В моем окружении два человека, которые подходят под заданные параметры, и кто мой мучитель, наши с Лестратом мнения разделись. Сошлись мы на одном, мой триумф заставит преследователя действовать. Это еще один стимул сегодня победить.

— Удачи, Каро!

Ко мне подходит Волк и сжимает в медвежьих объятиях. Он однозначно сильнее меня. Не люблю это ощущение беспомощности.

— Спасибо, — с улыбкой говорю я и выворачиваюсь из его хватки, пытаюсь как можно быстрее отстраниться. Мне неудобно.

Подбегаю к Дару и сама обнимаю и целую в губы. За нами наблюдает со злобным оскалом Фрост. Наплевать, достал. Мне хорошо, я счастлива и не хочу это счастье прятать, и маньяк тут ни причем.

Я ухожу разминаться на татами, понимая, что сегодня меня не остановит никто и ничто. И даже, если самый мой страшный детский кошмар выйдет сегодня со мной спарринговать, я все равно одержу победу, потому что победа она, прежде всего, в голове.

Всегда знала, что настрой — это половина победы. Сегодня я на татами полностью. За пределами круга, в котором я и моя соперница, я не вижу ничего. Даже рефери воспринимается размытой фигурой.

Пожалуй, это мое лучшее выступление за последние несколько лет. Я реально реабилитирую в глазах шэха, директора колледжа и всех тех, кто в прошлый раз наблюдал за моим поражением. Титул чемпионки мой, как и обучение в Горскейрском колледже магии. Теперь никто не скажет, что это место я занимаю незаслуженно. Больше всего своей победой я хочу поделиться с Даром, но вырваться трибун пока не могу. Слишком людно, шумно, и шэх не спускает глаз, хоть и понимает — с этого награждения я точно не сбегу.

Дар

Мне кажется, что там на татами я. Настолько я близко воспринимаю каждое движение Каро. Мы словно стали одним целым. Когда она делает прыжок, сокращаются мои мышцы. Острые спицы экзоскелета впиваются в кожу, жестоко напоминая о моей ущербности.

Мы стоим на трибунах с парнями из цеуньши. И если с Волком у меня нормальные отношения — он свой парень, абсолютно адекватный, только несколько настороженно относящийся к таким мажорам, как я. Это его травма и история. Мы не так близки, чтобы лезть ему в душу. То вот Фрост... Фрост меня ненавидит. И эта такая мелкая зависть, замешенная на презрении, которое выливается в то, что мы постоянно на ножах.

Он считает меня ущербным инвалидом, которому просто повезло иметь много денег. Мне кажется, он думает, будто Каро со мной из-за них. Это особенно сильно раздражает. Потому что принижает не меня, а ее.

— Каро молодчина! – говорит Волк, не отрывая взгляд от татами.
– Она ее замочит до исхода времени. Чую, будет досрочная победа! Ну, давай же! Ты можешь!

Молчу. Мне вообще все равно на победы Каро. Лишь бы ей самой было в кайф. Мне нравится видеть у нее на губах улыбку, и если эта улыбка появится из-за досрочной победы – отлично.

Искренняя радость Волка не раздражает. Он сам, как на татами, тоже подпрыгивает, напрягается – очень знакомые чувства, и они совершенно не нервируют. А вот Фрост... Фрост — это другое дело. Мне не нравится, как он смотрит на Каро, мне не нравится, что он пришел на ее бой. И мне не нравится, что он комментирует каждое ее действие. От него восторг кажется неуместным.

— Огонь-девчонка! – говорит он, а глаза светятся от восторга. Хочется ему всечь, но, подозреваю, Каро не оценит, если мы устроим тут потасовку. Фрост меня вынесет. И тогда она будет меня жалеть. Тоже плюс.

— Не боишься быть с такой? – оборачивается он и спрашивает с усмешкой. Кажется, желание подраться есть не только у меня.

— А я вообще не из трусливых.

— Она слишком хороша для тебя.

Фрост считает, что это меня заденет. Нет. Я и сам знаю, что не дотягиваю до Каро.

— А для тебя в самый раз? – хмыкаю я, понимая, что желание всечь усиливается с каждым мигом.

— Ну... мы с ней на одной волне, — развязно говорит он, а я закипаю все сильнее.

— Она твою волну не поддержала, — отрезает Волк, которому надоедает слушать наши препирательства. – Фрост, не начинай, Каро свой выбор сделала, и самый прикоп в том, что она не выбирала между тобой и им. Она просто решала, нужен ли ей кто-то. Тебя даже в предварительных списках не было. Разве что у тебя в голове.

— Да какая разница, — взрывается Фрост. – Думаете, она мне нужна? Каро — идеал! Опасный, недостижимы и ничей. Считаешь, она будет с тобой, убогий? Она жалеет тебя, как щенка со сломанной лапой, только она вот! — Фрост указывает на татами. – Там ее жизнь. Жизнь, ритм которой ты не выдержишь. И как только ты начнешь

сдуваться, она оставит тебя позади, а сама уйдет дальше, даже не оглядываясь. И ты, идиот, если этого не понимаешь.

Я не идиот, и я прекрасно понимаю.

— Я не собираюсь отставать, всегда буду рядом.

— У тебя не хватит сил. Эта штука. — Указывает на мой экзоскелет. — Не даст тебя идти с ней в ногу, а Каро будет страдать, прежде чем избавится от груза, так как хорошая девочка, несмотря на свои колючки. Упрости ей задачу, избавь от себя сам.

— Не дождешься, — говорю я. Хотя в душе все сжимается от безусловной правдивости этих слов. Я обуза, которая мешает двигаться вперед. К счастью, еще есть шанс все изменить. Нужно только немного подождать. Жаль, что это ожидание такое мучительное.

Каро

Триумф от победы окрыляет. Я снова верю в себя, и радуюсь, что все идет по плану. Сейчас, пожалуй, я действительно верю, что выйду из этой схватки победителем. Хочу к Дару, разделить момент с ним. Суета, люди, поздравления. Все это не радует без него. И мне тошно от того, что я собираюсь делать. Я вижу, он тоже ищет меня глазами в толпе и почти сдаюсь, хочу послать к демоном свой план, но это значит сделать шаг назад. Не могу.

Мне совершенно не нравится, что рядом с Даром Фрост – эти двое вместе взрывая смесь, конфликт неизбежен. Фрост явно скажет Дару какую-нибудь гадость, а меня не будет рядом, чтобы узнать какую, и как-то нейтрализовать действие слов. Но сегодня у меня запланирована первая проверка, а значит, я должна быть одна. Дару придется пережить конфликт самостоятельно. Мы настолько сейчас части одного целого, что его боль становится моей болью, а это неправильно. Мы разные люди и должны научиться выживать отдельно друг от друга. Иначе это не любовь, а какая-то созависимость.

Пока не передумала, устремляюсь в сторону раздевалки, и по дороге связываюсь с Китом, которого видела на трибунах. Надеюсь, он не забыл про наш разговор.

— Помнишь, ты обещал мне помочь? – спрашиваю я и, дождавшись утвердительного ответа, говорю. – Время пришло. Мне нужно, чтобы ты забрал Дара сегодня. Я должна остаться одна.

Кит молчит, и я уже начинаю думать, что он откажется от нашей договоренности, но парень все же медленно и, будто нехотя произносит.

— Хорошо, я что-нибудь придумаю. Но мне по-прежнему не нравится эта идея, Каро.

— Мне она тоже по-прежнему не нравится, — парирую я. — И я по-прежнему не вижу другого выхода, значит, действуем по плану.

Выдыхаю, отключив связь, и продолжаю путь. Чувствую себя предательницей. Ненавижу себя за то, что приходится врать, но это единственная возможность вывести маньяка на чистую воду. Сейчас я готова к встрече с ним, а значит, нужно пользоваться моментом.

Уйти быстро не получается, в корриде меня постоянно кто-то тормозит. Приходится отвечать на вопросы, обмениваться приветствиями, делиться планами на жизнь. Это дается мне нелегко. Очень сложно изображать расслабленное счастье тогда, когда твой бой еще не закончен.

— Каро! — слышу голос Дара и вздрагиваю. Неужели не получилось? Кит не смог отвлечь брата или, что хуже, сдал меня?

— Прости... мне, похоже, придется уехать... ненадолго, — с сожалением говорит парень и смотрит на меня несколько виновато. — Я не хочу тебя бросать, может быть, ты меня дождешься? Я постараюсь не задерживаться надолго.

— А что случилось? — Я изображаю обеспокоенность и снова ненавижу себя. Я никогда не была лицемеркой и лгуньей и презирала таких людей, считая, что правда, даже неприятная и болезненная — это единственный правильный путь. Тогда я не думала о том, что иногда ложь призвана защитить любимого человека.

— Ничего... — Дар отмахивается. — Мелочи, но игнорировать их не могу. Или... — Его лицо озаряет улыбка. — У меня есть другое предложение. Поехали со мной? Только нужно очень быстро...

— Дар, не переживай. — успокаиваю его я. — Отправляйся по своим делам, я пока еще не освободилась.

— Но... я переживаю за тебя.

— Не волнуйся, тут я среди своих. Мне ничего не грозит.

Вру, и получается у меня это очень хорошо.

— Обещай, что попросишь кого-нибудь тебя проводить. Хорошо? — Он смотрит на меня внимательно и с надеждой, и я снова

обманываю.

— Конечно, ты же знаешь, тут меня не оставят одну.

Парень с сомнением вздыхает, но осторожно кивает и уходит. А я провожаю его взглядом и надеюсь, что парень ничего не узнает, потому что, если моя ложь вскроется, Дару будет больно, а это последнее, чего мне хочется.

Переодеваюсь специально неторопливо, чтобы в раздевалке я осталась одна. Надеюсь, что маньяк клюнет и придет за мной. И боюсь, что это окажется тот, кому я доверяю. Будет больно. Но я так устала, что готова даже на самый болезненный конец, лишь бы в этой истории поставить точку.

В спортивном комплексе тихо и темно. Наши все разъехались. Шэх не оставил бы меня одну, но он думает, что с Даром. А у остальных свои дела. Это мне на руку. Основной состав поехал отмечать блистательную победу. Не только мою, но я отказалась, ни у кого не возникло вопроса почему.

Иду, не спеша, понимая, что если в комплексе кто-то и остался, кроме меня, то этот кто-то здесь задержался не просто так, а по мою душу.

Выхожу на парковку и вижу одинокую осу. Сердце делает кульбит, когда от нее отделяется и идет в мою сторону парень. Только его тут не хватает!

Фрост. Я бы, пожалуй, была рада, если бы моим преследователем оказался он. Но это маловероятно. Родословная Фроста пряма, понятна и прослеживается до пятого колена. В ней нет ни одной подозрительной личности. Парень не приемный, и еще до кучи как две капли воды похож на своего отца. То ли судью, то ли прокурора. Короче, совершенно точно не маньяк и не имеет к нему никакого отношения.

— Я ждал тебя, — лениво корит парень, задерживая на мне внимательный, масляный взгляд. — Ты очень долго собираешься.

— И зачем ты меня ждал? — уточняю я, закипая от злости. Испортил такой отличный план.

— Ну твой парень, вероятно, нашел более важные дела. Бросил тебя одну, а бросать в одиночестве таких девушек чревато.

— Вероятно, нашел. — Я не спорю, так как это бессмысленно. Фрост самоуверенный козел. — Но мне все еще непонятно, причем тут

ты?

— Всем очевидно, что вы не подходите друг другу. Он ущербный, но богатый, а ты... ты девочка-мечта, перед которой открыты все двери.

— Не понимаю, зачем ты говоришь это мне. Ведь ясно же, что и ты в пролете. Так смысл тратить свое время и занимать мое? Может быть, ты прав, и нам с Даром не суждено быть вместе. Мы об этом узнаем. Может быть, скоро. Может, нет. Но твое положение это не изменит никак. Ты наглый, мелочный и совершенно не в моем вкусе. Отстань, Фрост. Иначе я тебе совсем не девчачьи дам в рожу. Согласись, будет обидно и неловко.

— Ты идиотка, Каро! – в сердцах бросает он и отступает.

— Так идиотка или девочка-мечта? – хмыкаю я. – Ты уж определись, прежде чем подкатывать. Поезжай домой, Фрост, и перестань делать вид, будто я когда-нибудь давала тебе хоть малейший намек.

— Мы могли бы стать неплохой парой...

— Не могли, — отрезаю я и поворачиваюсь к парню спиной. Устремляюсь по улице вдоль длинного здания спорткомплекса. Придурок. Взял и испортил такой замечательный план. Распугал мне всех маньяков! А я надеялась, что буду на шагок ближе к своей цели.

Иду по темной улице с мыслью, что все зря. Я профукала замечательный шанс из-за караулящего меня Фроста. Но тут слышу шаги за спиной. Кто-то идет за мной следом.

Не оборачиваюсь и ускоряюсь, чтобы услышать, идущий за мной прибавил скорости.

Замираю и медленно разворачиваюсь, чувствуя, как сердце почти выпрыгивает из груди. Мне хочется прикрыть глаза, чтобы не видеть того, кто меня преследует, но я не делаю этого. Нельзя быть слепой перед лицом опасности.

Сердце сжимается от боли, и я тихо произношу.

— Все же ты?

— Ну а кто еще? – раздражённо говорит Волк и сверкает светлыми глазами из-под спадающей до носа челки. – Каро, какого хрена ты творишь? Меня Дар просил за тобой проследить. Он чувствовал, что ты что-то задумала. Ты зачем шарахаешься по улицам одна? Сложно было попросить подвезти?

Выдыхаю, и медленно сползаю по стене. Нет. Это не Волк, ну или он отличный актер, и сейчас усыпляет мою бдительность, но если так, то я просто сдаюсь. Мне его не переиграть.

— Да что с тобой? Каро? – Парень не отстает. — Можешь объяснить?

— Тебе не понравится, — признаюсь я. – Очень не понравится.

— Давай, уж, говори!

Волк за руку поднимает меня от стены и усаживает на лавочку на противоположной стороне тротуара, сам садится рядом.

— Хорошо, — соглашаюсь я, понимая, что от разговора не уйти. — Но просто попытайся меня понять. Ладно?

— Ты меня пугаешь.

— Я сама себя пугаю, потому что вся эта ситуация заставляет меня сомневаться. Сомневаться в тех, в ком я сомневаться не должна.

Мы с Даром выяснили, что у моего маньяка, того, который держал меня в плену, есть ребенок. Ребенка усыновили, когда ему было от десяти до тринадцати лет. Лестрат искал среди моего окружения такого ребенка. Нашел двух... Мы считаем, что ребенок маньяка мстит мне за то, что, по его мнению, я виновата во всем. По его мнению, это я отобрала отца...

— Ты думала, что преследователем могу быть я?... – Волк невесело хмыкает и опускает голову, а я понимаю, недоверием обидела его, но ничего не могу с этим поделать. Только извиниться.

— Прости, говорю же, я подозревала всех.

— Близнецов не подозревала, а с ними ты знакома намного меньше, — возражает друг, и мне снова становится больно.

— Они не приемные, и их двое, Волк, ты сможешь меня простить? Я больше всего боялась, что это ты. Ты мне, правда, очень дорог.

— А сейчас, ты знаешь, кто это? – задает он вопрос, уклонившись от ответа. Не спорю, послушно меняю тему.

— На девяносто пять процентов, - признаюсь я.

— Скажешь?

— Может быть, если ты обещаешь ничего не говорить Дару. Сообщи ему, что я просто хотела прогуляться одна. Ты выловил меня в парке и отвез в колледж.

— Зачем ты ему врешь?

— Он — мое слабое место, — признаюсь я и прячу лицо в ладонях.

— Зря ты так, Каро. Ты его недооцениваешь.

— Может быть, но я не хочу, чтобы он пострадал, и я буду его оберегать. Еще раз прости за то, что подозревала тебя. Я должна была проверить.

— Ты рассчитывала, что я пойду за тобой? Почему именно я? Тот, другой подозреваемый не пошел бы?

— Все думали, что я уеду с Даром. Ты единственный, кому он мог сказать, что ему нужно уехать из-за Кита.

— То есть... Кит?

— Да, Кит выполнял мою просьбу.

— Ты страшная женщина, Каро, — шутит Волк, но шутка его совсем несмешная. Увы.

— И кстати, Каро, у твоего ручного некроманта неправильные сведения. Я действительно с одиннадцати лет живу не с матерью. И в семью попал уже достаточно взрослым. Но это не приемная семья. Это семья моего настоящего отца. Он богат, влиятелен, и ему не нужен был ребенок на стороне. Но мама умерла. У отца что-то вышло, и он забрал меня к себе. Но лучше бы оставил в приюте. Так было бы честнее. Отношения у меня не сложились, ни с ним, ни с кем в том доме. Я стараюсь, чтобы меня с ними ничего не связывало.

Надеюсь, тебе от этого станет легче. А сейчас пошли, я отвезу тебя туда, куда ты хочешь. Дару ничего не скажу. Но ты неправа. Расскажи ему сама, потому что иначе он узнает от кого-то другого и тогда...

— Что будет тогда?

— Не знаю, но точно ничего хорошего. Дар слишком горячий, чтобы просто так проглотить подобное.

— Я справлюсь с ним. Вот увидишь.

— Тебя виднее. — Парень не спорит, и мы медленно бредем к его осе, которую он припарковал за углом, чтобы я не заметила ее, когда выйду из комплекса.

Глава 23

Домой возвращаюсь уставшая и немного разбитая, но заручившись поддержкой Волка.

Осталась одна кандидатура. Когда я захожу в свою комнату, она сидит на кровати и горько рыдает в подушку. Ну что вот с ней будешь делать?

Если с Волком я не хотела верить в его причастность, то Энси... Энси я просто не думаю, что способна на такое. Она мне кажется слишком слабой, но иногда внешность очень обманчива. Я знаю это как никто другой.

– Что стряслось? - устало спрашиваю я и присаживаюсь рядом с соседкой на кровать. Ее слезы сейчас кажутся наигранными.

– Он... он меня бросил! - всхлипывает она.

– В который раз, Энси? Пятый, десятый? Может быть, сейчас это к лучшему?

– Я каждый раз так себе говорю... - снова всхлипывает она, размазывая руками по щекам тушь. Я думала, все перешли на магические методы, а нет, Энси действует по старинке. — Но ты не представляешь, как это тяжело, Каро, - продолжает она, - когда любимый человек играет тобой, как кошка с мышкой.

– Не представляю...- говорю я и продолжаю гладить ее по голове. Не знаю, кому верить. Документам или беззащитной трогательности Энси.

– Ты ведь съездишь со мной к нему домой? - спрашивает она, вскинув на меня заплаканные оленьи глаза.

– Зачем? - настороженно спрашиваю я.

– Там мои вещи. Их нужно забрать, а я боюсь...

– Чего именно ты боишься?

– Что он будет снова просить прощения, и я останусь... Каро, он чертов манипулятор, которому просто невозможно отказать. Я его боюсь...ты сильная и смелая, пожалуйста, поехали со мной?

Я думаю. Точнее, делаю вид, что думаю. Я почти на сто процентов уверена, что мой преследователь Энси. Она хорошая актриса, неуравновешенна и, кажется, патологически влюблена в

своего парня, и эта странная, болезненная любовь, на мой взгляд, очень соответствует профилю маньяка. Он тоже любил своих кукол, но странной любовью.

– Хорошо, поехали, - соглашаюсь я. - Подожди, приму душ и переоденусь, я только что с соревнований.

– Я была там. Ты такая сильная и смелая! Я бы хотела быть такой, как ты.

– Не хотела бы, - отрезаю я. — Чтобы быть такой, как я, надо пережить то, что пережила я. А такого я не пожелаю даже врагу. Что уж говорить о подруге.

Я быстренько принимаю душ и переодеваюсь в серый спортивный костюм, в котором удобно бегать и скрываться в темноте.

– Ты так пойдешь? - спрашивает меня Энси подозрительно. На ней самой васильковое платье с длинным рукавом и шпильки.

– А что? Мы же за вещами, а не на светский раут.

– Ну мы живем в престижном районе...

– Энси, а вот давай без этого. Хорошо? - раздражаюсь я. — Или тебе нужна моя помощь, и тогда все равно, в каком я виде или не нужна.

– Прости, конечно... - вздыхает она. — Нужна, конечно же, я очень благодарна тебе за то, что ты согласилась мне помочь.

Мы выходим из комнаты, и в коридоре сталкиваемся с Даром, который направлялся ко мне. Он видит заплаканную Энси и спрашивает.

– Что-то случилось?

– Не обращай внимания, у Энси разлад с парнем. Она попросила забрать ее вещи из его квартиры. Мне нужно ненадолго отъехать.

– Давай я вас отвезу?

– Нет! - поспешно говорит Энси, избавляя меня от необходимости отказывать парню. — Можно, мы съездим вдвоем? Пожалуйста! Не хочу, чтобы он разозлился еще сильнее. А если я приеду с парнем, все так и будет!

Дар вопросительно смотрит на меня, а я говорю.

– Все нормально. Ты знаешь, куда я еду, не стоит переживаний. Энси, ты ведь скажешь адрес?

Она выпаливает скороговоркой, и, кажется, это окончательно успокаивает Дара. Добро получено.

Выходим с Энси за ворота колледжа, и она направляется к новому красному магмобилю. Очень неожиданно, он не ассоциируется у меня с неуверенной в себе блондинкой, страдающей от неразделенной любви к абьюзеру.

— Ничего себе, — восхищаюсь я, к слову, вполне искренне. — Шикарный аппарат.

— Подарок, — уклончиво говорит девушка и привычно садится за руль.

— Твой парень подарил?

Энси неопределенно пожимает плечами и срывается с места, едва за мной захлопывается дверь. Пульс зашкаливает, и это не так-то просто скрыть. Сейчас я почти на сто процентов уверена, что за всем стоит Энси, и в данный момент у меня один вопрос, что именно она собирается делать дальше. Я физически сильнее, магически тоже, но ведь у нее же есть какой-то план? В то, что я съезжу, заберу с ней вещи, и мы спокойно вернемся в колледж, я не верю.

При последней встрече я позволила Лестрату поставить на меня магический маячок. Меня найдут и достаточно быстро. О том, что я вышла на охоту, знает не только некромант, но и Кит с Волком. Они должны страховать меня и Дара. Уже через пару часов, если не справлюсь сама, меня будут искать, но Энси об этом не знает. И мне очень интересно, что она будет делать. Я ведь убедилась, мой преследователь хитер и умен, значит, не станет действовать спонтанно. Получилось ли у меня все предусмотреть?

Пока едем по городу, как ни странно, именно в том направлении, которое Энси указала, она плачет. Тихо, почти беззвучно, иногда отрывая руки от управления и вытирая дорожки слез со щек.

— Ты считаешь меня дурой, да? — спрашивает она после очередного всхлипа, поймав мой взгляд. Пожимаю плечами. Я считаю ее маньячкой. Это немного другое, но пока рано об этом говорить.

— Просто ты, наверное, не знаешь, каково это — любить...

— Может быть, и не знаю.

Спорить с ней не хочется. Ее любовь определенно мне непонятна, если, конечно, Энси об этой любви не врет. Может быть, весь роман был придуман «от» и «до»? Просто слезливая история для меня. Я не исключаю такой вариант. Именно поэтому вся история похожа больше не на любовь, а на болезненную зависимость.

Мы останавливаемся в новом районе, не в том, где квартира Дара, но очень похожем, и Энси какое-то время сидит и, словно собирает мысли. Я почти верю ей. Из нее получилась бы хорошая актриса.

— Мне идти с тобой?— уточняю аккуратно, проверяя реакцию.

— Да, если несложно, — очень тихо говорит она. — Там достаточно много вещей. Я не вынесу за один раз одна, а возвращаться туда снова не хочу.

— Пойдем, — соглашаюсь я, не планируя заходить в квартиру. Там меня может поджидать сюрприз. Например, подмога. Энси же должна понимать — одна она со мной не справится. Только я пока не очень понимаю, как вывести свою соседку на чистую воду. Я просто не могу сейчас выдать ей подозрения в лоб и свалить. Она все станет отрицать. Надо дойти до конца, но чем ближе я к разгадке, тем опаснее.

Энси обходит магмобиль и идет вперед меня в сторону дома. Я двигаюсь следом — собранная, сосредоточенная. Я еще очень хорошо помню зелье, из-за которого я на какое-то время потеряла волю. Но сегодня я не планирую пить, есть и приближаться к Энси, а дистанционно воздействовать на меня практически нереально. Такие мысли успокаивают.

Я ожидаю подвоха откуда угодно, поэтому и напряжена, словно взведенная пружина. Но Энси просто идет, опустив голову, и, кажется, вообще забыв о том, что я слеую за ней.

У дверей в подъезд девушка замирает, вскидывает глаза и испуганно делает шаг назад.

— Ты же сказал, тебе не будет дома...

— А я и не дома, малыш, — тихо отзывается знакомый мне парень, но смотрит не на Энси, а на меня. И я сейчас узнаю этот леденящий душу взгляд. Как я могла не вспомнить его раньше? Ведь эти глаза один в один, как у моего личного кошмара. Дергаюсь назад, но чувствую легкое жужжание у щеки и укол в основание шее. По телу разливается слабость, и я понимаю, что даже пошевелиться не могу. Только краем глаза вижу, как от меня отлетает маленькая металлическая пчелка. Какой-то незнакомый артефакт, впрыснувший мне в шею яд. Кажется, я оказалась слишком самонадеянной. И ошиблась и в своих силах, и в степени виновности Энси.

— А теперь, девочки, мы с вами прокатимся. Вы ведь не против?

В последнем его вопросе звучит издевка, а я даже зубы от злости сжать не могу. На то команды не было. Я снова послушная марионетка, и это очень сильно пугает.

Беспрекословно, как кукла, иду в сторону алого магмобиля Энси и сажусь на заднее сидение, как и было приказано. Отвратительное чувство беспомощности, как когда-то в детстве. Только тогда, я просто была слабее безо всяких заклинаний и зелий, а сейчас мне, главное, избавиться от этого внешнего влияния.

Меня снова обыграли, и от этого я ощущаю злое бессилие. Преследователь в очередной раз оказался на шаг впереди, и я ничего не смогла ему противопоставить. В душе кипит злость. Страх нет, я его преодолела уже давно, есть только агрессия, которой наружу мешает вырваться заклинание. Старательно изучаю парня Энси, пытаюсь отыскать в нем слабые места. Он умный и

предусмотрительный, но сильным не кажется. Берет хитростью. Какая у него магия? А она у него вообще есть? Почему Лестрат ничего не сказал о том, что он приемный? Как эта информация могла пройти мимо некроманта? Не понимаю.

— Видишь, Каро, какая ты послушная, — говорит мне парень и смотрит, как когда-то смотрел его отец. «Послушная девочка — хорошая кукла», — всплывают в голове слова из детства, и меня снова засасывает отчаяние. Не хочу, хочу сбежать, но, как тогда, в детстве не могу. И от этих параллелей, которые, уверена, Эдвардс создал специально, становится еще более не комфортно. Я понимаю, что сейчас не имею права впасть в отчаяние, но очень сложно сохранить боевой настрой тогда, когда не можешь даже мигать без разрешения.

— Ты же говорил, что она не нужна тебе? Говорил, что отступил от своего плана! — всхлипывает Энси и затравленно косится на меня. Боится? Чувствует вину? Непонятно.

— Я передумал, — отвечает парень раздраженно. Он вообще не смотрит на Энси, ему интересна я. От этого холодного, рыбьего взгляда мурашки по коже. Как же долго ему удавалось успешно маскировать свою повернутость на мне.

— Каро, я правда не хотела, — лепечет моя соседка, зачем-то пытаюсь оправдаться. Будто это сейчас имеет значение. — Он просил, чтобы я приехала с тобой. Я думала, он снова просто будет тебя пугать! Я не хотела, чтобы так вышло. Правда.

— Замолчи! — одергивает ее парень. — Ты хотела, тебе же нравилась наша игра. Ты сама мне помогала. Разве не так?! Энси? Ты в колледж поступила только за этим. Ты хотела помочь мне восстановить справедливость и неплохо помогала, пока у тебя не сдали нервы.

— Помогала! — нервно всхлипывает она. — Пока ты не начал убивать! Сначала ту девушку, а потом Викса!

Как я не поняла, что во всем замешана Энси? Сейчас, анализируя прошедшие события, я отчетливо вспоминаю: моя соседка была ближе всего ко мне. Всегда незримо рядом и всегда такая наивная, несколько растерянная, что на нее и не подумаешь. Я не подозревал ее до тех пор, пока Лестрат не назвал мне два имени. Волк и Энси. Но почему-то он не назвал мне имя Эдвардса. На него я даже не подумала, а Энси не принимала всерьез, сейчас же оказалось, что вместо одного

противника у меня двое. И я под действием заклинания, которое пройдет нескоро.

Стараюсь незаметно для спорящих Энси и Эдвардса бороться с действием чар. Жаль, я без одобрения не могу даже говорить, я бы позадавала вопросы. У меня их много. Зачем им это надо? Ладно, Эдвардс, а Энси? Мы с ней даже не пересеклись никогда. Что они хотят со мной делать? Куда мы едем? Неужели, они настолько самонадеянны и думают, что меня не будут искать.

В прошлый раз не особо-то и искали, подсказывает внутренний голос, и я чувствую шевельнувшиеся в глубине души отголоски отчаяния.

Смотрю в окно, стараюсь понять, куда именно меня везут. Будто это как-то может мне помочь. Мы петляем по улицам Горскейра и выезжаем в пригород. Здесь узкие улочки, старинные двухэтажные обшарпанные дома. Многие с забитыми окнами. На первых этажах еще кто-то живет. В редких окнах виден свет, а почти все вторые этажи заброшены. Черные провалы окон, полуразрушенные крыши. Уныние и запустение. Вряд ли элита Горскейра может представить свой город таким — лишенным лоска и блеска.

Магмобиль останавливается возле одного из таких домов с наглухо заколоченными окнами второго этажа и покрытыми толстым слоем пыли первого. Покосившийся и местами замятый глухой металлический забор и запущенный сад. Тут найти меня нереально, разве что Лестрат воспользуется маячком, если успеет, конечно. Я не знаю, собираются ли меня оставлять в живых. И это, признаться, изрядно напрягает.

— Куда мы приехали? — испуганно спрашивает Энси. Этот вопрос волнует и меня, но в отличие от своей соседки задать я его не могу.

— Сейчас увидишь, — отвечает Эдвардс и командует мне. — Выходи.

Послушно открываю дверь и вылезаю. Нарочно пытаюсь сопротивляться, делать медленнее, хотя бы, проверяя заклинание на прочность, но пока ничего не получается. Я послушная, словно марионетка. Как же это бесит.

— Идите в дом.

Мы с Энси послушно двигаемся следом за парнем. И если у меня просто нет выбора, то зачем сюда добровольно идет Энси, не понимаю, я бы бежала со всех ног. Но моя соседка капитально зависима от этого сумасшедшего. Пожалуй, ее мне даже жаль. Она его кукла безо всяких препаратов. Как так вообще можно.

Когда заходим внутрь, понимаю, что сбежать отсюда, так просто не получится. Металлическая бронированная дверь, которая хлипкой выглядит только снаружи. Да и внутри дом похож на бункер. Идем по коридору, пока не оказываемся в комнате.

К горлу подкатывает тошнота, потому что это точная копия моего ада, в котором я жила довольно долго — розовая кровать с балдахинном, кукольная мебель.

— Что это? — всхлипывает Энси.

— Расскажи ей, Каро, — приказывает Эдвардс, и я послушно начинаю говорить. Не могу сказать, что без удовольствия. Энси, видимо, до сих пор не понимает, с кем она связалась.

— В такой комнате меня долгое время держал его отец, — тихо говорю я. — Он ведь твой отец, так, Эдвардс?

— Именно.

— Почему нет сведений о твоём усыновлении? - спрашиваю, пользуясь случаем.

— Потому что это не афишировали, - рассказывает Эдвардс покладисто. - Родители приехали в Горскейр, когда я уже был у них. Свой ребенок погиб... нехорошо погиб, и им нужен был новый мальчик и новое место жительства... знаешь ли, у богатых тоже бывают скелеты в шкафу...

— Они убили своего ребенка? — в ужасе переспрашиваю я. Пока Эдвардс дал разрешение говорить, я даже могу спокойно задавать вопросы.

— Не будь так категорична... иногда игрушки ломаются. Ко второй они отнеслись бережнее... но, Каро, я любил папу, тебе напомнить, что ты с ним сделала? Если бы папа мог, он никогда бы не допустил, чтобы меня забрали. Он ведь делала кукол для меня. Ты должна была стать подарком на мой тринадцатый день рождения. А вместо этого... я попал в руки бьютимагов, которые меняли мою внешность, ломали психику, перекраивали лицо. Я стал другим

человеком... из-за тебя, и ты мне заплатишь за каждый день жизни, после того, как ты лишила меня отца.

Во время нашего диалога, мы забываем про Энси, а она всхлипывает, и в истерике кидается к выходу.

— Стой!

Эдвардс ловит ее за волосы и втаскивает обратно.

— Зачем она тебе? — спрашиваю я. Представления не имею, насколько много Энси помогала Эдвардсу. Возможно, она неделями изводила меня. Она наряжала меня в платье куклы и подливала зелье, из-за которого я крепко спала ночью, но я определенно не хочу, чтобы у повернутого маньяка было больше жертв. Я бы хотела, чтобы он отпустил Энси. Она должна понести наказание за свои действия. Но это наказание — не смерть.

— На нее у меня тоже есть планы. Вы нужны мне обе. Только вот роли у вас немного разные.

Сложно быть взведенной, как пружина, и готовой к бою, если твое собственное тело тебе не подчиняется. Точнее, несложно, но понимание, что сейчас ты не сможешь сделать ровным счетом ничего, злит и вгоняет в депрессию. Но я начеку и пока занимаюсь тем, что мне доступно — считываю эмоции испуганной, рыдающей в углу розовой комнаты Энси и перевозбужденного, с лихорадочно горящими глазами Эдвардса. Они такие разные. Энси в шоке, она не ожидала такого. Не уверена, что не знала, что мне приготовил ее парень, но саму ситуацию моя соседка явно представляла как-то иначе. Энси растеряна, напугана и дезориентирована. Она сейчас слабое место Эдвардса.

— Мне хочется, чтобы ты помогла Каро переодеться, — говорит он и достает из шкафа то самое платье куклы. Мерзавец.

— Почему я? — Энси выползает из своего угла и безуспешно пытается взять себя в руки. Получается у нее это плохо. Голос дрожит от едва сдерживаемых слез, на щеке расцветает синяк, похоже, Эдвардс все же ее где-то приложил. Но противоречить соседка боится, хотя и пытается что-то выяснить. — Что ты вообще задумал? Зачем ей переодеваться? Ты меня пугаешь, Эдвардс.

— На платье должны остаться твои отпечатки, Энси. Это ведь ты у нас маньячка, — ласково улыбается он, а мне становится чуть понятнее его замысел. — Неуравновешенная, повернутая. Мы год провели вместе в приюте, у тебя была неустойчивая психика...

— О чем ты говоришь?

— Энси, помоги ей... ты же знаешь, мне не нравится, когда ты тупишь.

Энси всхлипывает и замирает.

— Ну же! — рычит Эдвардс, заставив девушку дернуться вперед и схватить из его рук платье. — Каро, снимай одежду.

— Всю? — равнодушно уточняю я, мечтая о том миге, когда избавлюсь от заклинания. Знаю, как только обрету свободу, а это произойдет быстрее, чем Эдвардс рассчитывает — приложу к этому все усилия, я убью его. Интересно, он это понимает? Или считает, будто все держит под контролем?

— Снимай всю... — с определенной задержкой, словно взвешивая «за» и «против», говорит он.

На щеках Эдвардса появляется нездоровый румянец, а дыхание сбивается, когда я начинаю неспеша раздеваться. В спортивной среде, на соревнованиях хорошо, если тебе повезло и есть отдельные раздевалки. Я не испытываю смущения, оставшись перед незнакомыми людьми без одежды. У меня хорошая фигура, мне нечего стыдиться и нет причин комплексовать. Эти эмоции я оставляю Энси, которая переводит ошарашенный взгляд с меня на своего парня. Она не может не видеть, как на меня смотрит Эдвардс, а я ведь ничего не делаю, просто стаскиваю с себя одежду.

— Но, Эд... так нельзя! — возмущается она, словно забыв, что этот чокнутый уже определил ее на роль маньячки, видимо, чтобы обелить себя и снять все подозрения. Получается, мы с Энси все же

должны будем умереть? Вопрос когда? А вот Энси нервничает и вопросы задает совершенно неверные. — Почему ты на нее смотришь?

— Потому что мне, очевидно, нравится...

Он действительно смотрит на меня иначе, не так, как его отец. Во взгляде его отца был восторг эстета, который хочет пополнить свою коллекцию очередным экспонатом — красивой куклой. Эд же смотрит на меня с вожделением и жадностью. Это хорошо. Значит, он меня не убьет. По крайней мере, сразу. Надо намеренно тянуть время. Заклинание не может действовать бесконечно. Моя задача — сделать так, чтобы Эдвардс пропустил момент, когда я обрету волю.

Да, мое тело беспрекословно подчиняется приказам парня, но вот скорость, с которой я их выполняю, не регламентирована. Поэтому раздеваюсь я максимально медленно, но не настолько, чтобы маньяк заподозрил что-то. Он вообще не особенно способен сейчас соображать. Это мне на руку. Желание — это эмоции, а эмоциональный человек допускает ошибки. Отец Эдвардса всегда был хладнокровен. Именно поэтому у меня не было шансов, а потом однажды он вышел из себя, начал допускать ошибки, и я сбежала. Только сейчас я понимаю, его нервозностью была связана с сыном. Точнее, с тем, что он боялся его потерять. Интересно, чего боится Эдвардс? Чего он хочет, я уже поняла.

Глава 24

Переодеваюсь в платье с помощью всхлипывающей Энси. У меня самой слез нет, и это не потому, что наложенные на меня чары не позволяют. Нет. Все воспринимается, как некий сюр. А еще ловлю себя на мысли, что я не та маленькая, напуганная девчонка в логове маньяка. Напоминания о том страхе и боли, оказывается, намного страшнее реальной ситуации, в которой я оказалась. Хотя и она не сахар.

Я не понимаю соседку. Мне никогда не были близки и понятны настолько ведомые люди. Эдвардс догнал ее один раз, и она сдалась. Послушно приняла роль, которую он для нее написал. Шнурует мой корсет, затягивая потуже. Расправляет оборки и делает мне кукольный макияж (весьма, к слову сказать, профессионально). Огромные ресницы, неестественно распахнутый, наивный взгляд за счет умело нанесенных теней. Эдвардс хочет меня видеть такой, какой я не являюсь. Красивой иллюзией. Опасно, потому что этот образ беззащитный, а я нет.

Щипцы прижигают кожу головы, когда Энси дрожащими руками закручивает мне локоны и прицепляет к затылку огромный розовый бант на заколке. Волосы от лица убраны, а вот те, что спускаются по спине ниже поясицы, распушены. С виду идеальная кукла — покорная и безопасная. Но я отказываюсь принимать себя такой.

Страха нет. Я смотрю в зеркало и не вижу себя. Наверное, поэтому кукольный образ не пугает. Это не я. Это иллюзия Эдвардса. Я боялась всегда этого образа, так как он ассоциировался у меня с безысходностью и смертью, но Эдвардс нарядил меня так не для того, чтобы убить, а для того, чтобы поиграть. А с игрой у меня значительно больше шансов, чем со смертью. Знаю, рано или поздно, он допустит ошибку, расслабится, ведомый своими страстями. Главное, остаться до этого момента в здравом уме и трезвой памяти, чтобы в нужный момент ударить.

— Ты красивая, Каро... — довольно произносит Эдвардс и достает нож из верхнего ящика стола. Подходит и вкладывает его мне в руку.

— Это еще зачем? — испуганно уточняет Энси и попытается отступить, а парень сильнее сжимает мои пальцы на рукояти.

— Понимаешь... — Эдвардс обращается к своей девушке, но при этом смотрит исключительно на меня. Когда обходит по кругу, нежно проводит ладонью по моей щеке. — Каро охотилась за преследователем. У нее было несколько кандидатур...

— И что?

— А то, что ты, Энси, последняя из ее подозреваемых. Она только поэтому поехала с тобой, чтобы проверить свою версию...

— Ты меня пугаешь... — голос девушки дрожит, как и ее руки.

— Не бойся. Каро, все сделает не больно. Правда, ведь? — обращается он ко мне. — Моя кукла будет выполнять приказы. Отец был глуп, он убивал своих кукол и лишался любимых игрушек. Считал, что холодные и безмолвные куклы не способны его ранить, не способны сказать ничего поперек. Но есть ведь другие средства. Некоторые люди, такие как Энси...они рождены быть игрушками, заведомо послушные, выполняющие волю более сильного. А Каро... Каро сложнее, тем интереснее ее сломать.

Что этот идиот задумал? У меня по спине пробегают мурашки. Мне совершенно не нравится то, что сейчас происходит, и я определенно не могу уследить за ходом мысли Эдвардса. Он не хочет ослаблять контроль, а меня это совершенно не устраивает. К счастью, Эдвардс горит желанием рассказать, как можно больше про свой гениальный план. А чем дольше парень болтает, тем больше у меня шансов освободиться от действия заклинания. Я маг-менталист, мне не

нужно полностью возвращать контроль над телом, достаточно просто призвать магию. Пока и это не выходит.

— Я расскажу, как все произойдет, Энси. Получится очень интересная история. Ты опоила Каро, ты нарядила ее в платье и собиралась убить, но Каро оказалась сильнее и смогла тебя победить, к тому же на помощь пришел я. Давно подозревал, что с моей девушкой что-то не так. Я хотел спасти вас обоих, но не смог, ты совсем повредила умом. Твоя смерть — трагическая случайность. Естественно, после пережитого, Каро преисполнилась ко мне благодарности. Он завтра порвет все свои связи. Бросит парня, цеуньши и переедет ко мне. В эту милую комнату, чтобы стать моей куклой. Последнее, конечно, мы не расскажем никому. Это будет наша маленькая, милая тайна. И из колледжа Каро тоже уйдет, зачем ей образование, если есть любовь и безопасное место?

Эдвардс несет откровенный бред. Так как запрета на разговоры нет, я не могу удержаться от вопроса.

— А с какого фи́га? Если я завтра вернусь под воздействием заклинания, то это сразу же поймут. Это бред.

— Нет, ты сделаешь все сама и добровольно, — тихо произносит он с холодной, пугающей улыбкой. На секунду я даже верю, что ему это под силу. Парень так самоуверен. Считает, что сумел меня запугать, и я уже сломалась?

— И зачем же мне это надо?

— Потому что, если ты этого не сделаешь, повернутой сумасшедшей, я выставлю тебя. Расскажу, как ты напала на Энси, как хотела ее подставить, как день за днем сама присылала себе пугающие подарки с прошлого. Просто несчастная девочка, повредившаяся головой. И тебя упекут в ту же клинику, в которой сгнил мой отец, предварительно обвинив в убийстве ни в чем неповинной соседки по комнате.

— Это бред... тебе никто не поверит.

— Поверят, после того как ты хладнокровно зарежешь Энси. Я единственный свидетель, и только я буду решать, какую версию событий узнает общественность.

Эдвардс сумасшедший. Дикий, повернутый и, безусловно, опасный. Я ни за что не стану танцевать под его дудку, не признаю в том, чего не было. Не предаю любовь... только вот... это не спасет Энси. Сейчас я не смогу послушаться приказа, а Энси слишком мягкотела и слаба, она не убежит, не сможет дать мне отпор. Она типичная жертва. Ловлю ее стеклянный взгляд и понимаю — эта девушка уже мертва. Она сама на себе поставила крест. Она даже сопротивляться не будет, и это проблема.

Дар

— Ты не видел, Каро?

Брат догоняет меня в коридоре, практически у выхода из здания академии. Я, прихватив стаканчик кофе, направляюсь на тренировку. Времени осталось, как раз чтобы неспешно добраться до клуба. Надеюсь, что Каро подъедет туда. Тренировок сегодня уже нет, но шэх ждет меня.

Услышав реплику Кита, останавливаюсь и внимательно смотрю на свое отражение только без экзоскелета. Снова чувствую отголоски уже практически отступавшей тоски. Я почти поверил благодаря Каро, что не хуже его. Почти. Но это почти отравляет мне жизнь.

— А тебе она зачем?

Представления не имею, откуда во мне такая ревность. Глупо, Каро выбрала меня, Кит притом, что увлечен ей не на шутку, не будет пытаться ее отбить всерьез, но ответить прямо на заданный вопрос почему-то все равно не могу, вылезает агрессия.

— Да...так... — Кит пытается изворачиваться, но я слишком хорошо его знаю. Фальшь уловить несложно, и это заводит еще

сильнее, я чувствую, как снова начинаю проваливаться в собственную темноту. — Просто, нужно взять у нее один конспект...

— Ты считаешь, меня идиотом? Серьезно? — раздражаюсь я не на шутку. Что за дела у моего брата с Каро, о которых он не хочет со мной говорить. Раньше между нами таких тем не было. — Кит, ты всегда плохо врал. И Каро точно не та персона, на которой стоит тренироваться. Зачем она тебе?

— Да что я не могу просто спросить, где она? Или нам уже даже общаться запрещено? - пылит он.

— Ты знаешь, что нет. — Я невозмутимо пожимаю плечами. — Но ты дерганый и врешь. И мне это не нравится. Так зачем она тебе, спрашиваю еще раз?

— Я за нее волнуюсь, — наконец признается брат как-то слишком нервозно, и у меня возникает неприятное ощущение где-то в районе желудка, что Кит знает больше, чем пытается тут из себя выдать и больше, чем знаю я. А вот второе совсем нехорошо.

— А есть повод?

— Так ты скажешь, где она? Мне что, тебя паяльником пытать или ты не знаешь?

— Уехала. — нехотя признаюсь я. — С Энси к ее парню за вещами. Эта идиотка снова ушла от своего дружка, который то с ней... то не с ней. Рыдала, просила, чтобы Каро составила ей компанию.

— Ты знаешь, куда они уехали?

Паника Кита становится видна невооруженным взглядом и начинает передаваться мне, как когда-то в детстве.

— Примерно. Да что случилось?

— Дар, Каро знает, кто за ней охотился, — нехотя признается Кит и смотрит на меня, как побитый щенок.

— В смысле, она знает? Почему не знаю я?

— А ты сам подумай... — тихо отвечает Кит. — Я говорил ей, что держать от тебя все в тайне плохая идея. Но это Каро. Если бы я ей не помог... она нашла бы кого-то другого. И не знал бы ни ты, ни я...

— В чем ты ей помог?

— Она просила отвлечь тебя после соревнований... — признается брат, вбивая гвоздь в крышку гроба нашего доверия и дружбы. Я подозревал, что предательство — это больно, но Кит последний, от кого я ждал подобной подставы. — Первый подозреваемый был там, — продолжает брат. — Если Каро вернулась, значит, тот вариант не сработал.

— Демоны! Кит, ты идиот? Нужно было бы, чтобы она не вернулась?

В душе комок льда. Все ее слова, все, что между нами было, Каро умудрилась втоптать в грязь, но сейчас это неважно. Сейчас важна ее безопасность. Неважен и Кит. Меня предали два самых близких человека, возможно, и с благими намерениями.

— Не думаю, что от Энси ей грозит опасность, — говорю я излишне нервозно, а сам набираю сначала Каро, а потом, не получив результата, Лестрата. Он, что характерно, не отвечает, и я, не дожидаясь реакции Кита, устремляюсь на выход, где на парковке сталкиваюсь с Волком.

— Каро не видел? — нервозно спрашивает он, и я взрываюсь.

— А есть кто-то, кроме меня, кто не знает, что она собралась влезть в неприятности по уши?

— Не психуй, — осекает меня парень, покосившись на Кита. — Я знаю лишь потому, что она меня подозревала.

— Ты прошел проверку, она убедилась, что маньяк не ты? — подозрительно уточнил я.

— Типа того...

— А кто второй подозреваемый?

— Она не сказала прямо...

— Но?

Волк пожимает плечами и выдает.

— Это ее соседка по комнате. Энси.

— Откуда...

— Она искала сирот, которые попали в приемные семьи лет в двенадцать плюс-минус. Со мной вышла осечка, я попал в семью в двенадцать, но не совсем приемную. В семью отца. И у Каро осталось одно имя. Я смотался до Лестрата и выяснил, какое... потом сразу рванул сюда. Лестрат тоже рванул... причем очень быстро, но направление мне не указал. Типа не моего ума дела, и в этом будут разбираться профессионалы. Я пытался их преследовать, но бесполезно, поехал сюда. Надеялся, может быть, моя паника не обоснована, и Каро тут.

— Она уехала с Энси, — второй раз признаюсь я, чувствуя себя беспомощным и обведенным вокруг пальца. — Но я знаю куда.

— Может, мы с Китом... — начинает Волк, но ловит от меня взгляд, заставляющий заткнуться, и послушно следует за мной. На Кита я даже не смотрю. Он меня предал.

Если Волк всегда был другом Каро, и у меня к нему претензий нет, но Кит... Кит — брат, он должен был рассказать мне все. А Каро не стоило от меня скрывать. В моем понимании — это все не про доверие... никогда не думал, что это так больно. Я понимаю мотивацию Каро, она за меня боялась... слишком слабый, тянущий на дно. Но со слабостью, с болью и с тем, что с этим со всем делать, я разберусь позже. Сейчас мне нужно ее найти и убедиться, что с ней все хорошо.

Каро

Я все еще не контролирую себя, Энси рыдает, а на лице Эдвардса застыла улыбка серийного убийцы. Холодные глаза и оскал, от которого мурашки по телу. Он не такой, как его отец. Он хуже. Никогда не думала, что кто-то может быть страшнее. А еще я никогда не думала, что этот кто-то может меня не пугать, а вызывать лишь злость и желание обезопасить от него нет, не себя, а тех, кто слабее. Не физически, а прежде всего, духовно.

— Ну что? Поиграем? — кровожадно спрашивает Эдвардс и медленно поворачивается ко мне, намереваясь отдать приказ. — Ффа-а...

«Фас», — мысленно заканчиваю я и послушно заношу руку, чувствуя, что не в силах сопротивляться внушению. Сердце стучит, как сумасшедшее. С меткостью и скоростью проблем у меня нет, как и с силой удара. У Энси шансов ноль.

— И что, даже не дашь ей фору? — спрашиваю я дрожащим голосом, прерывая приказ. Пока не прозвучала команда полностью, я могу медлить. — Энси ведь твоя девушка... неужели она не заслуживает ни малейшего шанса на спасение?

— Мне надо, чтобы ты убила ее, Каро... — кажется, даже с некоторым сожалением в голосе говорит Эдвардс. Энси начинает завывать сильнее, но что меня поражает, даже не пытается сбежать или как-то вразумить своего парня. Словно это она под действием зелья, а не я.

Эдвардс приближается к Энси и стирает с ее щек дорожки слез. С нежностью, словно извиняясь и утешая, а она смотрит на него влюбленными глазами. Как это вообще возможно? Они оба двинутые.

— Ты ведь несерьезно, да? — наконец выдавливают она из себя. — Это ведь шутка? Скажи, что это шутка...

На миг на лице Эдвардса мелькает что-то человеческое, и он переводит взгляд с Энси на меня и обратно. На секунду вспыхивает надежда, что парень сможет побороть свое сумасшествие и не станет приговаривать к смерти девушку, которой признавался в любви, но надеждам моим не суждено сбыться.

— Это игра, Энси...

— Игра? — уточняет она дрожащим голосом.

— Игра, — подтверждает Эдвардс. — И если ты выиграешь, то останешься жива.

— Мне просто надо выиграть? — В ее голосе вспыхивает надежда, а у меня все холодеет внутри. Это, безусловно, лучше, чем простой приказ убить, но лишь потому, что так я выигрываю немного времени. Но слишком разные у нас с Энси весовые категории.

— Да, тебе просто надо выиграть. Но прости, родная, в этой схватке я бы не стал ставить на тебя. Правда, Каро? — Он переключает внимание на меня. — Ты ведь сильнее, хитрее и ловчее, чем она. Я хочу, чтобы ты использовала весь свой имеющийся арсенал, чтобы поймать Энси. Поняла? Игра начнется через пять минут, как только мы спустимся отсюда в более интересное место.

— А тут есть еще что-то? — удивленно уточняет Энси.

— Конечно. Подвал. Там есть где спрятаться... сможешь оттуда выйти, значит, твоя судьба — остаться в живых.

— Я буду стараться... — всхлипывает Энси.

— Не стоит, — равнодушно отзывается Эдвардс и берет свою подружку под локоть, утаскивая в сторону двери, ведущей из розовой комнаты. Я послушно иду за ними сама. Спустившись по лестнице, мы оказываемся в темном подвальном помещении. Как только за нами захлопывается дверь, Эдвардс произносит приказ.

— Игра началась! — и я поудобнее перехватываю нож.

— Энси... — говорю я, делая решительный рывок к застывшей от испуга девушке. — Вниз! Падай!

С судорожным всхлипом, она ныряет на пол, и нож проносится над ее головой, лишь чиркнув по взлетевшей косе. Несколько срезанных прядей падают на пол. Так, мы с Энси долго не пробегаем.

— Сваливай, идиотка! — шиплю я, перехватывая рукоять удобнее и наступая. — Прячься за коробками!

Она неуклюже поднимается с пола, но я хватаю ее за волосы, не в силах совладать с приказом Эдвардса.

— Пожалуйста, Каро! — всхлипывает она, слабо пытаюсь вырваться. — Пожалуйста.

— Магия! — приказываю, перехватываясь поудобнее. — У тебя ведь есть магия. Не тормози! Используй ее!

Нож уже у горла Энси. Мне остается только полоснуть, и рука независимо от меня, усиливает нажим. Энси истерично взвизгивает и вонзает мне каблук в ногу. И шипением отпрыгиваю, и девушка выворачивается. Молодец. Не все еще потеряно.

— Магию используй! — ору я, обходя ее со стороны. Между мной и ей коробки. Это хорошо.

Я прикидываю, как лучше поступить, и одним точным движением метаю нож. Он должен достать Энси. Я не промахнусь. Эта мысль пугает так сильно, что рука на миг затормаживает. Этого мига хватает, чтобы прицел сбился.

Нож пролетает над головой истошно орущей Энси и врезается в спину у нее за спиной. Это победа. Моя маленькая победа над действием заклинания.

Понимая, что я осталась без оружия, Энси с воплями, роняя коробки и запинаясь за накиданный по полу хлам, устремляется вглубь слабо-освещенного коридора, а я кидаюсь к стене. Нож становится моим спасением и спасением Энси.

Эдвардс же не просто так вложил его мне в руку. Убить Энси без ножа не сложнее, чем с ножом, но я упорно пытаюсь выдернуть его из стены — это откладывает неизбежное и позволяет понять, я уже могу

исполнять приказы вариативно. А значит, осталось потянуть немного времени и получится сбросить оковы. Главное, чтобы Эдвардс ничего не заподозрил. Если он сейчас решит добавить зелья, боюсь, Энси не спасет никто и ничто. С другой стороны, ничего не мешало парню сделать это заранее, но он не стал. А значит, считает, что действие заклинание пройдет нескоро. Это мне на руку.

Но Энси слишком неповоротливая, она бежит значительно медленнее, чем я. А заклинание, все еще сильно, и я могу лишь частично противостоять ему. Это заставляет ненавидеть себя. Сложно противиться своим инстинктам, сдерживать навыки. Тело действует само, на автомате, невзирая на мои мысли. Поэтому мы с Энси режем обе. Она от страха, я от бессилия. Я загоняю соседку, как дичь, делаю обманные выпады, тяну время, но не могу просто стать столбом, а Энси выбивается из сил и, кажется, теряет надежду, поэтому мой следующий рывок завершается коротким и четким ударом, который находит свою цель.

Вопль, переходящий в визг, и мои руки становятся липкими от крови.

— Я сделала, что ты хотел! — кричу я, зная, что Эдвардс придет сразу же праздновать свою победу надо мной.

Глава 25

Дар

В душе лед. Я реально словно промерз насквозь. Еду на автомате. Кит чувствует свою вину и даже не спорит, когда я сажусь за руль магмобиля и мчу по улицам Горскейра по указанному адресу. Брат пытается связаться с Лестратом. Волк вызывает шэха.

У меня даже руки не дрожат, веду уверенно, а эмоции в голове уступают место трезвому расчету. Если Энси, и правда, преследователь Каро, значит, она сделала все, чтобы мы их не нашли. Наверное, ехать по указанному адресу глупо, но поворачивать назад еще более бессмысленно.

Уже, когда подъезжаем к дому, я понимаю — никого тут нет. Мы еще не поднялись в квартиру, но нехорошее предчувствие не отпускает.

— Он не отвечает, что б его! — раздраженно шипит Кит, так и не вызвавший Лестрата.

Едва мы притормаживаем возле подъезда в приличном микрорайоне, он выскакивает из магмобиля и швыряет магфон в стену дома. Смотрю на него, как на идиота. Сам я сейчас не способен ни на какие эмоции. Это такое странное состояние, что я даже проанализировать его не могу. Наблюдаю за происходящем как бы со стороны. Так проще сохранять трезвость мысли. А это мне сейчас нужнее всего. Только так я могу отыскать Каро и убедиться в ее безопасности. Волю эмоциям можно будет дать потом.

Эдвардс живет в приличном районе, даже странно. Я всегда думал, что маньяк, охотящийся за Каро маргинал. Когда мы искали его в захолустном городке, посещали лечебницу для душевнобольных, видели куклу на подоконнике обшарпанной квартирki, все подтверждало эту теорию. А дорогой район, элитные магмобиля,

стоящие на парковке, новые дома с панорамными окнами — совершенно не вяжутся в моей голове с образом маньяка. Мелькает мысль, что мы все же ошиблись, и Каро, действительно, просто помогает подруге.

Отправляю Волка в квартиру, которую назвала Энси. В целом, только, чтобы убедиться в том, что Каро здесь нет. Тут никого нет. Все же наши догадки правильные. За всем стоит скромная и правильная девочка Энси, которая, кажется, весь своей ресурс тратила исключительно на то, чтобы угодить своему парню-мажору. Кто бы мог подумать?

После возвращения Волка отправляемся расспрашивать людей, возможно, кто-то видел. Скоро узнаем, что Каро, Энси и Эдвардс действительно были здесь. По словам соседей, вся троица села в магмобиль совершенно добровольно. Они уехали несколько часов назад. Куда, конечно же, никто не знает.

Падаю за руль и прикрываю глаза. У меня даже слов нет, чтобы снова поорать на Кита. Это бессмысленно. Он предал, и из-за его предательства Каро неизвестно где, как ее искать непонятно. Лестрат молчит, возможно, как раз потому, что он знает.

Волк и Кит тихо садятся с магмобиль. Кит предусмотрительно располагается на заднем сидении, а Волк плюхается рядом. Он, не отрываясь, смотрит на экран своего магфона.

— Кажется, я знаю, где они могут быть, - спустя некоторое время говорит он. - Лестрат кинул координаты.

— Поехали, — отрывисто бросаю я.

— Не дергайся, Каро сильная девочка, она может постоять за себя.

Очень хочется верить, но пока не могу. Мне нужно увидеть ее живой и невредимой, и только после этого я поверю, что она способна постоять за себя.

Каро

Руки влажные от волнения и крови. Меня и саму потряхивает. Нож, который еще сжимаю, дрожит. Представляю, какой у меня сейчас у меня видок. Эдвардс открывает дверь, даже не задумываясь, а зря. Мой вид с потерянным, шальным взглядом, окровавленными руками и покорно опущенными плечами сбивает его с толку. Парень слишком самоуверен. Он уже празднует победу, и следующие его слова это подтверждают.

— Теперь ты моя... — удовлетворенно произносит Эдвардс и достает из рукава уже известную мне пчелу, чтобы добить меня очередной порцией зелья. Он не спешит, не пытается скрыть движение или создать эффект неожиданности, который сработал в первый раз. Он уверен — ситуация полностью под его контролем. Наивный. Он забыл самое важное правило — никогда не недооценивай противника, особенно того, который потенциально сильнее тебя.

— А, может, ты мой? — отвечаю я и резко бью. Тело и магия пока слушаются меня еще очень плохо, но некоторые коронные движения я могу делать на автомате. Скованное остатками заклятья тело еще не способно действовать осознанно, но рефлексy сохранились. И чтобы пустить их вход, нужно совсем немного усилий. Если ударить молоточком по колену, нога подпрыгнет, и неважно, под действием заклинания находишься или нет. Так и сейчас мне сложнее сделать обычный шаг против воли Эдвардса, чем закрутить коронную вертушку, с мощным метальным кулаком.

Пчела летит в мою сторону, я ее сбиваю резким ударом. Для этого приходится снять туфлю и использовать ее, как оружие. Это действие более осознанное, поэтому и отнимает больше времени. Я едва успеваю нейтрализовать угрозу. Маленький летающий артефакт опаснее для меня, чем пытающийся выползти из угла Эдвардс. Когда понимаю, что пчела уничтожена, выдыхаю с облегчением. Теперь противнику нечего мне противопоставить.

— Ты пожалеешь об этом! — шипит Эдвардс из угла и пытается что-то там намагичить, я даже не вникаю, какая у него магия. Его попытки кажутся нелепыми и смешными. Со мной он не справится, я не зря тренировалась столько лет. Сейчас мне даже начинает казаться, что все было ради сегодняшнего дня.

Одновременно ментальный удар и вертушка, способны вырубить противника и посильнее, чем жалкий Эдвардс, который полагался лишь на зелье, лишаящее воли. Он серьезно рассчитывал удержать меня им и страхом? Я бью вполсилы, не хочу убивать идиота. Это было бы слишком просто для него.

— Ты все равно моя, ты ведь убила Энси! Ты за это попадешь в тюрьму, только я могу тебя защитить.

— Да кто тебе сказал такую глупость? — пренебрежительно фыркаю я, наблюдая, как парень утирает кровь из носа рукавом рубашки.

— Какую глупость?

— Ну то, что я ее убила? — послушно повторяю я, наслаждаясь его реакцией.

— Ты же сама и сказала!

— Неужели ты думаешь, я не могла соврать? — усмехаюсь я и подхожу ближе к поверженному, жалкому врагу, чувствуя, как за спиной буквально вырастают крылья.

Эдвардс делает неуклюжее движение, планируя меня достать, но я легко уклоняюсь и ловлю его за волосы, накручивая на кулак довольно длинную прядь — унижительно и больно. Тяну за собой, заставляя с противными всхлипами ползти на коленях в нужном направлении. И нет, мне не стыдно. Он несколько раз пытается вырваться, использовать магию, но я начеку и зла. Я сильнее. Просто сильнее, и

сейчас, видя перед собой это жалкое, возомнившее себя богом существо, удивляюсь, как он мог так долго держать меня в страхе?

Добравшись до розовой комнаты, я швыряю Эдвардса в угол. Чтобы не дергался, немного припечатываю ментальным ударом. Пока парень тихонько скулит в углу, изучаю розовую комнату, срываю с кровати балдахин из органзы и им заматываю поверженного врага, как куколку бабочки, чтобы точно не смог никуда деться.

Все это время он изрыгает проклятья, обещает небесные кары и грозит, что мне никто не поверит.

— Мне уже верят! — отмахиваюсь я. — Неужели ты думал, я не подстрахуюсь и никто не в курсе, где я?

Показываю висящий на шее кулон, приподняв его за цепочку.

— Что это?

— Это маячок. За моими передвижениями следят. Ты был достаточно продуман, но не учел одного. Это ты остался жить в том подвале, где твой повернутый папаша разрешал тебе играть с мертвыми куклами и следить за одной испуганной маленькой девочкой. Только девочка эта выросла и сделала все, чтобы стать сильной, предусмотрительной и ничего не боящейся. А вот ты остался прежним мальчишкой, который считал действия своего отца нормальными и верил, что куклы не вырастут. Но я не кукла.

— Ты заплатишь! Заплатишь за все!

— Безусловно. — Я не спорю. — Всегда приходится платить. Только вот я не сделала ничего, за что расплата будет слишком жестокой. А ты?

Я немного думаю и прихожу к выводу, что дополнительная защита не помешает, и приматываю Эдвардса к подпирающему потолок столбу. Неизвестно, когда явится Лестрат, а у меня еще Энси в подвале раненная (несильно, но мне нужно было, чтобы нож

испачкался в крови, и Эдвардс ничего не заподозрил) и связанная, потому что доверять соседке, которая приложила руку к тому, чтобы моя жизнь превратилась в ад, я не могла. Найденный в подвале моток липкой ленты решил сразу две проблемы. Им я связала Энси руки и заклеила рот. У меня не было никакой гарантии, что она не позовет Эдвардса.

Я спускаюсь в подвал и не верю, что кошмар в моей жизни закончился. Когда вывожу рыдающую Энси, зажимающую своей блузкой, неглубокую, но длинную рану на внешней поверхности бедра, в дом врывается перепуганный Лестрат.

— Это она? — спрашивает он, увидев раненую девушку. На ее лице красный след от липкой ленты, но Энси не спешит говорить, думаю, ее накрыло осознанием того, какие последствия ждут.

— Не только, — отвечаю я устало. — Ты кое-что упустил! Был еще один. И он ждет тебя тут неподалеку.

— Но как?

— Его семья тщательно скрывала усыновление. Это тоже весьма интересная история, — отвечаю я. — Сам спросишь. Я наслушалась. Ни видеть, ни слышать этих двоих не хочу.

Я передаю Энси на руки помощникам Лестрата, указываю, где искать Эдвардса, и выхожу на улицу, чтобы просто вдохнуть полной грудью.

На противоположной стороне дороги резко тормозит знакомый магмоиль, из которого выскакивают Кит и Волк и сразу же кидаются ко мне, но я замираю, всматриваюсь за их спины. Из магмабиля выходит Дар. Мне хватает лишь одного взгляда на его лицо, чтобы понять. Нет, ничего еще не закончилось. Все только начинается. Парень знает, что я соврала, и не готов понять. Но я не жалею, что поступила таким образом и оградила его от кошмара, в который меня хотели погрузить Эдвардс и Энси. С этой проблемой мне нужно было

справиться самой и не переживать за парня. И если он считает иначе... что же, наши мнения часто не совпадают.

Игнорирую Кита и Волка, кидающихся ко мне и пытающихся обнять, задать кучу неважных вопросов и воочию убедиться в том, что у меня все хорошо. Понимаю их чувства, но сейчас эти двое неважны. Я ценю их заботу обо мне, но важнее Дар. Мне необходимо попытаться объяснить с ним.

Друзья все понимают и не пытаются препятствовать, когда уворачиваюсь от их рук, лишь Волк на секунду ободряюще сжимает мою ладонь. Я отвечаю ему на пожатие, и тут же выскальзываю, устремляясь к Дару.

Парень стоит, прислонившись к магмобилю, и не делает попыток подойти, но и не срывается с места, чтобы демонстративно умчаться прочь. Уже хорошо. На его лице усталость и облегчение. Я не знаю, что сказать ему. Просить прощения кажется неправильным. Я всегда считала, нет ничего хуже, чем извиняться за то, что ты не считаешь ошибкой, поэтому я просто останавливаюсь напротив и прошу.

— Отвези меня домой, пожалуйста...

Наверное, это самые правильные слова. Других у меня сейчас просто нет. И в этой просьбе он не сможет отказать, если я что-то для него значу, если обида не затмила чувства. Ну а если она окажется сильнее, чем наша любовь... значит, это не мой человек. Да, я категорична, но мы никогда не скрывались друг от друга за масками. Наши чувства рождались сложно, но зато не из лжи. Я такая, какая есть. И для Дара это не секрет.

Дар также молча обходит магмобиль и открывает мне дверь. Я его понимаю. Он злится, но не бросил меня тут уже хорошо. Наверное, мне нельзя уезжать. Наверное, со мной хочет поговорить Лестрат и его коллеги, но мне все равно. Я поставила точку в очень важной главе в своей жизни. Мне нужно перезагрузиться и попытаться поговорить с Даром. Хотя бы попытаться объяснить свою позицию.

Едва магмобиль трогается с места, парень начинает говорить сам, чем облегчает мне изрядно жизнь.

— Почему ты ничего не сказала Каро? — с болью в голосе спрашивает Дар. Он ведет сегодня максимально медленно и аккуратно, словно переживает — если даст себе волю, то сорвется, и мы получим

не безопасную дорогу, а заезд по гоночному треку. Я знаю, парень на это способен.

Думаю достаточно долго. Мне кажется, отчасти ответ очевиден и ему, и мне. Не хочу озвучивать. Знаю, что Дара это заденет, и весьма справедливо. Поэтому говорю вторую часть правды.

— Это был мой бой. Я должна была выиграть его сама. Не злись на меня.

— Да? — Он хмыкает и магмобиль ускоряется, как и сердцебиение парня, которое я могу отследить по пульсирующей на шее жилке. — А мне почему-то казалось, что теперь бои все общие. Не находишь?

— Так не бывает. — Я грустно качаю головой и мысленно умоляю: «Ну, пожалуйста, пойми!»

— Кит знал, Волк знал... — Дар усмехается. — С ними ты этот бой была готова разделить, а со мной нет. Это, как минимум, неприятно.

— И с ними не была готова. Но я знала, они в любом вопросе послушаются меня, а ты... нет... я... — Кусаю губу и поворачиваюсь к Дару. Когда касаюсь его руки, парень вздрагивает и тормозит на обочине. Мы все еще в трущобах. До города довольно далеко, а здесь, в тени кустов и разрушенных домов нет никого. — Я не могу просить у тебя прощения... — честно говорю я, готовая, что Дар меня высадит прямо тут. — Но могу пообещать, что дальше не будет только моих боев... будут общие. Правда.

— Так не бывает, — тихо и грустно отвечает он, повторяя мои слова, и стирает с моей щеки дорожку слез. — Ты ведь сама так сказала. Мы не можем быть единым целым... И, чтобы быть вместе, нам все же необходимо побороть своих демонов.

Лед сковывает душу, мне страшно и больно, но Дар продолжает.

— Но, мне кажется, это и не для нас. У нас всегда будут свои бои... вопрос в том, а сможешь ли ты, Каро, стоять в стороне во время моего боя?

Этот вопрос мне не нравится, и я молчу. Я, правда, не знаю. Поэтому и не сказала Дару о своем. Он бы не стал стоять в стороне.

— Ты всегда будешь меня защищать, а меня всегда это будет ранить, — продолжает Дар. — Потому что я не хочу нуждаться в защите, особенно в твоей. Это я должен защищать тебя, а не ты меня...

— Дар...

— Знаю... — Он, взяв себя в руки, вырывается с обочины и прибавляет скорость. — Ты не нуждаешься в защите. Но я не могу быть с тобой слабым.

— Дар, ты мне нужен! — едва слышно говорю я. — Я тебя люблю. Люблю сейчас таким, какой ты есть.

— Я тебя тоже люблю, — очень просто признается парень. Словно его любовь — нечто обыденное. — А вот себя не очень. Вот и все. Мне важно подняться до твоего уровня, только так я могу ощущать себя достойным тебя. Только тогда смогу быть с тобой счастливым.

— Это неважно. Все это неважно...

— Вот ты снова говоришь о себе, — вздыхает парень. — Неважно для тебя. Для меня важно. Ты выиграла свой бой?

Я киваю, глотая слезы.

— Ты спрашивала меня, готов ли я переживать за тебя с трибун? Оставаться в стороне и не знать, где ты? Что с тобой и выживешь ли ты, сражаясь со своими демонами?

Отрицательно мотаю головой, всхлипывая и чувствуя себя виноватой.

— Я не прошу тебя извиняться. Не прошу тебя встать на мое место и представить, что чувствовал, когда ты решила рискнуть своей жизнью и даже не удосужилась сказать мне. Я честнее и говорю тебе. Могу быть с тобой, только если верну себе возможность нормально жить, дышать и пользоваться магией. Это мой бой Каро. Я его выиграю, и все будет хорошо.

— А если нет? — со слезами спрашиваю я, даже не заметив, что магмобиль тормозит возле колледжа.

— А как ты ответила себе на этот вопрос, когда уезжала с Энси, зная, что именно она отравляла тебе жизнь? — жестко спрашивает он, и я уже реву, не стесняясь.

Дар ударяет руками по рулю и, сорвавшись, разворачивается ко мне. Ловит ладонями заплаканное лицо и целует, жадно, с отчаянием, совершенно не успокаивая. Я не хочу, чтобы он уходил. Я знаю, что он задумал, и боюсь. Но Дар никогда и никого не слушает. Он не остановится, а я никак не могу его остановить. Это не в моих силах.

Поцелуй - прощание. В него Дар вкладывает всю боль, все то, что не смог сказать мне. И заодно именно этим поцелуем парень отвечает мне на вопрос, что будет, если он не победит. Это поцелуй-прощание. Горькое, неотвратимое.

Пожалуй, сейчас я начинаю чувствовать, что была не права. Мне надо было рассказать ему все. Возможно, он попытался бы меня удержать, и поимка Эдвардса затянулась, но тогда я бы могла удержать его от импульсивного, необдуманного поступка. А сейчас... Дар тоже считает, что имеет право на свой бой. Только ведь, это совсем не то! Как донести до него это?

Пытаюсь отстраниться, но парень не позволяет. Поцелуй со вкусом слез и горечи. До дрожащих коленей и кружащейся головы. И дальше я уже не могу остановиться и не хочу выпускать его из объятий, но все же послушно выхожу из магмобиля, когда Дар просит.

— Не мешай мне, пожалуйста, — говорит он. — Ты меня слышишь Каро?

Заторжено киваю, утирая слезы дрожащими руками, Дар кивает мне напоследок и магмобиль срывается с места, а я просто сползаю по забору на парковке. Я не могу ничего сделать, но, к счастью, у Дара есть не только я. Мне срочно нужен Кит. И будь, что будет. Понимаю — Дар не простит мне вмешательства, а я не прощу себе, если с ним что-то случится. Да, я всегда буду его защищать не потому, что считаю слабее, а потому что люблю.

Глава 26

Дар

Не верю, что Каро меня послушается, и от этого больно. Она готова отстаивать свои границы, но не считает нужным уважать мои. Я, правда, не могу ее простить, хотя очень хорошо понимаю. Я сам поступил бы так же. Это нас роднит, мы вообще очень похоже. Но я понял, что не могу в отношениях быть слабым звеном. Такой расклад для меня противоестественен.

Меня не прельщают нежные фиалки. Каро покорила своей прямоотой и силой, меня это заводит. Меня заводит она, но я не могу говорить с ней с позиции парня, закованного экзоскелет. Я хочу стать если не сильнее, то равным, иначе Каро меня подавит. Как я подавлю более слабого, как в определенный момент подавил Кита. Мне стыдно перед братом за свой эгоизм, но я не умею иначе. И совершенно точно не хочу оказаться на его месте.

Мне необходимо провести ритуал, потому что я дошел до точки. Отдаю себе отчет, что все может пойти не по плану, но ведь и Каро отдавала, когда пошла ловить маньяка на живца. Она знала, если ее преследователь окажется сильнее, она погибнет, но проигнорировала опасность. Проигнорировала меня и то, что я почувствую, если вдруг ее не станет.

Я держался в этом долбанном мире из-за нее. Я не лез на рожон из-за нее, я не пытался все исправить из-за нее. Она просила. Она говорила, что это неважно, и я смирялся, прогибался, теряя свою суть. Не хотел причинить боль неудачей. Но когда ей пришлось рискнуть жизнью, задумалась ли Каро обо мне? Нет. Это отрезвило.

Значит ли это, что ее слова о любви — просто слова, а чувств нет? Не думаю. Просто она такая. И в этом ее сила. И я такой же, но рядом

с ней начал забывать. Стал слаб не только телом, но и душой.

А сейчас я сломался. Она не нуждалась ни в чьей поддержке, ни в чьей помощи, а я даже не был в курсе, что Каро в опасности. Слишком размяк, стал смиряться с позицией слабого. Того, кого защищают и оберегают, но я не такой и сильнее, чем потерять Каро, боюсь потерять себя. Лучше погибнуть, чем стать таким.

Я уверен, моих сил хватит для ритуала. Мой резерв, благодаря тренировкам, стал больше, я еще неплохо подпитался от Кита, собирая магию по крупице и в кои-то веки, не потратил бездарно силы брата. Мне должно хватить.

Даже с местом проведения ритуала определился. Удобнее всего было бы дома, в нашем с Китом зале, но там мне проще всего помешать. Поэтому я решил остановиться на клубе. У меня были ключи. Их дал Волк, для того чтобы я мог тренироваться (тренироваться я мог и дома, но приятель Каро об этом не знал) и теперь, если я сдохну на татами, ему за это влетит, но я не собираюсь умирать. В моей жизни только начало появляться что-то важное и ценное. Сейчас занятия закончились, и клуб опустел. Значит, мне никто не помешает. Главное, поспешить. Не думаю, что ритуал займет много времени.

Бросаю магмобиль в нескольких кварталах от клуба и решительно направляюсь к зданию. Убеждаюсь, что все окна темные, а значит, никого нет, и осторожно, через черный вход пробираюсь внутрь. В зале свет не включаю. Достаточно освещения, которое проникает через окна. Сумеречный вечер позволяет разглядеть очертания стен, а большего мне и не нужно. Магия — это не про зрение, осязание или обоняние. Она про чувства. Не обязательно видеть окружающее пространство, чтобы направить потоки силы и заставить ненавистный скелет стать частью моего тела. Нужна лишь смелость и сила воли, потому что я знаю. Будет больно. Только вряд ли могу представить насколько. Снимаю рубашку и сажусь в центре зала. Мне не нужно ничего кроме магии и силы воли. Слова заклинания, жесты, дыхательные практики — я все изучил.

Прикрываю глаза и начинаю ритуал, чувствуя, как вся доступная мне магия покидает тело, сразу делая его невыносимо тяжелым, и очень быстро я понимаю, о чем говорила бабушка — без магии я не смог бы даже сидеть. И никакой экзоскелет бы не помог. Заваливаюсь набок и неуклюже падаю навзничь под тяжестью, ставшего неподъемным экзоскелета. Смотрю в серые очертания потолка и перестаю соображать от навалившейся на меня слабости и боли. Именно эти чувства преследовали бы меня, если бы я не обладал магическим потенциалом такого уровня. Даже устроиться поудобнее получается с трудом. Ноги практически не двигаются.

Наверное, бабушке и мирс Валери нужно было дать мне сразу же почувствовать это, потому что теперь моя жизнь не кажется такой уж убогой. Могло быть хуже. Раньше я этого не осознавал.

Но понимания недостаточно, чтобы я отступил. Надо мной вращается воронка из магии, в основном голубовато-льдиистой с огненными вкраплениями, позаимствованными у брата. Это то, что позволяло мне быть почти нормальным и то, что должно помочь убрать экзоскелет, если я все сделаю правильно. Но я не зря учился контролю, не зря раз за разом прогонял все действия у себя в голове. В теории выходило, должно получиться и на практике.

Я выдыхаю и начинаю по крупнице засасывать магию обратно, а вместе с ней заставляю уходить глубже под кожу спицы экзоскелета. Шэх научил меня этому. Определенный комплекс упражнений, который я сам отработывал до автоматизма. Если не задействовать магию — это тяжело, полезно и безопасно, но если подключить силы, правильно приложить вектор, можно совершить невозможное. Это дико больно, настолько, что, кажется, пару раз я теряю сознание, но потом снова прихожу в себя от боли. Во рту привкус крови, под носом кровавые дорожки, и пелена застилает глаза. Впрочем, смотреть тут не на что, разве что на стремительно таящий магический резерв. Он уменьшается намного быстрее, чем я предполагал. Словно рассчитываешь, что вода из емкости будет долго вытекать по капельке, но вместо этого получаешь стремительный поток, словно кран сорвало. И это пугает, я пытаюсь что-то сделать, как-то повлиять и замедлить процесс, но не могу, так же, как невозможно справиться с напором воды, которая хлещет из трубы при аварии. Ситуацию осложняет адская боль, выкручивающая мышцы.

Пытаюсь приподняться, но не могу. Меня словно примагничивает к полу, придавливает экзоскелетом, который сжимается плотнее, прорывая кожу, мышцы, сильнее закрепляясь в костях и втягивая в себя магию. Становится страшно, потому что магии в воздухе почти не осталось, а процесс остановить невозможно.

Экзоскелет живет своей жизнью. Некоторые спицы выскакивают, изгибаются и снова впиваются в тело, чтобы занять другое положение, и мне кажется, что я весь похож на кровавое месиво — раскуроченное железо и разодранная плоть. Но увидеть себя со стороны не получается, и как и контролировать процесс. Если бы была малейшая возможность это прекратить, я бы нажал на кнопку «стоп» неважно как. Можно моей смертью. Пока просто стискиваю зубы и молюсь, чтобы это все закончилось.

Даже не понимаю, в какой момент окончательно теряю контроль над процессом и начинаю орать от невозможной боли. Меня выворачивается наизнанку. Сухожилия рвутся, кожа трещит и внутри меня укореняется инородный металлический скорпион, который устраивается в моем теле поудобнее и пока конца этому не видно, а вот магии уже да.

Я смотрю на истончившуюся мою и практически закончившуюся Кита и понимаю, я сильно глупил. Моих сил не хватит. И что самое страшное, скорее всего, я не умру, так и останусь до утра лежать искореженной кучей из мяса, костей и металла. Все, как и предупреждал шэх. Все, как и боялась бабушка. Я не верил, что может быть что-то хуже, чем мое состояние, но теперь я точно знаю — может. И это не смерть.

Каро

Быстро беру себя в руки, хотя меня шатает от усталости и душераздирающего разговора с Даром. Не отпускает дурное предчувствие, словно решив одну проблему, я пустила под откос всю остальную жизнь, сдернув предохранитель у Дара. А Дар без предохранителей — это очень опасно. Его нужно остановить, даже если сил нет просто моргать.

Последние сутки выдались невероятно тяжелыми, и сейчас нужно совершить последний рывок. Одна я его сделать не смогу, поэтому пытаюсь связаться с единственным человеком, который может повлиять на Дара — Китом, но он вне доступа.

Пробую снова и снова, и практически впадаю в панику. Я уже готова мчаться домой к Дару, чтобы предотвратить трагедию. Не уверена, что дергать его бабушку — лучшая идея, но других у меня нет. Я уже направляюсь в сторону дороги, надеясь поймать того, кто отвезет меня до города, когда из-за поворота вырубивает оса Волка. Он не один, а с Китом.

Всклипнув от облегчения, бегу им навстречу и обрисовываю и, сбиваясь, ситуацию.

— Идиот! — в сердцах выдыхает Волк. — Он же сам говорил, что это опасно! Какого же полез на рожон?!

Кит просто в прострации. У меня есть подозрение, что об этом закидоне брата он, если и слышал, то краем уха. Не принял всерьез и сейчас постепенно осознает. На его лице сменяют друг друга недоверие и подступающая паника. Понятно, что на осе мы все не поместимся, поэтому пересаживаемся в магмобиль Кита и мчимся в единственное место, где Дар может провести ритуал — домой. Там есть зал, звукоизоляция, все условия. И если что-то пойдет не так, ему именно там смогут оказать помощь.

— А бабушка? — спрашиваю я. — Она не сможет его остановить?

— У нее ученики, — отвечает Кит отрывисто. — Она просто не обратит внимание на, что происходит в другом крыле. С ней даже сейчас связаться не получится.

Это страшно, вот так вот быть рядом и не оказать помощь просто потому, что ты не в курсе. Мы доезжаем до дома близнецов меньше, чем за сорок минут и несемся в зал для тренировок, но он пуст. Дар оказался хитрее и не пошел по простому и очевидному пути. От отчаяния хочется выть, потому что драгоценное время уходит.

— Демоны! — в отчаянии ругается Кит и беспомощно оглядывается по сторонам. — Я представления не имею, где может быть этот идиот!

— Кажется, знаю, — отзывается Волк задумчиво. До этого он молчаливо держался в стороне, я даже забыла, что он последовал за нами с Китом.

Мы с Китом недоуменно на него смотрим, и парень поясняет.

— Как-то Дар попросил у меня ключи от клуба.

— Ты ему дал? — возмущаюсь я. — Нафига?

— Каро, а почему нет? Он просил для тренировок, я же не думал, что он настолько повернутый, чтобы совершить там самоубийство! Да и не там тоже! — в сердцах бросает Волк. — Мне и в голову не могло прийти, что могут быть проблемы. Любые. Это мы нашим не даем, потому что им жить негде, иногда жрать нечего, они могут что-то утащить, позвать друзей и устроить вечеринку... теперь все это, мне кажется, не таким страшным...

— Если можно совершить какую-то дичь, — раздраженно выплевывает Кит. — Мой брат ее совершит. Помчали, возможно, получится успеть.

— Если он начал ритуал, остановить уже не получится, — с сомнением отвечает Волк, словно готовя нас к худшему. Желудок сжимается от страха и ощущения надвигающейся катастрофы.

— Времени прошло много, — обреченно говорю я.

— Возможно, ритуал не получится прервать, но я смогу помочь закончить, — уверенно отзывается Кит. — Я знаю, что на него требует очень много силы. Дару не хватит своей. Ему и так не хватало. Мы с ним, как сообщающиеся сосуды, как только я окажусь рядом, мой потенциал станет для него доступен.

— Но если он будет только брать...

— Нам надо его спасти, — заявляет Кит, и я кидаюсь следом за ним к магмобилю. Волк по дороге набирает шэха, хотя чем он может помочь, даже если доберется до клуба раньше нас? Если Дар все же не остановился и начал ритуал, единственный его шанс на спасение — Кит. Ну а я слишком хорошо знаю парня, он не отступит. Есть еще шанс, что Дар сможет справиться сам, но вероятность этого крайне мала.

Мирс Амелию мы решаем не беспокоить. Она тоже не может нам помочь, ну и во мне и Ките еще теплится едва заметна надежда — вдруг мы ошиблись и ничего трагического не случилось?

А вот у шэха другое мнение, и он сначала решает заехать к ней. Мы уже далеко от дома, и поворачивать не вариант. За бабушкой близнецов отправляется шэх.

Мы влетаем в клуб и мчимся на второй этаж к залу, из которого слышен лишь слабый стон. Мне плохо на физическом уровне. Кружится голова, и я просто боюсь заходить внутрь, но не могу

позволить себе остаться снаружи. Там Дар, и я должна быть рядом с ним, что бы ни случилось.

Когда влетаем в приоткрытую дверь, на ходу зажигая свет, я могу только тихо завывать от увиденного. Ноги подгибаются. Волк успевает меня подхватить и не дает осесть на пол. На полу лежит окровавленный Дар в неестественной позе, а над ним едва заметные истончающиеся искорки магии. Их так мало, что почти не видно. На меня нападает ступор, я могу держаться в вертикальном положении лишь потому, что крепкой рукой меня поддерживает Волк.

Можно было бы предположить, что парень мертв, но его тело изгибается, словно одержимое бесом. Кит более стойкий и четко понимает, что нужно делать. Он кидается к брату, а я не могу. Только всхлипываю, вцепляясь в Волка, как в спасательный круг.

Едва Кит приближается, как вся его магия, вспыхнув неестественным, очень ярким пламенем, устремляется к Дару. Это не обычный обмен силой между близнецами, который бывает даже незаметен окружающим. Это рождение сверхновой. Такой одномоментный выброс силы пугает, и Кита тоже. Потому что он пытается шарахнуться в сторону, но у него это не получается.

Услышав крик, я не сразу понимаю, чей он. Предполагаю, что кричит Дар, но потом вижу, что творится с Китом. Огненная волна силы связывает близнецов, и если Дар начинает приходить в себя, проволоки экзоскелета уходят под кожу, раны закрываются, и сам парень присаживается, медленно обводя помещение мутным от боли взглядом, то Кит пылает. Он похож на факел, и, кажется, этот процесс не получается остановить. Кит стоит, раскинув руки и запрокинув голову. Огненная магия не затрагивает ничего вокруг, но испепеляет самого парня. Я не могу даже разглядеть, что с ним, потому что Кит с ног до головы скрыт огнем.

— Ты нахрена его сюда привела! — орет Дар, на коленях пытаюсь добраться до брата. Я обращаю внимание, что экзоскелета на парне нет, о том, что он был, напоминают только плетения золотых проволок на одной руке. Но процесс не закончен, и Дар не в силах его прекратить. Он безуспешно пытается разорвать магическую связь, но не может. Ему на помощь кидается Волк, который стаскивает с себя куртку и пытается сбить с Кита магическое пламя, но это не дает никаких результатов. Мы все вынуждены наблюдать за тем, как Кит

пылает, словно свечка, падает сначала на колени, а потом лицом вниз, а пламя начинает потихоньку спадать, обнажая обугленное, изуродованное тело.

Я не могу даже расслышать, что кричит Дар. Кажется, проклятья. Слезы застилают глаза, и снова, чтобы я не упала, меня поддерживает Волк.

Когда в помещение влетают шэх и мирс Амелия, уже все закончено. Дар на коленях рыдает над почерневшим телом брата. В том, что Кит мертв, нет никаких сомнений. Не нужно даже подходить — после такого не выживают. От Кита мало что осталось. Особенно страшно это на фоне совершенно целого помещения. Магический пожар не оставляет ни следов, ни запаха. Наверное, поэтому в случившееся не получается поверить, но чуда не происходит. Я несколько раз моргаю, но картинка не меняется. Дар исполнил свою мечту, только вот какой ценой? Ее никто не был готов заплатить.

— Это я во всем виноват... — произносит Дар глухо. Безжизненный взгляд, вместо лица восковая маска. Мне кажется, сейчас погиб не только Кит, но и его брат. От этого так больно, что в груди все леденеет. Если мне невыносимо, то как же чувствует себя Дар?

Он медленно поднимается и на негнущихся ногах идет к выходу. Кидаюсь к нему, чтобы обнять, но меня останавливает один лишь взгляд. В нем отчаяние и тьма.

— Никогда не подходи ко мне, — тихо произносит он. — Это был мой бой, ты не дала мне его провести. Я просто просил тебя не вмешиваться. Ты же сделала хуже. Если бы я хотел позвать Кита, позвал бы его сам.

— Ты бы погиб, если бы я не вмешалась! — всхлипываю я, слишком поздно понимая, как эгоистично звучат мои слова. Дар реагирует сразу же.

— А кто ты такая, чтобы решать, какому из близнецов жить? — выплевывает он, и я медленно оседаю, как только до меня доходит смысл его слов. Я и в мыслях не желала зла Киту, я просто хотела спасти Дара.

Парень уходит, а я дальше просто теряюсь в своем отчаянии. Меня поддерживает Волк. Я вижу мирс Амелию с опущенной головой возле тела своего второго внука, которое уже накрыли чьей-то

рубашкой, возможно, Дара. Я не помню, как меня выводят, и отключаюсь уже в коридоре, чтобы прийти в себя в спальне в доме шэха. Я даже выйти из нее боюсь. Не хочу знать, что было после того, как я потеряла сознание. Ничего хорошего.

В таком состоянии провожу три дня. За это время ни звонка, ни визита Дара. Глупо говорить, что я не жду. Жду. Очень. Пытаюсь связаться с ним сама, но это тоже не срабатывает. Он вычеркнул меня из своей жизни. Не могу его за это винить.

Пару раз заходит Волк, но шэх запрещает ему говорить со мной про случившееся. Шэх вообще ограждает меня ото всего. Не могу понять его отношение к произошедшему. Он тоже меня винит? Или беспокоится? Узнаю я все на четвертый от Мары, которой запреты шэха не указ. Он пытается ей что-то диктовать, но с дочкой мэра спорить и себе дороже, она не слушает даже отца.

Мара рассказывает, что Кита больше нет. Уже прошли похороны для узкого круга родных в закрытом гробу, пепел, как и положено у магов огня, развеяли. Дара на похоронах не было. Его никто не видел с того самого дня. Документы из колледжа он забрал. Точнее, не он сам, представитель семьи. Мирс Амелия временно отменила всех учеников и не выходит из дома.

Я понимаю, что я должна увидеть мирс Амелию. Меня гложет, что я не пришла на похороны Кита, ведь он погиб из-за меня. Я его привела к Дару и не могу себе это простить. И Дар мне этого простить не смог. Он уехал, даже не попрощавшись, и это разрывает душу, но я его понимаю. Я просто не могу переварить то, что случилось за последние дни. Не верю, что Кита нет, Дар меня ненавидит, а моя жизнь продолжается. И окружающие ждут, что я войду в колею и как-то буду планировать свое будущее. Не хочу учиться. Не хочу цеуньши. Ничего не хочу. Кажется, метод Дара — уехать и начать с чистого листа — лучшее решение, но я не могу сделать даже это. Вдруг когда-нибудь Дар найдет в себе силы простить меня и вернется?

Шэх пресекает идею забрать документы. Я бы не послушалась, но и Мара, и Волк единокорны. Я никому не сделаю прощенья, если брошу учебу.

В колледже никто не знает подробностей трагедии, а те, кто знает, будут молчать. Решение не такое простое, но я все же его принимаю и остаюсь в колледже. И даже вливаюсь в общий ритм. Пока не живу, а

существую, но постепенно приходится смириться, что мир не остановился. В нем происходят какие-то события, и мне приходится принимать в них участие. На тренировки я тоже возвращаюсь. Оказывается, они единственное, что меня держит на плаву. Они спасли меня в детстве, спасают и сейчас. К дому близнецов прихожу через две недели и долго стою у двери, прежде чем решаюсь постучать.

Мне открывает сама мирс Амелия, словно чувствует, что за дверью неслучайный человек.

— Простите...— начинаю я, понимая, что слова даются с трудом. Мирс сильно постарела. На сером, осунувшемся лице лишь яркие, так напоминающие близнецов глаза горят по-прежнему ярко. — Вы, наверное, не помните меня...

-Ты серьезно так думаешь? — сухо спрашивает она. — Нет, Каро. Я не могу забыть девушку, которая так круто изменила мою жизнь. Нет, — пресекает она извинения, уже готовые сорваться с моих губ. — Я не виню тебя в том, что я потеряла обоих внуков. Дар всегда был безрассуден, а Кит излишне жертвенен... Твоей вины нет в случившемся, в этом не виноват никто. И точно, в этом не виновата ты. Каждый сделал свой выбор. Моя беда в том, что я не научила внуков делать правильный выбор.

Слезы подступают к горлу, и я не пытаюсь их сдерживать.

— А Дар...Дар не считает так. Он ведь никогда не сможет простить меня?

— Дар никогда не сможет простить себя, — тихо говорит мирс Амелия. — Он слишком дорого заплатил за свою мечту, и ему сейчас очень больно.

— Где он? — спрашиваю я с надеждой.

— Не знаю. Уехал и не думаю, что вернется. По крайней мере, не сейчас. Если ты хочешь его ждать... не жди. Это бессмысленно. Вряд ли он, когда станет прежним. Такие трагедии сильно меняют.

В ее голосе боль и сожаление, словно и с этим внуком она уже попрощалась.

— Я могу его найти?

— Кто знает? Но я тебе в этом не помощница. Я не знаю, где он и если бы знала, не сказала бы. Это его воля. Отпусти его, Каро. Вряд ли он сможет отыграть назад свое отношение к тебе. Это не в его натуре.

Не терзай ни его, ни себя. Все случившееся всегда будет стоять между вами.

— Понятно, — говорю я и отступаю. Слезы текут по щекам. Мой мир рухнул, но надо быть справедливой, рухнул уже давно. В тот самый миг, как я обрекла на смерть одного брата, чтобы спасти другого. А теперь мне предстоит выстроить жизнь из кирпичиков, потому что сама я осталась жива. Иногда мне кажется, к сожалению.

Эпилог

Мирс Амелия закрывает дверь за неожиданной гостьей и сразу сникает. Все силы ушли на то, чтобы выглядеть сильной перед посторонним человеком. А сейчас ее спина сгорбилась и удаляется женщина шаркающей походкой старухи.

— Тебе не стоило выходить самой, — укоряюще говорит мирс Валери, придерживая за локоть и помогая приятельнице подняться по лестнице. Там, где лежит рука мирс Валери голубоватое свечение, подпитывающей целительной магии.

— Не трать силы на меня, — жестко отвечает мирс Амелия. — Мне не поможет. Ему твоя магия важнее. Почему ты не с ним? Его нельзя оставлять одного.

— Вас тоже, — отвечает она холодно. — С вашим внуком Агния. Она справится не хуже меня. Почему вы ничего не сказали девочке?

— Потому что так будет лучше. Не о чем пока говорить и ни к чему давать надежду, которая может оказаться ложной.

— А его брату?

— Позже. Пока сложный процесс только начался, вам ли не знать. Мы представление не имеем, что получится на выходе. И увенчается ли успехом все задуманное.

— Заклинание феникса сработало. Вы успели вовремя. Да это небыстро. Да больно, но процесс запущен и, рано или поздно, он завершится. Мне кажется, Дару нужно бы знать, что его близнец жив.

— Я бы не назвала это «жив». — Мирс Амелия качает головой. — Мы не знаем, кто возродится. И никто, кроме самого феникса не может решить, кто будет знать о его возрождении. Это правило. Если Кит разрешит, я расскажу Дару в тот же миг... но сколько в фениксе останется от Кита?

— У вас может не остаться времени. Мирс Амелия, вы с каждым днем слабеете.

— Все справедливо. Жизнь за жизнь. Феникс не может возродиться без жертвы.

— Как только он окончательно очнется, вы умрете.

— Значит, все расскажешь ты. И если он разрешит, то и Дару. Ну а если захочет начать новую жизнь... позаботься об этом. Он должен получить все ему причитающееся, как мой внук, но через третьих лиц. Если он того пожелает, никто не должен знать. Понятно?

— Не переживайте. Я прослежу, чтобы ваша воля была исполнена. Кит заслужил счастья.

— Я тоже так считаю, но, возможно, для того, чтобы быть счастливыми, моим внукам нужно разорвать тесную связь, которая между ними с рождения.